ВЛАДИМИР ИВАНОВ

Повесть об Антиохе Кантемире

ВЛАДИМИР ИВАНОВ • ПОВЕСТЬ ОБ АНТИОХЕ КАНТЕМИРЕ

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

Повесть об Антиохе Кантемире

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

Р2
И 20

В книге ленинградского писателя Владимира Иванова повествуется о драматической судьбе Антиоха Кантемира, русского сатирика, крупного дипломата.

Жизнь Антиоха Кантемира дается в книге в развитии, начиная с детства и кончая смертью вдали от родины. Автор рассказывает о тех людях, которые оказали большое влияние на характер Кантемира, пробудили в нем любовь к русской культуре и слову, воспитали в нем глубокие патриотические чувства, определившие и его сатиры, и его мужественную, самоотверженную деятельность представителя России на посту дипломата.

Художник **Николай Васильев**

И $\frac{4702010200-029}{083(02)-83}$ 40—83

Глава первая

НА НЕВСКИХ БЕРЕГАХ

Младой отрок должен быть бодр, трудолюбив и беспокоен, как в часах маятник.

«Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению»

В шестнадцатый день мая, на третьем году нового, осьмнадцатого века, а по церковному исчислению в 7211 году от сотворения мира и 4949 году от Ноева потопа, на небольшом Заячьем острове в устье Невы был заложен Санкт-Петербург — город и крепость. В том же мае на соседнем Березовом острове, по преданию, за сутки возникло самое первое на невских берегах городское строение — домик Петра, с гладкими деревянными стенами, расписанными под кирпич.

Быстро поднимались бастионы новой надежной крепости, сооружаемой двадцатью тысячами подкопщиков. А многие тысячи землекопов, плотников, кузнецов, маляров, кровельщиков и других мастеров-чудодеев преображали Березовый остров в Городской. Всякое каменное строительство по всей стране было прекращено, каменщиков неотложно вытребовали со всей России в Петербург. Как по щучьему велению, на многолюдную стройку доставляли бессчетное количество «дикого камня», обо-

жженного кирпича, извести — ни в чем задержки не было, ибо Петр Первый предупредил: «Кто станет чинить каменному делу помешки, будет без пощады и без рассмотрения повешен».

Чавкала под лопатами земля, плясали топоры, пели пилы, скрипели тачки. Жалкие шалаши и крытые дерном землянки уступали место петербургским строениям. С удивительной быстротой на невских берегах возникли десятки улиц, появились правительственные здания и пышные палаты петровских вельмож. Вскоре Городской остров был переименован в Петербургский.

Изба, как известно, красна не углами, а пирогами. Столица должна украшаться и возвышаться не столько куполами и шпилями, сколько трудами и умами. И Санкт-Петербург возблистал достойными служителями Марса, Нептуна, Аполлона, Меркурия и других божеств, то есть стал славен полководцами и бомбардирами, искусными корабелами и мореходами, талантливыми зодчими, башковитыми мастеровыми.

По зову Петра в Санкт-Петербург прибыл со своей семьей молдавский господарь князь Дмитрий Кантемир, избравший Россию своей родиной. Во время Прутского похода он заключил с Петром Первым тайный договор о союзе, а вскоре открыто выступил на стороне России. Молодой и прозорливый молдавский господарь знал: только нерушимый союз с Россией вызволит, спасет Молдавию от османского лютого ига.

Прутский поход для русских войск оказался неудачным. Одним из условий мирного договора турецкий султан поставил выдачу ему господаря, обрекая Дмитрия Кантемира на мучительную казнь. Петр своего союзника палачам не выдал. Дмитрий Кантемир и четыре тысячи верных ему молдаван нашли прибежище в Российском государстве.

Землю государь отвел Дмитрию Кантемиру на левом берегу Невы близ царских зимних палат. Временно Кан-

темиры поселились в деревянном здании на правом берегу Малой Невы, неподалеку от высокого вала и глубокого рва, пересекавших тогда остров и отделявших Петербургскую сторону от незаселенной березово-еловой стороны.

В классной комнате — «букварне» — она же считалась кабинетом непритязательного Ивана Ильинского, домашнего секретаря и обучателя, она же была его молельней и опочивальней, — младший сын молдавского господаря Антиох неторопливо расстелил на столе географическую карту. Кончиком гусиного пера нарисовал у Финского залива кружочек и стал прицеливаться, где бы лучше поставить надпись. В это время — добро пожаловать! — в комнату влетел басистый шмель. Крылатый гость покружился у славянских, латинских и греческих книг, перемахнул к чернильнице и песочнице, оттуда шарахнулся в угол к розгам, припасенным для старших братьев Антиоха: березовым для Матвея и Константина и двоюлетним черемуховым для Сербана. Шмель гудел, словно приглашая Антиоха на траву-мураву, в белоствольный березняк...

Помогая полосатому гостю выбраться на солнечный простор, Антиох широко раскрыл окно. Завидев сестру, стал звать:

— Княжна Марья, подойдите поближе!

— Антиоша, ты один? — удивилась сестра. — Ну конечно, эти разбойники, — подразумевались Матвей, Константин и Сербан, — за книгой сидеть не станут!.. А ты чем занят?

— Любуюсь картой.

— Есть на что посмотреть, есть чему подивиться! Матвей поставил у Гдова кляксу шире озера, Константин продырявил Ладогу. Впрочем, карта еще послужит: реки,

озера и большие города обозначены! Сумеешь найти Великий Новгород, Великие Луки, Великий Устюг?

— А как быть, если город больше великих, а его на карте не найти? Что прикажете делать?

— Води пальцем и читай!

— Олонец, Тихвин, Устюжна, Нарва, Копорье, Нотебург, ранее был Орешком, теперь стал Шлиссельбургом. А Петербурга нет!

— Смешной ты, братец, ищешь новый город на старой карте!

— Вовсе не старой! — Антиох выпрыгнул из окна. — Карта молодая, вам ровесница! Но старше меня, а я старше новой столицы!

— Давай сосчитаем! — обрадовалась сестра. — Родился ты, Антиоша, в тысяча семьсот восьмом году, а Петербург основан в тысяча семьсот третьем году, то есть на пять лет раньше! Не так ли?

— Но столицей Петербург стал в тысяча семьсот двенадцатом году. Не так ли?

— А где ты читал об этом указ? Может быть, и указа не было! Может быть, мало кто знает, что Петербург — столица!

— Государь знает, значит, и господарь знает. А если господарь знает, и его младший сын знает!..

— Несносный спорщик! — рассердилась сестра. — А где твой обучатель? Куда ушел? По каким делам? Скоро ли вернется?

Антиох не спешил с ответом. Ильинский больше всего боится бесовских искушений и всячески им противится. Да вот сегодня искуситель предстал в облике эконома Феофанова подворья отца Герасима с приглашением пойти отведать пива его варки, которое сам царь хвалит. И наставник не устоял, приглашение принял. Но не говорить же об этом сестре!

— А где братья колобродят? На берегу или в роще? Тоже не знаешь? Отдохни от книг, только не вздумай

далеко убегать. Если хочешь, догони Акиндина. Слышишь, как грохочет его колесница?

— Киндя, придержи коня! — Антиох помчался догонять телегу.

— До поворота, не дальше! — напутствовала княжна Марья младшего брата.

Тележный гром, стук, скрип, грохот для Антиоха звучали бравурной музыкой. Давно ли тут гнездились болотные птицы! А теперь по булыжной мостовой, грохоча, мчись к Гостиному двору...

— Тпру! — возница круто остановил коня и заорал на долговязого смуглого пешехода в немецком платье: — Под копыта захотел?

Антиох стал по-русски, по-латыни, по-гречески выспрашивать чужестранца: откуда он, куда ему надо?..

— А что это он повторяет: буль-буль, буль-буль? — спросил возница.

— Он — с Охты! Там живут мастера знаменитого парижского мебельщика Буля.

— По-каковски это он лопочет?

— По-итальянски. Потерял своих. Попал на неведомый остров. У Буля два имени — Андре и Шарль, а у острова — три: Олений, Преображенский и Васильевский!.. Киндя, отвези его к лодкам!

— Нет, ваша светлость, не могу! — сказал молодой возница. — Не по дороге!

— И я не могу, — вздохнул Антиох, — должен домой возвращаться. Но, так и быть, немножко провожу этого господина.

И, спрыгнув с телеги, зашагал рядом с итальянцем.

Тот весело рассказывал отроку о своих сборах в Россию. Его стращали белыми медведями, разгуливающими по городу, жгучими морозами и летучими мышами-вампирами, живущими в дуплах развесистой клюквы.

— Страшновато! — согласился Антиох.

— Приходи к нам на Охту, — пригласил итальянец. —

Делаем кресла, стулья и столики на птичьих ногах и львиных лапах. Скоро примемся украшать русские корабли наядами, тритонами и другими диковинными существами.

— Меня одного сестра не отпустит. А хотелось бы мне посмотреть шведскую крепость Ниеншанц, которую недели за две до основания Петербурга, в тысяча семьсот третьем году завоевал Шереметев, наш знаменитый полководец. Славная победа была отмечена новогодним фейерверком: засверкал российский орел с картами трех морей — Белого, Каспийского и Азовского. А владыка морей Нептун пожаловал Россию четвертым морем — Балтийским! Штандарт с изображением российского орла с двумя морями в орлиных лапах и двумя морями в двух орлиных клювах поднимают над Петропавловской крепостью по большим праздникам.

— Чего только не знает этот малыш! — восхитился итальянец. — Надо же, какой говорун, а выдумщик — и того лучше!

— Нет, нет! — сказал Антиох. — Ты выдумал, что я выдумщик. Мой дядька учился в ту пору в Москве, в Славяно-греко-латинской академии и новогодний фейерверк видел своими глазами. А я видел этот фейерверк на голландской гравюре. Гравюру продавали в книжной лавке Гостиного двора. Гостиный двор потом в одночасье сгорел, но его быстро отстроили.

— И гравюры сгорели?

— Ах, ты не веришь мне? Хочешь, зайдем вместе в книжную лавку? Это недалеко.

— Что ж, пожалуй.

«Книжный купец», бывший оружейник, Михайло Васильев исподлобья глянул на странных посетителей.

— Займись, Кузя! — Васильев поручил пришедших

заботам своего друга-приятеля, частенько заглядывавшего в книжную лавку, а сам углубился в привычное занятие — для купца Пуда Лотыча чинил увесистый замок.

Кузя тряхнул курчавой бородкой и стал выхвалять васильевское богатство:

— Перед вами персона его царского величества, с двух досок — цена пять алтын! За тридцать шесть алтын — вид Москвы с Воробьевых гор, с облаками! Вид на Петербург с Невы — всего шесть алтын! Персона полководца Шереметева — десять денег!

— Есть у вас гравюра на меди Адриана Схобнека? — спросил Антиох.

— Кого? — откликнулся оружейник Васильев.

— Называют его по-разному: Схобнек, Схобенек, Шонбек и Шонубек. На гравюре изображен московский фейерверк по случаю взятия русскими войсками шведской крепости Ниеншанц.

— Кажись, видел! — приступил к поискам Кузьма. — Да вот она, голубушка!

Антиох отдал монету, подаренную ему сестрой, взял гравюру и с легким поклоном преподнес итальянцу. Тот, смутившись, принялся обшаривать свои карманы. К общему и своему удивлению, в одном из них обнаружил монетку. Ткнул пальцем в «Ведомости» с изображением Санкт-Петербурга. Расплатился с Васильевым, получил от Кузьмы картинку и торжественно вручил ее Антиоху.

— Благодарю! — принял подарок Антиох. — Этот господин заблудился. Как ему отыскать своих?

— Легче легкого! — сказал Кузьма. — В Гостином дворе на каждом шагу иностранцы. «Бонжур, камрад!» — француз... «Вас ист дас, пейте шнапс!» — немец!.. «Пинта джина, бифштекс» — англичанин!.. «Фока-брас, фока-рей, фока-галс» — голландец. Кого-нибудь встретит! А сам-то ты, братец, не заблудился часом?

— Мне надо на Карповку, к Ивану Ильинскому. Слышал о таком?

— Как не знать! Премудрый, что сова — большая голова! Долгогривый, что конь! .. Громкоголосый, что петух на плетне! .. Сухой, словно книга, сплющенная деревянным переплетом! Стало быть, он нынче на Феофановом подворье? Что ж, пойдем вместе.

В лавку пожаловал покупатель.

— Чем торгуете?

— Дровами да тетеревами, — любезно пояснил Кузьма.

— Ой, Кузя, отпугнешь последних моих покупателей, — сказал Васильев. — Книгами, сударь, торгуем, портретами да картинками. Продаем заодно свечи: сальные, восковые, литые, катаные. И чиним ружья.

— Торгуй, купец! — сказал Кузьма. — А мы пошли на поиски.

Долго искать не пришлось — итальянца сразу же окликнули и увели друзья.

Ивана Ильинского отыскали в библиотеке подворья Феофана Прокоповича.

— Отрок! Да как ты сюда попал? — изумился Ильинский. — А меня лукавый попутал: не могу оторваться от рукописей да книг.

— Ужин простынет! — напомнил Кузьма.

— И впрямь время трапезничать, — согласился Ильинский. — Поди, отрок проголодался!

— Как семеро волков! — подтвердил Антиох.

— Пригласил бы я вас к себе, угостил бы ушицей, да перчинки нет, а без перца уха — не уха! — вздохнул Кузьма.

— Мы не привередливые, — успокоил Ильинский.

— И соли нет.

— Хлеб-то хоть есть?

— И хлеба нет — ни середки, ни горбушки, ни крошки! Вот что удивительно: живу один, табачищем не дым-

лю, Бахусу не поклоняюсь — покойный дед взял с меня клятву. Питаюсь рыбой, которую сам ловлю, да лесной дичью. Получаю в день алтын, а то и весь пятак. И все равно денег не хватает!

— Возьми сухарь! — предложил Ильинский. — К ухе будет кстати. Да у тебя, поди, и рыба-то еще в реке?

— В реке не в руке, но за мной дело не станет. У кого сухарь, тот сам себе царь! Сегодня к себе не приглашаю. А если понадоблюсь, ищите меня в книжной лавке, либо у батырщиков в типографии, либо на Аптекарском огороде. Счастливой дорожки!

Чем ближе к дому, тем медленнее шли Антиох с дядькой: побаивались встречи с княжной Марьей. А княжна Марья тут как тут:

— Негодный Антиох, убить меня хочешь! Где пропадал?

— Был в книжной лавке, принес вам «Ведомости» с картинкой.

— А еще где?

— Со мной в Феофановой библиотеке, — ответил за Антиоха дядька.

— Правда, Феофану можно дать прозвище «златоуст»? — спросил Антиох. — Помните, в своем «Похвальном слове» он вопрошает: кто бы из иностранцев, узрев новоцарствующий город Петра, не подумал, что строился сей град полтора или три века? Август, император римский, похвалялся, что кирпичный Рим получил, а оставляет мраморный. Для пресветлейшего Петра это было бы обидой, он получил избяную Русь...

— Завтра, Антиоша, поговорим. А сейчас — ужинать и спать.

Перед сном Антиох проскользнул в классную комнату, расстелил на столе географическую карту и над кружочком возле Финского залива начертал: «Санкт-Петербург».

Глава вторая

МЛАДШИЙ СЫН

Пример всякого наставления сильнее.

Антиох Кантемир, «О воспитании»

Дмитрий Кантемир был дальновидным государственным деятелем и талантливым ученым — историком, философом, математиком, археологом, знатоком архитектуры. Перо валашского господаря уверенно писало слева направо — по-европейски и справа налево — по-восточному. В Санкт-Петербурге тех лет он был единственным, кто свободно владел добрым десятком языков, в том числе турецким, персидским, древним и новым греческим, молдавским, итальянским, французским и, конечно, латинским — свои сочинения он предпочитал писать на этом языке науки и поэзии. Петр Первый называл Дмитрия Кантемира человеком разумным и к советам способным.

Господарь хотел и своих сыновей — Матвея, Константина, Сербана и Антиоха — воспитать передовыми людьми века. Петр Первый пожаловал господаря привилегией после домашнего обучения отправить сыновей для продолжения образования за границу в университетские «знатные города». Но, к сожалению, Матвей, Константин и Сербан успехи оказывали скудные.

Гордостью отца был веселый, любознательный младший сын. Наставники тревожились: Антиох, поменьше читай, береги глаза! В раннем детстве впилась в Антиоха оспа — совиные очи, железный клюв! Чуть не заклевала до смерти. Щербинки на лице постепенно поизгладились, но тяжелый след перенесенной оспы — глазная мокрота — остался у Антиоха на многие годы.

— Отрок! — торжественно возгласил Иван Ильинский. — Мне поручено составить примечанийцы к малознакомым словам в трактате твоего родителя «О мухамеданской религии». Слово «аксиома» я объясняю: «по-

становление, никоего же довода требующее». «Феория», речение эллинское, объясняю: «умствование». «Машкара» объясняю: «харя». Не путай машкару с мошкарой, сосущей кровь человеческую. Слово «скала» объясняю двумя словами: «каменная гора». Отрок, если в моих примечаниях встретишь что-либо не совсем подходящее, говори откровенно, от меня услышишь только спасибо!

Антиох не преминул воспользоваться данным ему позволением.

— Отче! Я не согласен с твоим объяснением, что «машкара» — это «харя». На маскараде бывают и хари, и рожи, и морды, и птичьи головы, и рыбьи. Не лучше ли сказать: «машкара» — это «притворная личина»? О «скале» ты говоришь «каменная гора». А ведь скала не гора, а каменный утес, к небу нос!

— Брал бы ты пример со своего брата Сербана, он только годом старше тебя, а куда разумней — семилетний выступал перед самим государем с достойным восхвалением на греческом языке. «Похвальное слово» Сербана, на эллинском языке реченное, напечатано на латинском, греческом и славянском языках.

— Знаю, что «Похвальное слово» — твое, и перевод — твой. А Сербан только вызубрил, сегодня спроси — руками разведет, ничего не помнит!..

— Умолкни! — осерчал Ильинский. — Твой любимый Ювенал справедливо изрек: смертоносна для многих болтливость.

— Отче, ты сам меня учишь не осквернять уста ложью.

— Ты прав, отрок, сердиться на тебя не могу. Забудь, что я твой воспитатель. Выслушай, я прочту тебе эпиграмму, а ты без хитрости скажи, что думаешь о моем двустишии. Я обращаюсь к богу насмешки злоречивому Мому:

Ликуем, Моме, оба! се книга кончася,
Мне убо покой, труд же тебе даровася.

— Могутство и хорошство! — воскликнул Антиох.

Иван Ильинский порадовался его искреннему восторгу и счел своим долгом напомнить, что губительная лесть осуждалась еще в незапамятные времена. Так эзоповская Лисица по своему коварству за превеликую красоту восхваляла Врана, брашно в устах державшего, и упросила его испустить сладчайший глас свой, он отверз уста и... снедь свою с дерева уронил.

Антиох доказал, что он не похож на басенную льстивую Лисицу.

— Отче! — сказал Антиох. — Проповедники нередко с амвона величают царя Петра Геркулесом, Язоном и Персеем. Но мирянам, которые никогда книгу в руках не держали, откуда знать, кто такие Язон да Персей? Да и Геракла знает не всякий. А бога насмешки, как ты думаешь, знают?

— На справедливые слова можно ли обижаться! — с горькой усмешкой сказал Иван Ильинский.

— Если не обиделся, дозволь сказать: церковные слова «кончася» и «даровася» лучше было бы заменить мирскими, эпиграмма ведь не псалом!

Ильинский сразу стал похож на басенного Врана, у которого из клюва вытянули, выманили снедь.

— Только злобствующий зоил способен порицать восхваляемое другими. Впрочем, может быть, мои вирши кроме поругания ничего и не стоят! Но некогда мне с тобой рассуждать!

— Едем на левый берег! — обрадовался Антиох.

— Обуздай сперва свою гордыню. Ты всегда прав, ну и оставайся на правом берегу, а мне суждено быть ошую — на левом!

— А чем мне заниматься?

— Чем хочешь!

Ильинский ушел. Антиох подумал-подумал и направился в книжную лавку к Васильеву. Нашел его в ам-

баре на оружейном дворе, где «книжный купец» хранил всякий ненужный скарб.

— Антоша-Антиоша! — воскликнул Васильев. — Давненько у нас не был! Скажи, Епифан, — обратился Васильев к толстому серо-дымчатому коту, — в чем причина: или перевоз через Неву закрыт, или весла да паруса мыши погрызли?

— Наш новый дом еще не построен, — сказал Антиох.

— Эх, Епифан, разнесчастные мы с тобой — живем с Антошей-Антиошей на одном берегу, можно сказать, рядом, да он в книжную лавку дорогу забыл!

— Неправда!

Васильев с укоризной глянул на усатого толстяка и стал жаловаться на него Антиоху:

— Я так понимаю: если служить, так служить по уставу и совести! А мой щеголь в белых сапожках — последний-распоследний тунеядец! По его нерадению грызуны испортили в амбаре «Генеральную географию», обглодали дорогой «Голландский лексикон» и погрызли — на что польстились! — трехалтынную книжку в бумажном переплете «О браках неправоверных». А хуже кота, я скажу, — прибыль воды! В штормовую погоду волны норовят проникнуть в мой амбар и книжек тоже не щадят. Подмок «Сухопутный воинский устав» — сто семьдесят пять книжек, да полторы сотни священных канонов о здравии его величества царя Петра, да полсотни святцев в осьмушку. Еще хуже — на «Беседы апостольские» и «Алфавит духовный» опрокинулась бутыль конопляного масла. «Юности честное зерцало» тоже в масляных пятнах, ничего не прочтешь. Меня спросят: Васильев, почему книги, тебе доверенные, не уберег? А разве я книжный купец? Я — оружейник! Могу украшать фузеи, карабины, пистолеты. Могу отливать литеры и налаживать печатные станы. А мне приказали ведать книжной лавкой в

Петербурге. Дали книги и гравюры на восемьсот шестьдесят три рубля, двадцать четыре алтына и одну деньгу. Торгуй! А если не пойду торговать, пригрозили батогами.

— А разве торговать книгами не приманчиво?

— Приманчиво, да накладно. Иные воры и разбойники ночью нарочно поджигают дома, чтобы им было способней грабить. Намедни поджигателей схватили и, пока угли в пожарище не дотлели, казнили другим грабителям в назидание. Только не всех злодеев покарали, да и не тех!..

Васильев оглянулся и тихо, хоть поблизости никого, кроме кота, не было, сказал:

— Лиходеи в богатых кафтанах не хуже разбойников. Забредут в книжную лавку, пальцем, на котором перстень сверкает, ткнут в дорогую книгу: «Васильев, заверни! да поживей!..» Заберут самое ценное, а денег дождешься, как пушечного выстрела из навозной кучи.

— Здравствуй, купчина! — в книжную лавку вошел Кузьма. — Да ты, Михайло, не один!

— Кузьма, помоги, выручи, переправь меня на левый берег!

— Попутного ветра! — пожелал оружейник.

Когда челнок запрыгал по волнам, Кузьма поставил серый парус с пестрой заплатой и стал делиться с Антиохом своими заботами. Живет он ни бедно, ни богато, у него — три рубахи: одна мокнет в ушате, другая сушится на ухвате, третья пошла на полотенца, онучи и тряпки. А как новую завести, надо подумать! Он не батырщик-голландец, который мажет литеры краской и получает двести рублей в год. Он не приезжий тискальщик-печатник, которому тоже годовое жалованье — двести. А русским типографщикам — поденно пятак, молодым — алтын!

Антиох поведал о своих тревогах. Вместе с братьями обратился он к царю со всепокорнейшей просьбой отдать на их пароль грека Колетия, понеже тот во многих науках предовольно искусен, но по указу его величества сослан в Соловецкий монастырь — он был духовником цесаревича Алексея Петровича.

— Алексея, казненного отцом? Да как у вас духа хватило! — ахнул Кузьма. — Меня в лесу рысь поцарапала, отметины поставила на всю жизнь! Не замажешь, не загладишь! А вы к царю обратились!

— В нашем письме государю я пишу: «Если когда-либо, ваше царское величество, от нас его потребовать изволите, мы всегда готовы его, грека Колетия, поставить». Я написал, у меня почерк лучше, а братья поставили свои подписи.

— Не почерк лучше, а душа смелей! И отец ваш не робкий!

На середине широкой Невы Антиох залюбовался: кто поверит, что городу и двадцати годов нет!

Берега спорили, который из них краше.

Правый берег похвалялся домиком Петра. А сколько на правом берегу понастроено улиц! А зайди в правобережный Гостиный двор — что хочешь купишь и чего не хочешь купишь: хоть злат кафтан, хоть сарафан, хоть пирожки с зайчатиной!

Левый берег ответствовал:

«У меня — Летний сад, на дорожках — италийские статуи и заморские птицы, у фонтана, извольте полюбопытствовать, — тюлени! А в гроте — можете подивиться! — дикобраз, другого такого нет во всей России! А в Летнем дворце — диковинней всех диковин! — стоит царь за токарным станком с искусником Нартовым. Царской библиотеке в Летнем дворце тесно от книг, придется ей переезжать на Васильевский остров. На левом берегу — полюбуйтесь! — красуется Зимний дворец, крытый черепицей, ни в сказке сказать, ни пером описать! А ржавая

канава, по щучьему велению, петровскому хотению, стала северной красавицей — Зимней канавкой!»

«А вы гляньте на мою колокольню в Петропавловской крепости — превыше всех петербургских зданий. Пусть пришагает к нам из Москвы колокольня Ивана Великого, померяемся, которая выше!»

Левый берег отвечал дружным стуком топоров и перезвоном наковален на Адмиралтейской верфи. Полюбуйтесь, только сойдет со стапелей могучий линейный корабль — шестьдесят четыре, а то и девяносто пушек! — на его месте строится другой, еще более могучий!

Иван Ильинский, бородатый, подпоясанный то ли веревкой, то ли мочалкой, в чиненых-перечиненых сапогах, перемазанный глиной, был похож на работного человека из тех чудодеев, которые создавали петербургскую твердь из вековечных болот.

— Свят, свят! — перекрестился Ильинский, увидев своего воспитанника с Кузьмой.

— Дай-ка отряхнем с тебя пуд земли, полпуда глины, ворох стружки да сугроб опилок! — предложил Кузьма.

— А поглядел бы кто на государя Петра Алексеевича — он и в глине, и в краске! Нашему князю велел поторапливаться и предупредил: проверять кровлю будут дожди... А у меня для Антиоха новость: ни его, ни братьев ни в какие чужестранные академии посылать учиться не будут.

— Разгневали вашим письмом! — решил Кузьма.

— Нет, государь был весел и доволен, и князь Дмитрий был очень доволен. Скоро, говорит, к нам чужеземные ученые приедут, да самые лучшие... Да вы что вокруг меня вертитесь! А ну живей к кашевару! А я — домашний секретарь, мне отдыха нет, не было и не будет!

Глава третья

«ПОВСЯДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ»

> И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса.
>
> *«Повесть временных лет»*

Господарь показал Ильинскому свое письмо к Петру Первому. Поглаживая бороду, предупредил: пусть отец Иван чистосердечно выскажет свои замечания, ничего не тая.

В своем письме сенатор Дмитрий Кантемир почтительно благодарил царя за милостивое позволение жениться на младшей дочери сиятельного князя Трубецкого. Жена господаря княгиня Ксандра умерла шесть лет назад, тридцати лет от роду. О ней говорили, что ее дивная красота лишь одно из наименьших достоинств этой светлой умом полубогини.

У Ильинского перед глазами стояла княгиня Ксандра в молдавском праздничном наряде, в жемчужном ожерелье. Да разве сравнится с нею взбалмошная Анастасия, ровесница княжне Марье? От молодой мачехи Антиоху ничего хорошего не ждать!

Прямодушный Ильинский признался, что думает не о письме.

— О чем же? — встрепенулся князь.

У Ивана Ильинского засвербела спина. Сколько раз ей, горемычной, вместе с боками, приходилось в Спасских школах расплачиваться за его правдивые ответы.

— Не дает мне проходу купец Морошкин, — схитрил Ильинский, — настойчиво просит, чтобы его допустили на поклон вашей бороде.

Князь чуть не задохнулся от смеха.

— Письмо я отправлю царю, — сказал господарь. — А что сказать купцу, клянусь бородой, не знаю!..

Ильинский направился к выходу. В дверях ему поклонился брадобрей с медным тазом. Много лет этот искусник холит господарскую бороду и, подобно художнику или скульптору, гордится ею как лучшим своим произведением.

А вечером в доме появилась Анастасия Трубецкая, и с нею в залу вошел гладко обритый иностранец в одежде европейского покроя, в шелковых чулках и башмаках с пряжками. Ильинскому стало страшно: «Что будет с господарем, если он увидит или ему передадут!» Пригляделся — да это же сам господарь и есть!

«Боже мой! Анастасия подчинила господаря своей колдовской воле! — ужаснулся Ильинский. — Ради Анастасии господарь не охнув простился со своей великолепной бородой, чего не могли от него добиться ни султан турецкий, ни царь русский!»

Ильинский, запинаясь, спросил:

— Сегодня математики не будет? Можно отпустить Антиоха?

— Не будет! — поспешила с ответом Анастасия. — Мы с князем уезжаем.

— Нет, моя радость, — мягко ответил господарь. — Прошу тебя повременить.

— Я при-ка-за-ла подать экипаж!

— Мое сокровище, разве я тебе не сказал: математике Антиоха я учу сам. И никогда занятий не пропускал.

— А сегодня математики не будет, — сказала Анастасия. — Я хочу, я требую! . . — но поглядела на господаря и пробормотала: — Хорошо. . . Не будем спорить. . . Я согласна. . .

Ноябрь 1721 года в Петербурге был лютым.

— Ну и ветрище! — в комнату к сестре вбежал Антиох. — При мне затрещало и рухнуло дерево! На пере-

крестке под барабанный бой читают указ: «Как вода начнет прибывать, рогатый скот и лошадей отправлять в лес». А барабанщик и офицер — по колено в воде!.. Посмотрите, что я вам принес, ветром сорвало с крыши.

— Не хочу я видеть! Боже мой!..

Антиох подал сестре плоского петуха на железной ноге.

— Негодный мальчишка! Тебя же флюгером могло убить!.. — Сестра была сердита и на Антиоха, и на бушующую Неву, и на Петра, построившего город в низине.

— Сестрица, проверьте мой греческий перевод.

— Кто делает уроки в наводнение! — изумилась сестра. — Впрочем, покажи!.. Ошибок не вижу. Иди, занимайся!

Ветер завыл еще яростнее.

Перепуганная сестра сама пришла к младшему брату.

— Антиох! Вода поднимается вершок за вершком!

— А может быть, дюйм за дюймом?

— Тебе не страшно? Нева выплеснулась на улицы. Сам царь Петр, хоть и саженного роста, скроется под водой. По улицам могут плавать корабли.

— Разве что шлюпки.

— Вот ведь спорщик! Хоть бы раз уступил! — рассердилась княжна Марья.

Во втором часу дня вода пошла на убыль.

На другой день Антиох возвестил:

— Дорогая сестра, вы были правы: вода поднималась вчера на три аршина четыре вершка, а Петр Первый ростом чуть ниже сажени.

— Ты тоже был прав, — улыбнулась княжна Марья. — Найдутся люди ростом выше Петра, но только ему Сенат дал титул Петра Великого за великую победу — долгая кровопролитная война со шведами окончена!

— А вы слышали, как будут праздновать в Москве заключение мира? Самые настоящие корабли поставят

на колеса либо на полозья. Впрягут лошадей. Поплывут корабли посуху, да еще будут палить из пушек, только не ядрами, а для потехи! Сенатор князь Дмитрий Кантемир, дорогая сестрица, вы его несколько знаете, поедет посуху на турецком корабле, в турецкой одежде, с чалмой на голове, а сидеть будет, поджав ноги по-восточному! Мир на севере завоеван, теперь готовится поход на Каспий. Наш отец будет ведать царской канцелярией и походной типографией. Помогать отцу будет Ильинский, помогать Ильинскому буду я!

— На Волгу и не помышляй, не пущу! — объявила княжна Марья. — Ширь — необъятная, волны — страшенные! Долго ли суденышку перевернуться?

Антиох спросил: а знает ли дорогая сестрица, как Петра в его молодые годы отговаривали от морских походов? Чем только не стращали! Сядет на мель! Наскочит на подводные камни! Взорвется порох, корабль — в щепки!.. А Петр на это отвечал: «Сокольничий Засекин на веселом пиру подавился свиным ухом и от свиного уха принял свою горестную кончину!..»

— Не могу я тебя отпустить. Опасностей много. Ты еще мал.

— Дорогая сестрица, а ведь ваши слова справедливы.

— Как так? — удивилась сестра Марья.

— Буду просить, чтобы меня в поход не брали, я еще маленький.

— Подрастешь! А если трусишь, для чего тогда пожалован гвардейским кафтаном? А ведь я знаю причину: беспокоишься о книгах. Сама соберу мешок! Едешь или не едешь?

— Пусть будет по-вашему, еду! Убедили!

— Плутище и притворщик! Впрочем, отец все равно моих доводов слушать не станет. Да и не век тебе пребывать в отроках!..

И вот Антиох в Москве.

— Как бы походная типография не застряла на мели! — тревожился Ильинский. — Надо поторапливаться. В Вышнем Волочке, Твери, Угличе и Ярославле строят десятков пять грузовых, плоскодонных лодок, чтобы легче было проскочить волжские перекаты.

Прихватив Антиоха, Ильинский поспешил в московскую типографию к Федору Поликарпову, знаменитому своим букварем. По этой книжке многие на Руси научились грамоте.

Типография была большая, занимала три комнаты: наборную, печатную и переплетную. Антиох сам набрал и отпечатал на влажной бумаге свое имя, у него получилось «Анти-ох».

— Что верно, то верно — наш князь охать не любит! — подтвердил Ильинский (на людях он величал своего воспитанника князем).

Поликарпов жаловался на судьбу. По словам типографщика, доброненавидец дьявол запятнал его своими коварствами, и он стал игралищем бесов. На него, на Поликарпова, сделан начет, страшно сказать: четыре тысячи четыреста пятьдесят восемь рублей, семьдесят пять алтын и четверть копейки. За своей скудостью и троекратным пожарным разорением может он уплатить лишь алтын да четверть копейки. А ему говорят: «Плати сполна!» — и опечатали дворишко!

...В конце концов Ильинскому отвесили почти семь пудов литер библейской азбуки, два пуда десять фунтов гражданской прописной, восемь пудов пятнадцать фунтов гражданской мелкой, отпустили латинский шрифт, да греческий, да осиповский. Всего — сорок с лишним пудов, попробуй увези на телеге. А нужно еще выпросить и дотянуть до воды тяжеленный печатный стан!..

Тридцать первого января рано утром в трескучий мороз вся Москва высыпала на улицы, и раньше всех, конечно, Антиох с Ильинским. Разве могли они пропустить

шумное праздничное маскарадное шествие под колокольный звон в честь Ништадтского мира, во славу русских полков и боевых кораблей!

Открывал шествие князь-папа, восседавший на шутовском троне, установленном на санях. На волах поспешали «господа кардиналы». Сам государь император Петр Алексеевич ехал по Москве на трехсаженном корабле, вооруженном пушками. Императрица Екатерина с придворными дамами, кавалерами и музыкантами следовала в позолоченной гондоле.

Косматый медведь, правивший шестеркой Топтыгиных, приметив Антиоха, отвесил ему глубокий поклон и приветливо помахал лапой. Антиох сразу догадался: это старый знакомый Кузьма вырядился медведем.

Первого февраля маскарад был повторен. Валашский господарь на этот раз гарцевал на турецком скакуне.

Пришла весна.

Антиох с возрастающим нетерпением, Ильинский с возрастающей тревогой ждали сигнала отправки. Матросы проклинали тяжеленный печатный стан и тяжеловесный шрифт. Дразнили типографов: «Немец выдумал обезьяну, а премудрая обезьяна выдумала вас на нашу голову!..» Наборщики огрызались: «Смастерил Микита корыто, мыть порты можно, а плыть нельзя!..»

В конце концов каждому грузу нашлось свое место. Попутный ветер наполнил паруса. Матросы грянули песню, типографщики подхватили.

Сухопарый наставник Антиоха откуда-то извлек записную книжку в пергаментной обложке. Развязал кожаный ремешок. На видном месте гусиным пером написал: «Повсядневные записки». И, подумав, добавил: «1722». Это будет летопись похода на далекиий Каспий. Уморенный сутолокою дней, отягченный несчетными заботами, Ильинский в походе наконец-то смог собраться с мыс-

лями. Увековечивать грядущие события придется коротко — в записной книжке всего лишь семьдесят два листа.

Вопреки предположениям, у Ильинского и в походе лишнего времени не оказалось. В результате его летопись Персидского похода получилась предельно краткой и на редкость сухой.

«Май. 27. Проехали Муром».

«На вечер мы приехали в Нижний Новгород».

«Июнь. 1. Из Нижнего в путь отправились поутру».

В дальнейшем записи, оставаясь столь же немногословными, стали появляться все реже и реже — забот у Ивана Ильинского не убавлялось, а дни были похожи один на другой.

Антиоху в походе до всего было дело. Когда ставили паруса, он был тут как тут! Когда бросали якорь, первым на берег ступал Антиох. Когда поднимали якорь, Антиох на борт вскарабкивался последним. Прокаленный волжскими ветрами, прокопченный волжским солнцем, Антиох окреп и возмужал.

Отец по-латыни рассказывал Антиоху о героях Древнего Рима. Говорил о Муции Сцеволе, римском юноше, который был лишь несколькими годами старше Антиоха. Отважный воин пробрался во вражий лагерь. Был схвачен. От Сцеволы потребовали: «Выдай соучастников! Отказ бесполезен — вырвем признание пытками». В ответ Муций Сцевола сам на огне костра испепелил свою руку. Его подвиг вошел в века!.. Дмитрий Кантемир рассказывал сыну о гонце, доставившем в Рим горькую весть о поражении отборных легионов. Гонца обвинили в трусости, бегстве с поля сражения, но он доказал презрение к смерти — сам бросился на меч!.. А некоего доблестного римлянина император приказал сжечь живым. Приговоренного спросили — какое его последнее желание? Он ответил: «Передвиньте костер, чтобы пламя не опалило зеленых деревьев».

— Много и на Руси своих героев, — говорил Дмитрий Кантемир. — Только нет еще на Руси своего Тацита и Плутарха. История России созидается Волгой, Невой...

— Белым морем! — воскликнул Антиох. — Наш наборщик беломорец, как о самом обыденном, рассказывает о подвигах своих земляков. Рыбаки-лоцманы Иван Рябов да Дмитрий Борисов посадили на мель два шведских фрегата, разбойничавших на Беломорье. Оба фрегата взлетели на воздух. Борисова замучили, Рябову удалось ночью бежать.

Гаврюшки, Сидорки, Ивашки да Тараски любили беседовать с Антиохом. И о чем ему только не рассказывали, и о чем его только не спрашивали!

— Спроси Антиошу Дмитриевича: что было, когда печатного стана еще не было, — подталкивал Сидорку бородатый Тараска. — Писали от руки!

— Правильно! — подтверждал Антиох. — Писали от руки на телячьей коже густыми чернилами, чтобы буквы были выпуклыми.

— Как глаза у лягушки! — восклицал Степка-матрос. — А какая от этого польза?

— Чтобы переписчику было удобней: приметил ошибку — соскобли острым ножом и отшлифуй кабаньим зубом!

— С печатной книгой хуже! — вздохнул Тарас. — Както пошел я продавать книги — в московской типографии их дают работникам вместо денег — сам продавай. И привязался ко мне подьячий какой-то: почему, дескать, не изничтожил страницу, на которой обозначено, что «Геометрия» напечатана при цесаревиче Алексее. Его же казнили по приговору Сената... Еле ушел...

— Вот и посоветуй молодому князю, пусть никогда книжек не сочиняет. А то станет писать да такое напишет — никаким мелом не замажешь, никаким кабаньим зубом не зашлифуешь. Сам попадешь на кабаний зуб!

Матросы и типографщики любопытствовали, что читает Антиох. Вечерами он охотно пересказывал «Метаморфозы» Овидия, сатиры Ювенала и Горация, мудрые басни горбуна Эзопа. К удивлению и радости Антиоха, грубые, неотесанные слушатели чутко воспринимали каждое его слово.

В разгар лета волжская флотилия прибыла в бывшую столицу Астраханского царства.

— Здравствуй, Астрахань! Привет тебе, Заячий холм, от петербургского Заячьего острова! — Антиох отвесил шутливый поклон.

Иван Ильинский извлек из необъятного кармана записную книжку и начертал:

«1722. Июль. 4. В Астрахань прибыли рано, где в квартеру нам дан Государев Рыбный двор». Подлинные летописцы чужды многословия.

Пятого июля на Рыбный двор пожаловал государь император Петр Великий, сопровождаемый адмиралом Федором Апраксиным и действительным тайным советником Петром Толстым.

Господарь порадовал государя: обращение на турецком языке к жителям отпечатано в походной типографии, и его можно распространять.

Государь порадовал господаря: его усердием доволен. В походе князь Дмитрий незаменим. А после похода его знания будут еще нужней! Император показал господарю только что полученную из Парижа депешу: знаменитые ученые Европы с превеликой похвалой отозвались о намерении Петра основать в Санкт-Петербурге Академию наук. Царь дал понять, что прочит князя Дмитрия в президенты Академии.

Антиох тянул Ильинского за рукав — ему не терпелось забраться на знаменитую астраханскую колокольню. Оттуда глянешь — вся Астрахань как на ладошке!

— Сперва — в капуцинскую школу! — твердо сказал наставник. — В мире семь чудес. Капуцинская школа в Астрахани — восьмое чудо. Здешний суровый народ — лишь подумай! — может обучаться латыни! Живые силы пробуждаются в России! В астраханской глуши всех дивит сын астраханского попа, молодой латинист Василий Тредиаковский.

Встретиться с астраханским латинистом, однако, не удалось — тот отправился с попутным обозом в Москву — учиться.

...Пятого августа петровское войско двинулось в поход. 23 августа Ильинский отметил в своей записной книжке: «Петру Великому поднесены золотые ключи от Дербента».

В конце месяца Иван Ильинский сделал запись: «Царь в поход к реке Рубасу, которая на расстоянии верст десяти, войском пойти изволил, а наш князь в Дербенте остался». Летописец не указал, что Дмитрий Кантемир тяжело занемог.

В конце октября Петр посетил больного Дмитрия Кантемира. Господарь похвалился царю ящичком с целебными травами. На Востоке принято, чтобы ученый был и врачевателем. Многие чудодейственные рецепты господарь отыскал в манускриптах мудрецов. Целебной силой трав господарь успешно лечил других, но самому ему травы плохо помогали.

Шестого ноября Ильинский с горечью написал: «Князю нашему сего утра тяжело стало и, призвав епископа, исповедался; занемог еще в походе, как поехал из Дербента».

В конце января 1723 года Кантемир с семьей выехал из Астрахани в Царицын. К весне с трудом добрался до села Дмитровки на Харьковщине, названного так в его честь.

Когда господарю становилось легче, он занимался в Дмитровке постройкой церкви, сажал деревья, погружал-

ся с Антиохом в занятия алгеброй и геометрией, на латинском писал о Молдавии, на греческом — о нравах, на молдавском — предисловие к своему труду о турецкой музыке. Как потом сказал о князе Дмитрии Кантемире автор словаря достопамятных людей русской земли, «история и архитектура были его любимыми занятиями; философия и математика — главными украшениями его ума».

Мысленным взором Дмитрий Кантемир оглядывал свои годы, замыслы и дела. Его пером написаны многие книги. Его пером подписан исторический договор о нерушимом вечном союзе Молдавии и России. Да ради одного этого стоило жить! Неудача Прутского похода отодвинула день вызволения Молдавии из-под турецкого ига. Но этот день придет, хоть самому Дмитрию Кантемиру, кажется, не суждено его дождаться.

Осенью 1723 года князь Дмитрий Кантемир «после многотрудной болезни, временного жития течение скончав, на вечное переселился». В завещании самым достойным и к наукам способным он назвал своего сына Антиоха.

Глава четвертая

СНОВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Полетел молодец ясным соколом,
А Горе за ним белым кречетом,
Полетел молодец сизым голубем,
А Горе за ним сизым ястребом.

«Повесть о Горе-Злочастии»

Исполняя последнюю волю Дмитрия Кантемира, его похоронили в Москве в Греческом монастыре поздно вечером, без пышных церемоний.

— Страждущие и голодные помянут новопреставленного добрым словом, — вслух размышлял Ильинский. — Милостыня колодникам и нищим роздана. А что будет

с манускриптами покойного? Сыновний долг Антиоха спасти их от тления и небытия. А что будет с Антиохом? Совершеннолетия ему еще ждать да ждать!

— Проси, Антиох, чтобы дали тебе деньги на дорогу и на учение в знатных городах за границей, — советовали старшие братья и мачеха Анастасия.

— Сестрица, а вы как думаете? — обращался Антиох к княжне Марье.

— Дорогой братец, — отвечала сестра. — Не хотела бы я жить в разлуке с вами, но слишком коротки стали рукава вашего отроческого кафтана, петербургских учителей вы переросли. Напишите всепревеличайшему и всемилостивейшему Петру горячую просьбу отправить вас учиться. Впрочем, — предупредила сестра, — перед тем как ехать за границу, подумайте, почему так хлопочут о вашем отъезде Константин, княгиня Анастасия и Сербан с Матвеем? Не хотят ли выпроводить вас в чужие земли? Уедете — и никому до вас дела нет!

Помочь Антиоху составить прошение к царю вызвался Ильинский.

«Имею желание учиться. Науки снискать хочу через латинский язык», — красивым почерком написал Антиох.

Ильинский одобрил:

— Государь император прочтет и скажет: «Зело разумно!..»

«Хочу изучать древнюю и новую историю, географию и юриспруденцию, — писал далее Антиох. — Имею паки и к математическим наукам немалую охоту. Понеже упомянутые науки как рачительнее снискиваются, так и удобнее приобретаются в знаменитых окрестных государств академиях, требуется денежное иждивение, а сиротство мое и крайний в деньгах недостаток без всякого моего изъяснения сами собой Вашему императорскому величеству довольно ведомы суть.

Того ради прошу, да повелит высокодержавство Ваше мене...»

— «Мене нижайшего», — поправил Ильинский.

«Мене нижайшего для приобретения вышеупомянутых наук отпустить в окрестные государства и для моего сиротства, по монаршему своему великодушию, хоть мало что на тамошнее иждивение пожаловать».

Ильинский не сомневался в благосклонном ответе — России нужны молодые ученые, затраты оправдаются сторицей!

— Княже, — сказал Антиоху его верный наставник, — надо бы заглянуть к Васильеву в книжную лавку. Да денег — ни алтына!

— И завтра не прибавится. Пошли! — Антиох не любил медлить.

Оба предвкушали: сейчас оружейник отодвинет в сторону шкатулки, замки, пистолеты и мышеловки, которые он мастерит и чинит, когда нет покупателей, и скажет: «Ого! Наконец-то нашли дорогу!..» Поглядит на Ильинского: «Эге, нисколечко не потолстел!..» Глянет на Антиоха: «Ага! Я так и думал — на голову стал выше и на три головы мудрей!..» И пойдут расспросы да рассказы!

Но что такое? На дверях книжной лавки, двухэтажной мазанки под черепичной крышей, ржавел тяжелый замок... Соседние купцы поведали, что оружейника Васильева за его простоту взяли под караул. Проторговался! Один год хватился — недостало тысячи рублей. Другой год — еще тысячи! А третий год — разом двух! А сам-то не польстился и на медный грош!

Вечером Антиох с Ильинским, прихватив вареного мяса, горбушку хлеба да несколько луковиц, пошли проведать Васильева.

Узник приковылял в цепях.

— Спасибо, что не погнушались, пришли проведать!

Васильев набросился на еду.

Колоднику положено кормовых: в день — копейка! Не разъешься!

— За что закован-то? — спросил Ильинский.

Васильев тяжело вздохнул. Нахватали у него грабители книг и всего другого на четыре тысячи девятьсот семнадцать рублей, семь алтын и деньгу. За грабеж среди бела дня посадили за решетку не лихоимцев, а его, Васильева. Он же, торгуя, никакого добра и уюта не накопил, кроме печного ухвата да пустого ушата.

— Федор Поликарпов не в тебя, лопоухого, — сказал Ильинский. — Перед коронацией государыни Екатерины бил челом, чтобы с него должок сняли. И государь, милосердствуя и помня о многолетней работишке Федора, повелел половину штрафа с него сбросить, дворишко распечатать и вернуть. А его «дворишко» — не твои хоромы. А там, глядишь, и вторую половину штрафа скостят.

— Государь в справедливом гневе на старые заслуги не смотрит, — вздохнул Васильев. — Недавно за нарушение законов и взятки была учинена смертная казнь сенатору Шафирову. Палач одним ударом снес ему голову. Но по государеву повелению чернокнижник Брюс, календарями которого я торговал, брызнул на казненного мертвой и живой водой, голова снова приросла, только чуточку с косинкой — недосмотрели!

— Михайло, ты не вор и не грабитель. Напишем письмо государю, — предложил колоднику Антиох.

— Нет! — отказался тот. — Я сам напишу матушке царице. Только она может утишить государя Петра Алексеевича, если он в справедливом гневе. Мне поможет камергер императрицы Вилим Монс, он бывал в моей лавке. Даже пришлось с ним поспорить из-за одной его песни: ну разве можно петь «моя сердца»?

Колодник крепко уповал на заступничество императрицы, приравненной к божествам, — придворный художник изобразил ее в виде богини истины, а в Тронном зале она красовалась в золотой колеснице, летящей в орлиной упряжке по голубому небу.

...Ночью Васильев услышал орлиный клекот: «Михайло, почини колесницу».

«Михайло! — надвинулся камергер Монс. — Почини меня!.. — И горестно запел: — «Вор Купидон пронзил стрелою сердцу, рудою кровью сердца запеклась...»

Сон оказался не к добру. Генеральша, сестра Вилима Монса, оберегала своего красавца брата на его свидании с императрицей. И не смогла уберечь. Генеральша получила пять ударов кнутом и была из дворца отправлена в ссылку — «к соболям». Шут Балакирев был бит батогами, понеже в бытность при дворе служил пособником Вилиму Монсу в передаче взяток. Секретарь Монса был бит кнутом и сослан в каторгу. А камергер Монс был обезглавлен — принимал подношения за передачу прошений царице.

— Прощения не ждать! — сокрушался Васильев. — А государь болен. Станет ему легче — тогда и обращусь с просьбишкой.

Государю Петру Алексеевичу становилось не легче, а все тяжелей. В середине января 1725 года Петр уже не кричал, а только стонал от невыносимой боли.

Было приказано: чтобы здоровье его императорского величества улучшилось, освободить от каторги всех заключенных, не виновных в смертоубийствах. Петру, однако, лучше не стало.

На другой день были прощены осужденные на смерть или каторгу за военные преступления.

Двадцать шестого января дневальный копиист принес повеление во имя многолетнего его императорского величества здравия освободить каторжных колодников. Из тюрем были выпущены все заключенные, кроме убийц и уличенных в неоднократных разбоях.

Был прощен и выпущен на свободу незадачливый книготорговец Васильев. Антиоху Васильев сказал:

— Боюсь, государь не выживет. Сиротой без него будет флот, сиротствовать будет наука, сиротой станет типография. Не хотел бы я платить такую дорогую цену

за свое прощение. А ведь жить бы Петру да радоваться — впервые настал мир после двадцати лет войны.

Петр Первый, Великий, умер 28 января 1725 года в воздвигнутом им в устье Невы стольном граде Санкт-Петербурге. В тот же день государыней императрицей была провозглашена его вдова Екатерина Алексеевна, урожденная Марта Скавронская.

Александра Данилыча Меншикова на первое время устраивала роль некоронованного властелина. Императрица Екатерина Первая, утвержденная на троне гвардейскими полками, верными Меншикову, управление государством поручила Верховному тайному совету, где главенствовал Меншиков.

Светлым апрельским утром, всполошив весь город, над Петербургом тревожно загудел набат.

— Где горит? Что горит? — спрашивала княжна Марья. — Где Антиох? Спасайте книги!

Пожары были бедствием Петербурга. Иной раз по беззаботности и небрежности жителей, а то и по́ злодейству поджигателей выгорали улицы, гибли десятки, а то и сотни людей.

— Нигде не горит! — появился в дверях Антиох. — Сегодня — день веселых обманов, первое апреля!

Иван Ильинский обозлился:

— Чужаки да чужбинники привезли из неметчины нелепый обычай по-дурацки шутить. До шуток ли Петербургу, недавно схоронившему Петра Великого!

— Отче! А мы хотели пойти сегодня к господину Блюментросту, — напомнил Антиох.

— К Блюментросту пойти бы надо, — согласился Ильинский. — Лаврентий Блюментрост-младший, лейб-медик покойного царя Петра и царствующей государыни, взял пример со своего родителя: свободно говорит и пишет по-латыни, по-немецки, по-французски и, что совсем в

редкость, — по-русски! В Петербургской Академии быть ему президентом! .. Ладно, пойдем.

Ильинского и Антиоха любезно встретил Иоганн Даниил Шумахер.

— Чем могу служить? Лаврентия Лаврентьевича сегодня здесь нет, прошу обращаться ко мне!

Шумахер чувствовал себя подлинным хозяином Кунсткамеры и библиотеки. Как только в Санкт-Петербурге будет учреждена Академия наук, свою первую подпись президент Академии поставит на контракте с Шумахером. В контракте — он давно заготовлен — говорится: «Данило Шумахер обязуется библиотеку и Куншт-Камору в своем правлении иметь, дондеже Академия размножится, при оной секретарское дело править». У Шумахера будет каменный дом, четыре лакея и все остальное, что ему как секретарю Академии положено, а также и то, что сверх положенного он взять сумеет.

Когда Антиох поведал о желании Ильинского стать академическим переводчиком, Шумахер воскликнул, что это и его желание! Он счастлив приобрести для Академии славного латиниста. Ильинский получит две каморы, кухню, бесплатные дрова, казенные свечи. Господин Ильинский может считать себя на академической службе. Осталось исполнить некоторые формальности — получить согласие Блюментроста и императрицы.

— А пока, — заулыбался Шумахер, — не желает ли князь осмотреть диковины Кунсткамеры? Пять ящиков морских пауков подарены архиепископом Новгородским. Имеются монстры: восьминогий барашек, трехглазый младенец, один глаз под носом; две собачки, которые, как значится в описи, родились от девки шестидесяти лет. В Кунсткамере вы обретете все чудеса, разве кроме фряжских вин и анисовой водки...

Выйдя из Кунсткамеры, Ильинский гневно сплюнул:

— Веселую шутку придумал секретарь Академии:

поздравил меня с зачислением в переводчики-латинисты. Я, легковерный, возвеселился духом и забыл, что сегодня первое апреля.

— Ты не прав! Первое апреля — день обманов, но Шумахер не шут Балакирев, шутить ему невыгодно, такого латиниста, как ты, Академия найдет не скоро!

— Кто его поймет, — отозвался Ильинский. — То ли это человек, то ли бес, то ли барашек о восьми ногах — угадай, в какую сторону поскачет!

Глава пятая

ВАВИЛОН

Перевел се Антиох, званный Кантемиром,
Ты ж, впрочем, многолетно да живеши с миром.

Антиох Кантемир, «Читателю»

Седьмого апреля к Ильинскому пожаловали Франц и Ганс, преисполненные величия вестники Судьбы.

— По распоряжению господина Шумахера академическому переводчику надлежит получить назначенное ему жалованье и переехать на Васильевский остров, в отведенную ему квартиру из двух камор и поварни.

И неторопливой походкой вестники Судьбы удалились.

— Неужто счастье повернулось ко мне лицом? Надо поторапливаться! — засуетился Ильинский. — А то счастью недолго и отвернуться, тогда любуйся его голым затылком! . .

Ильинский, однако, больше думал об Антиохе, чем о себе. Скоро сбудется желание покойного князя Дмитрия — со дня на день надо ждать прибытия в Петербург знаменитых ученых Европы. Антиох сможет учиться у петербургских академиков, будет первым петербургским студиозусом. При его таланте и усердии он еще в молодые годы станет признанным ученым.

Послышался дробный топот ног, и в комнату вошел улыбающийся Антиох, за ним — неразлучные Кузьма и Киндя.

Запищала дудка, запела домра, загудел бубен.

Кто бедней — тот щедрей! Киндя преподнес латинисту сковородку: «Хочешь — называй кухонной посудой, хочешь — чугунной музыкой!» Кузьма подарил волчью шкуру. Антиох — связку книг.

Грохоча и приплясывая, «скоморохи» направились к припасенной Кузьмой лодке.

Конечно, лучшие комнаты и кухню господин Шумахер отвел своему троюродному брату — академическому псарю; дрова оказались сырой осиной, свечи из восковых превратились в сальные, но ничто не могло омрачить радости латиниста. По нескольку раз на дню, как молитву, Ильинский повторял: «Велено при Академии наук Ивану Ильинскому быть переводчиком и определить ему жалованье на нынешний 1725 год на три месяца — апрель, май и июнь — сорок пять рублей с распискою и на счет академический поставить. Лаврентиус Блюментрост».

Однажды Антиох пришел к Ильинскому с московской вестью: в Спасских школах всех изумил новый стихотворец. На многолюдном собрании он прочел свою элегию на кончину Петра. Плачет Вселенная. Плачет Философия. Стонут Механика, Математика и Политика, плачет богиня мудрости Паллада. Грозный Марс в ярости сорвал с себя и кинул шлем и саблю: «Я не Марс без Петра!» Это сочинил Василий Тредиаковский, тот, что учился у астраханских капуцинов.

— Спасские школы — наша первейшая и главнейшая академия! — с гордостью сказал Ильинский.

Кто водным путем, кто по суше, в Петербург понемногу стали съезжаться ученые, заключившие контракт с Блюментростом. Благополучно приехали столь давно и столь тоскливо ожидаемые Блюментростом академик по кафедре высшей математики неговорливый Яков Герман и академик по кафедре метафизики говорливый Георг Бенгард Бильфингер. Прихватили они в Россию тюбингенского студента Христиана Фридриха Гросса, которому надлежало пройти в Петербурге испытания по философии и литературе, после чего он мог занять в Академии наук пост чрезвычайного профессора нравоучительной философии.

Академиков встречали, можно сказать, хлебом-солью — Лаврентий Блюментрост позаботился, чтобы исполнен был приказ Петра: академический дом домашними погребами удостачить и приезжих академиков по прибытии месяц не в зачет, то есть бесплатно, кушаньями довольствовать.

В середине августа Блюментрост от имени императрицы Екатерины Первой пригласил академиков в Летний сад на прием в Летнем дворце.

Впервые в северной столице собралось столько прославленных людей науки. Оживленно беседуя, ученые прогуливались по аллеям, любезными улыбками отвечали на церемонные поклоны вельмож, внимательно рассматривали помещенную в гроте статую Венеры, не так давно выменянную на мощи святой Бригитты.

Антиох водил по Летнему саду любознательного Христиана Гросса. Беседа переходила с французского языка на латынь, с латыни на греческий — Гросс не знал русского языка, Антиох — немецкого.

— Хожу я по Летнему саду и думаю: диковинно было мне о нем услышать, а еще диковинней — в нем оказаться, — изумлялся Христиан Гросс.

— Такие встречи, как наша, я считаю, предопреде-

лены встречами царя Петра с Готфридом Лейбницем, — сказал Антиох. — Имя Лейбница я запомнил с самого раннего детства. От отца мне известно, что государь встречался с этим великим ученым, составлявшим проект развития образования и науки в России.

— Я буду вас учить литературе и философии, но, пожалуй, было бы полезно и мне у вас кое-чему поучиться, — признался Гросс.

Ученых пригласили в императорские покои. Краткую похвальную речь произнес академик Герман. Чья душа не возрадуется торжеству богини мудрости Минервы! Да станет ее светлым храмом Санкт-Петербургская Академия наук!

Со счастливым прибытием в Санкт-Петербург поздравил академиков светлейший князь Меншиков.

— Господа, я вверяю вам своего сына! — объявил светлейший с таким чувством, словно он достает с неба солнце и дарит его академикам.

Ученые были допущены к руке императрицы и цесаревен. Затем гостей пригласили перейти в соседний зал — закусить. Христиан Гросс боялся появления сивухи, величаемой сиводером и сиволдаем. Вот-вот появятся ушаты полугара, большие деревянные ковши и для отбития запаха ломтики редьки и дольки чесноку. Но страхи оказались напрасными — Бахуса почтили тонким вином.

В добрый час императрице доложили: младший сын покойного господаря Антиох просит высочайшего дозволения напечатать свою «Симфонию на псалтырь». Императрица читать и писать не разумела, но ей объяснили,

что Антиох с помощью своего наставника составил алфавитный словоуказатель к богодухновенной книге.

— Покойный государь любил покойного господаря и хвалил его младшего сына, — сказала императрица и повелела печатать.

Ильинский был в бурном восторге, однако Антиох радости своего наставника не разделил. Ильинского это огорчило и в то же время порадовало: отсутствие гордыни — украшение человеков!

Антиох в это время был увлечен своей «идейкой» — перевести с французского на русский остроумную книжку под многострочным, как было принято в те времена, названием: «Перевод с итальянского на французский некоего итальянского письма, содержащего утешное критическое описание Парижа, писанное от некоего сицилианца своему приятелю». «Сицилианец», надо полагать, был придуман автором для маскировки: с итальянца, рассказывающего о Париже, меньший спрос, чем с француза!

Антиох мысленно перенесся «на берега реки, называемой Сеин — то есть Сеной, — протекающей среди города». С глубоким уважением автор отзывался о трудовом люде Парижа: «Там простой народ трудится с великим прилежанием» — и с едкой насмешкой писал о придворных: «Вельможи разнятся от прочих сим токмо, что ничтоже творят, то есть ничем не заняты, и владеют множеством скотин и животных о двух ногах, которые всегда за ними ходят». Остроумный автор «Письма» давал сатирическое описание французской столицы. А в Кантемировом переводе возникала столица, расположенная на берегах Невы, с трудолюбивым простым людом и титулованными бездельниками, которые «ничтоже творят».

По весне, когда с часу на час ждали — тронется лед, — к Ильинскому нежданно явился автор элегии на кончину Петра Великого.

— Обогрейся с дороги! — Ильинский подбросил в печку три сырых полена, отчего пламя чуть не погасло. — Располагайся, Василий, как у себя дома.

— У меня дома нет: старики померли, домишко разграблен.

— Спать у меня будешь, на лавке, укроешься волчьей шкурой, трапезничать будем, чем бог послал.

На сей раз бог послал Ильинскому сухари да невскую воду — до получения жалованья оставалось ждать недели три. Академический переводчик поизрасходовался на книги да сшил сапоги — не подобает латинисту шлепать по Академии в дырье!

— Ох, Василий, одежонка твоя неважнецкая — и в Астрахани замерзнешь!

— А я направляюсь с оказией в Голландию, а там Париж рядом!

— Рядом рай с адом! Астраханские капуцины втемяшили тебе в голову Париж. Хорошему там не научишься, а греховного наберешься. Париж — Вавилон греха!

— А Спасские школы — обитель праведников! Тесно мне в Спасских школах! — запивая черствые корки холодной водой, объявил беглый студент. Тут он приметил на столе первые страницы Кантемирова перевода. — «Мой друже, — громко прочел Василий. — Близко уже десяти лет, как я живу в Париже и еще не могу хорошо познать град сей. Не думай, что утехи, которые бесчисленны в сем Вавилоне, мешают мне знать оный...»

— Вот-вот! — сказал Ильинский. — Вавилон греха!

Антиох очень жалел, что не повидался с астраханцем. Выживет или пропадет Василий в своем дерзком вояже? Доберется ли он до Голландии? А как, пустокарманный, доберется он до Парижа?

— Ничего с ним не станет, доберется, — уверенно сказал Ильинский. — Свет не без добрых людей! — и сунул ноги в опорки — свои новые сапоги он подарил беглому студенту.

Глава шестая

ФЕНДРИК

...Богатый или бедный, в Риме или ссылке, какого бы цвета ни была нить моей жизни — я должен писать.

Гораций, Книга II, Сатира I

В мае 1727 года после двухлетнего царствования в бозе почила императрица Екатерина Первая, и на престол вступил сын казненного цесаревича Алексея, внук Петра Великого Петр Второй — ему еще не было двенадцати лет.

Незадолго до своей кончины императрица призвала ко двору знаменитого математика Христиана Гольдбаха, конференц-секретаря Санкт-Петербургской Академии наук, и вверила ему обучение великого князя, ставшего теперь государем императором.

Гольдбаху завидовали: кто еще может похвалиться учеником, который произвел своего наставника в юстицраты и высочайше повелел незыблемо выплачивать ему жалованье — две тысячи рублей в год — из Соляной конторы. Перед Гольдбахом заискивали — он обедает за одним столом с императором и всесильным светлейшим князем Меншиковым!.. Императорский наставник охотно сообщал, что сам Андрей Иванович Остерман составил программу обучения высочайшего ученика древней и новой истории, географии, математики и другим наукам... И только с молодым Кантемиром, зная, что он никому ничего не перескажет, ученый мог поделиться своими огорчениями. Андрей Иванович Остерман советует на венценосного ученика «не налегать». Но у его императорского величества и без того на уме лишь одни развлечения, причем всем развлечениям предпочитает он псовую охоту с бешеной скачкой через рвы и канавы, а наставник обязан всегда и везде сопровождать младого летами монарха.

— Увы, Петр Второй только ростом пошел в своего славного деда, у молодого государя нелюбовь, даже, осмелюсь вам сказать, ненависть к знаниям, и особливо к математике. Да и какие, ко всем дьяволам, занятия, когда светлейший князь Меншиков женит юного монарха на своей старшей дочери! — раздосадованный математик стал с таким ожесточением вертеть верхнюю пуговицу на своем кафтане, что нити перетерлись, словно доказывая: нет на свете ничего прочного, кроме незыблемых выплат из Соляной конторы.

Наступил сентябрь. В соборах и церквах провозглашали здравие Марьи Александровны, нареченной невесты государя императора Петра Алексеевича.

Меншиков даже не допускал мысли, что юный монарх когда-либо осмелится ему перечить. Приближался день свадьбы. Скоро Александр Данилович Меншиков станет тестем императора и подчинит своей воле Верховный тайный совет и Сенат!

Царедворцы пламенно клялись в своей рабской преданности временщику и презирали низкородного Алексашку как выскочку; завидовали ему как владельцу ста тысяч крепостных и удачливому грабителю государственной казны; ненавидели и смертельно боялись как петровского соратника, героя Полтавской и других битв, готовились при первой возможности его предать. И такая возможность пришла. Меншиков держал Петра Второго под неусыпным надзором, но на какое-то время упустил, что он сам находится под неусыпным надзором своих заклятых врагов и что в числе его ненавистников пребывает и император.

Всего на два дня отбыл Меншиков в Ораниенбаум освящать церковь, и двух дней оказалось достаточно для свержения временщика. В среду 6 сентября все вещи молодого императора были переправлены из дома его нареченного тестя на другой невский берег, в Летний и Зимний «домы».

Восьмого сентября, в пятницу, академик Гольдбах ни жив ни мертв сообщил господину Шумахеру:

— Светлейший князь арестован и содержится в своем доме под крепким караулом.

Князю Черкасскому было о чем подумать в ту пятницу: одиннадцатого, в понедельник, исполняется шестнадцать лет Вареньке, единственной дочери. На понедельник назначен шумный бал. Если его отменить — что подумают придворные? Не отменять? Но только Мамай да его злобные ханы не считали зазорным пировать на телах поверженных врагов, а Меншиков и врагом князю Черкасскому не был. А если внезапно возвратит себе Меншиков власть? Да нет, поверженному не подняться! Будь он двенадцатиголовым — найдутся причины отсечь все двенадцать голов! И все же... Бал отменить нельзя, это же смотр Варенькиных женихов. А давать бал — не ко времени!

— О чем, княже, печалишься? — спросила мужа княгиня Марья Юрьевна. — День рождения нашей Варвары — в сентябре, в декабре же — день ее ангела. Вот и справим бал в декабре, ангел возрадуется, и мы будем спокойны!..

— Ты — мой Верховный тайный совет! — похвалил княгиню Черкасский.

Долго тянулась мокрая осень. Только в середине декабря Неву затянуло льдом, но лед был некрепким, и перебираться с берега на берег, по словам чужеземцев, отваживались лишь варвары низшего класса.

В конце декабря мороз навел ледяные мосты, и тринадцатилетний император соблаговолил дать аудиенцию недавно прибывшему в Россию испанскому послу дуку де Лирия.

У ворот офицеры шпагами, солдаты ружьями отдали честь послу и его свите.

Солдат лейб-гвардии Преображенского полка Антиох

Кантемир находился в дворцовом карауле и мог спокойно наблюдать за происходившим.

Церемониал был оговорен заранее.

Испанский посол де Лирия стал говорить что-то весьма торжественное, но понятное лишь самому говорившему да его секретарю дону Хуану Каскосу. Заранее подготовленный перевод с испанского на латынь был вручен барону Остерману. Барон Остерман ответил испанскому послу на неведомом тому русском языке, а затем отдал испанскому дипломату заранее приготовленный перевод своей речи на французский.

— Сейчас его величество лихо подпрыгнет, — предупредил Антиох гвардейцев — он услышал, как испанский посол по-французски известил Остермана, что испанский король дарит российскому императору шесть андалузских лошадей.

Так и произошло. Едва Остерман слова дука де Лирия довел до сведения долговязого Петра Второго, тот подпрыгнул на троне.

По окончании аудиенции Остерман по-французски повел непродолжительный разговор с испанским послом, и Антиох волей-неволей вновь должен был слушать их взаимные учтивства. Барон Остерман советовал испанскому послу пополнять винные запасы и упаковать мебель. Как только кончится не свойственная северному климату «мадридская» погода, император отбудет в Москву. К Петербургу он не расположен. Испанский посол поблагодарил и просил барона и впредь не оставлять его своими мудрыми советами, о высокоценности коих он будет иметь счастье написать в Мадрид. Остерману было известно, что испанский посол достаточно осведомлен о предстоящем переезде императора в Москву.

Ни для кого не было новостью, что в Верховном тайном совете силу приобрели ненавистники петровских преобразований. Остерман, еще недавно слывший одним из

усерднейших внедрителей петровских реформ, стал их ярым противником.

Девятого января 1728 года выпал обильный снег. В тот же день Петр Второй покинул Петербург. Санкт-Петербургская Академия наук, которой потворствовал и покровительствовал Меншиков, отныне была не в чести. Президент Академии Лаврентий Блюментрост чуть ли не в санях подписал распоряжение: всеми академическими делами ведать академическому секретарю Шумахеру, в помощь ему определил трех академиков и отбыл в Москву следом за императорскими псами и придворными певчими.

Распоряжение Блюментроста ученые сочли для себя «понижением и крайним презрением».

Антиох в Москве тосковал. Иногда, по примеру Ильинского, коротко, от силы в пять слов, отмечал в календаре редкие события: «Князь Сербан приехал»; «Строй у нас был»; «Получил письма Гросса и Ильинского»; «Стоял во дворце на карауле»...

С кем ему поделиться мыслями, поговорить о прочитанном? Однополчане его не поймут. Просить совета у старшей сестры? Княжна Марья участливо скажет: «Дорогой Антиох! Вы — моя радость, ваши огорчения — мои огорчения. Ваши страдания — мои страдания. Любезный брат, чем я могу вам помочь? ..» Пойти со своими тревогами к епископу Феофану Прокоповичу? Проповедник петровских начинаний и свершений сам в смятении — слишком крутым оказался перепад от реформ Петра Великого к торжеству невежества!

Где же найти верных соратников? Антиох мысленно переносится в Древний Рим. Видит храм Юпитера Капитолийского, Форум Цезаря, храм Марса-мстителя. Рослые рабы несут на носилках-качалке полусонную матрону. На ослах везут долгоногих бело-розовых фламинго, предназначенных в жертву богам. Любители сухопотения несут свои телеса в мраморный зал.

Прочь, прочь! Антиоха влечет к знаменитым книжным лавкам братьев Сосиев, там он может встретить преславного поэта, занявшего между всеми латинскими стихотворцами первейшее место. И вот перед Антиохом возникает седоватый, полный, невысокого роста Квинт Гораций Флакк. Смеясь, он показывает лавровый венок, которым его украсили на состязании по красноречию. А побежденным предложили на выбор: либо начисто слизать языком свое «красноречие», либо быть высеченными, либо в обуви и одежде искупаться в реке.

Гораций приглашает Антиоха к объявлениям, прикрепленным к столбам.

«Читай! Только что получены от переписчиков новые сочинения славных авторов».

«Как был бы ты нужен России! — восклицает Антиох. — Разве нет на злочинцев управы! Их надо карать смехом! А прежде всего сатирой карай хулителей просвещения! ..»

«Особливо такой сатиры никто не делал, — говорит преславный поэт, и Антиох дивится — это же его, Антиоха, мысли! — Без согласия Минервы, поэт, не пиши! — наставляет Гораций. — Мыслить, поэт, научись, и слова к тебе явятся сами! ..» — поучает мудрый римлянин. Антиох готов слушать и слушать, но тут загремел полковой барабан, прозвучала команда:

— Переносить знамена! ..

— Здравствуй, отче! — в Петербурге возле Кунсткамеры окликнул Ивана Ильинского оружейник Васильев. — Да что с тобой? Чем огорчен?

— Был в типографии у Абрамова. Говорю: «Пришел за книгами!» Он мне: «За какими?» Я ему: «Должен ты мне выдать десять оттисков «Симфонии на псалтырь» — трудок моего Антиоха». Абрамов мне: «Помню! Как же!

Книжка отпечатана». Говорю: «Очень хорошо! Выдай книги!..». Он в ответ: «Не могу!» Вопрошаю: «Бумагу-то я принес? Полторы стопы на десять оттисков?» Смеется: «Что было — то было, приносил». Я ему: «Где же моя «Симфония»?» Он: «Нет «Симфонии»!» Я ему: «Как же так?» Он мне: «А вот так!» После печатники мне растолковали: все книжки, на моей бумаге отпечатанные, мой дорогой Абрамов раздарил. Одну книжку преподнес молодому императору, другую — его сестре Наталье, остальные членам Верховного тайного совета и кое-кому из Синода.

— Лучше от книг держаться подальше! — посоветовал оружейник.

— Пусть отдаст хотя бы две «Симфонии», одну Антиоху, другую — мне!

— Сегодня уведу я Абрамова в кружало. После первых шкаликов будет хорохориться, после третьего взгрустнет, после пятого-десятого свой грех замолит. Завтра у него будет голова трещать. Зайди послезавтра!

Благодаря оружейнику Васильеву Ильинский получил даже не две, а четыре «Симфонии», но возвращался из типографии в свои каморы хмурый: наводили тоску заросшие травой мостовые — хоть сено коси, хоть коров паси! Двери и окна многих домов были заколочены, кое-где обвалились крыши... В позапрошлом году — наводнение, в прошлом году — сильнейший пожар...

— Отче! — издали приметил академического латиниста Кузьма. — Давно не встречались! Какие вести от нашего гвардейца?

— Стал фендриком.

— И на том спасибо! Все равно в больших военных чинах ему не бывать.

— Это почему? — обиделся за своего питомца Ильинский.

— Потому что я назначаю его президентом Академии

наук, — пошутил Кузьма. — Мой друг Людовик подтвердит. Вы, кажись, встречались? Первейший мебельщик. Обвенчан в Петербурге, его красавица — архангельская, живут душа в душу, жена окает, и он окает: «Огород хорош, за дорогой рожь...» А как твои дела?

— Моей службе всяк позавидует: перелагаю летописи на латынь. И крыша есть над головою, и поварня есть с бесплатными дровами, и твоя волчья шкура, и олени рога, и портрет Антиоха!

— А есть что варить в поварне?

— Моя дума о другом — как отправить в Москву Антиоху «Симфонию на псалтырь»?

— Людовик отвезет, заказов у него никаких, и поварня его отдыхает.

— Поеду хоть сейчас, — согласился Людовик. — Но что как той порой царь с боярами да собаками в Петербург вернется?

— Вон, смотри, вывешен указ, — показал Ильинский. — Читай: «Под строжайшим наказанием запрещается говорить, возвратится ли царь в Петербург или нет».

— Как надо понимать? — спросил Людовик.

— Не возвратится! — махнул рукой Ильинский. — Грузи свою мебель и вези в Москву-матушку. Кто тут останется — тому кликать достанется. Для царя наши заботы — словно в пень стрела. А моим академикам и мне только и остается!.. — Ильинский вывернул карманы и протянул руку.

— Попрошайничать? — догадался Людовик.

— Понимай как хочешь: скалдырить, попрошайничать, кликать, ходить с нищенской сумой, — сказал Кузьма.

— Воистину только и остается, — подтвердил академический переводчик Иван Ильинский.

Глава седьмая

К УМУ СВОЕМУ

...кому стихи мои не нравны, того прошу, чтоб их не чел; а кто меня за них хулить станет, тот помнил бы, что дурной лицом николи зеркало не любит.

Антиох Кантемир, «На первую сатиру к читателю предисловие»

Княжна Марья была первым ребенком волошского господаря. Родилась она в 1700 году и, было время, торжествуя, объявляла, что появилась на свет первой весной нового века. В дальнейшем, однако, предпочитала о своем возрасте умалчивать.

Ученье княжне давалось легко. Не при господине Шумахере будь сказано, своим умом и развитием она превосходила многих ординарных и экстраординарных профессоров, коих от имени Лаврентия Блюментроста выписывал он из чужих земель в Россию.

Замуж княжна не вышла. В семнадцать лет смеялась: к чему спешить? У нее — красота, приданое, ум! Жениха ей сосватает сам царь Петр, государю любо гулять на шумных свадьбах и пировать на крестинах, а к семье волошского господаря Петр Первый благоволил.

С годами княжна Марья стала смеяться реже.

Похоронила отца — похоронила молодость. Только сняла траур по отцу — умер Петр Великий.

Теперь княжне Марье под тридцать. Богатого приданого у нее нет — в отцовское наследство вцепились ее брат Константин и мачеха. А главная помеха замужеству княжны Марьи — ее ум. За невежу, пьяницу, ханжу замуж она не выйдет, надо потерять голову, чтобы кому-либо из них отдать сердце.

Княжна хотела постричься в монахини, но Антиох, любимый брат, воспротивился. «У монахов большая часть тунеядцы суть, понеже корень всему злу праздность,

сколько от этого забабонов, суеверий произошло», — напомнил Антиох старшей сестре петровский указ Синоду. Привел присловье: «Кто в рясу пострижется, от умных жуком назовется, кто в мантию пострижется, вороном назовется, в схиму пострижется, мышью назовется. Оставайся, сестра, человеком!»

Запрыгала, забегала, залаяла собачонка Перла. Захлопали двери. Княжна встрепенулась — давно она не видела младшего брата. Но нет, это не Антиох. Бойкая служанка доложила, что пожаловал отец Киприан и с ним еще двое каких-то...

— Один — в богатом кафтане, завитой, усы торчком. Другой — с рыбьей головой, плоский лоб, губы толстые, глаза круглые. На нем суконный сюртук макового цвета и лазоревые штаны. Желают вас видеть.

— Скажи, что я больна, и что меня нет дома, и что я никого не принимаю! А впрочем, спроси — кто такие?

Возвратясь, служанка поведала:

— Который в дорогом кафтане с широченными рукавами в кружевах и лентах, желтых от табака, белых от пудры и черных от грязи, — господин Никодим Филатьев. В сюртуке макового цвета — Анисим Игнатьев, владелец торговых бань за Москвою-рекою, против кожевницкой слободы в Земляном городке в Большом проломе. Только никакой он не владелец, а мыльщик-парильщик, поддает пару и хлещет березовым веником. Отец Киприан осенил меня крестом. «Дочь моя, говорит, пришли мы, говорит, на смотрины, только ты, говорит, не проболтайся, соври что-нибудь поскладнее! ..»

Снова захлопали двери. Собачонка Перла забилась в угол.

— Пришел ваш брат Антиох Дмитриевич! — доложила служанка.

— Наконец-то! Зови!

— Он не один — с ним боярин в медвежьей шубе.
— Пусть шубу оставит в сенях. А что за боярин?
— Потап Потапович Топтыгин.
— Странное имя — какое-то медвежье.
— Так он — медведь! Если дозволите, я попрошу его пожаловать к дорогим гостям, немного их развлечь.
— Развлекай! А ко мне пригласи брата.
— Здравствуйте, дорогая сестрица! — весело вбежал Антиох. — Решил вас потешить и пригласил любезного Потапа Потаповича. Если не возражаете, Кузьма его сюда приведет.
— Только не ко мне! Куда угодно, только не ко мне!.. О себе расскажите!.. — и дорогая сестрица обрушила на Антиоха ливень вопросов: почему у нее давно не был? здоров ли? что в полку?
— Дорогая сестрица, я стал стихотворцем и мог бы задержаться в пути. Напомню вам слова Горация: «Стихотворца никто не спасай, если свалится в ров или кладезь, пусть сидит!» Так, кажется?
— Нет, нет! — запротестовала сестра.
— Написал я свою первую сатиру. Кому показать?
— Отцу Киприану! — с досадой сказала сестра. — Пришел меня сватать. Нет, нет, я пошутила. А впрочем, почему бы нам не пойти в гостиную?
— А не угостить ли нам лесного боярина сатирой? — входя в гостиную, спросил Антиох. Княжна Марья удивленно воззрилась на брата — он будет читать свои стихи попугайскому кафтану, лиловой рясе и маковому сюртуку?
Пока Филатьев размышлял — уходить или остаться? — Потап Потапович улегся возле двери, загородив выход.
— Поручик будет читать вирши, — шепнул Филатьеву отец Киприан, — понравится — хвали, не понравится — хвали пуще!
— В своих стихах я вознамерился высмеять тех, кто

смеется над просвещением, — объявил Антиох. — Сочиняя, никого партикулярно себе не представлял и, осуждая злонравие, злонравного не примечал. Как вы сейчас услышите, я в своей сатире виню не злонравных, а свой ум, так нередко поступают стихотворцы для посмешки.

Негромко, но отчетливо прозвучали первые строки первой сатиры поэта-сатирика, первого на Руси.

«Уме слабый, плод трудов недолгой науки!» — обращался смехотвор Антиох к беспокойному своему уму с ироническим советом: «Покойся, — если хочешь прожить жизнь без скуки».

Сатирик сетовал: телесную украсу предпочитают украсе ума.

Отец Киприан жадно вслушивался в каждое слово Кантемировой сатиры. Видимо, стихи поручика оказались весьма и весьма «партикулярными».

«Господи, помилуй, — тревожился отец Киприан, — поручик не почитает священного сана, священноначальнику с посмешкой советует:

Епископом хочешь быть? .. уберися в рясу;
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Да прикроет; на шею повесь цепь от злата...

Донесут преосвященству!» — стал поглядывать на дверь отец Киприан. Он достал широкий платок и, словно в трубу протрубил, оглушительно высморкался. Поручик в насмешку советовал бородатому священноначальнику, у которого «сердце трещит в гневу», «нудь» — понуждая — «праву и леву» — свои руки — всех благословлять.

— Ого-го! Поддает жару! — загоготал Анисим Игнатьев.

— Складно сказано! — согласился отец Киприан и поперхнулся. За слушанье крамольных виршей разукрасят ему спину шелепами и сошлют в Калязинскую либо в другую каменную обитель и посадят на ржавую цепь.

Поручик представил слушателям еще одного недруга

просвещения — глупого щеголя. Злится он, что много бумаги тратят на печатание книг, и тревожится, что не во что будет ему кудри завертывать. Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры.

— Сенека — знаменитый древний философ, — пояснил Антиох.

Пред Егором Вергилий двух денег не стоит.
Рексу, не Цицерону похвала достит...

— Егор — самый известный и самый дорогой шильник, тачает господину Филатьеву сапоги! — загоготал господин в маковом сюртуке.

— Немчин Рекс тоже Москве известен, — подтвердил отец Киприан, — славен иглой, ножницами и утюгом.

— Цицерон — дерзновенный оратор, — сказал Антиох. — Латинское красноречие привел в совершенство. Вергилий — сын горшечника, за великолепные стихи достал себе имя князя стихотворцев латинских. А Егора да Рекса вам укажет любой краснораспещренный павлин.

Господин Филатьев вознегодовал. Павлин! Его сравнили с глупой птицей!.. Но у двери заворочался медведь, и Филатьев притих.

Дошел черед и до господина в маковом сюртуке. Ну разве не с него снял портрет сатирик:

Пьяница, раздут с вина, чуть видя глазами,
Раздран, смраден, по лицу распещрен угрями,
Советует в веселье житье провождать...

— Про меня! — блаженно зажмурил глаза Анисим.

— Удостоился! — поздравил отец Киприан.

— Дурень! — ткнул Анисима в бок Филатьев. — Его хлещут прутьями, он же еще доволен!

«Нет, за слушанье виршей не помилуют! — затосковал отец Киприан. — «Невежество под митрой!».. Митру носит архиерей! Невежество ходит в шитом златом и сребром платье царедворцев! Невежество судит за красным

сукном! Невежество водит полки! Только государь император не помянут!»

А княжна Марья изумленно и встревоженно смотрела на брата: самого императора Петра Второго сатирик высмеял... похвалой — написал в своей сатире, что «постыдится перед ним, младым монархом, всяк невежда». А младой монарх — первый невежда из всех невежд!

— Дорогая сестра, — сказал княжне Марье Антиох. — За сатирой на хулящих учение воспоследует вторая. Предвижу, что прогневаю тех, кому имя сатириков ненавистно. Пусть! — продолжал поручик. — Я больше жалею тех, которые на меня сердитовать станут, нежели плачу о себе, что в их гнев впасть имею.

Анисим перекрестился широким крестом и проскочил мимо Потапа Потаповича. За Анисимом устремился отец Киприан, да не совсем удачно: рясой зацепил стул, стул с грохотом рухнул на пол. Филатьев замер. Но тут медведь поднялся во весь свой рост и лапой указал потомку семи бояр господину Филатьеву на дверь.

— Жарко! — сказал медведь голосом Кинди. — Кваску бы!

Кинде помогли вылезти из медвежьей шкуры, спросили, как себя чувствует. Он ответил, что было трудно удержаться от смеха — таких виршей он никогда не слышал.

— Всем ты, Киндя, хорош, только имя твое несуразное, — сказал Кузьма.

— Чем плохое имя? — спросил поручик. — Киндя — это Акиндин, имя греческое, по-нашему: верный и надежный.

— Хорошее, да не русское! — посочувствовал Кузьма.

— На Руси греческих имен — множество! — вступилась княжна Марья. — Алексей, Андрей, Антон, Артамон, Зосима, Игнат, Кузьма...

— И я — Кузьма, и отец мой — Кузьма, и дед мой — Кузьма, и у всех у нас имя греческое? Кто бы другой сказал — разве бы я поверил!.. А могу я спросить, кто

знает, много ли на свете пишущих сатиры, где они живут?

— Много! — ответил Антиох. — Был Ювенал, о котором мало что известно. Его суровые сатиры можно сравнить с острым мечом. Был в древности баснописец Эзоп, его казнили — сбросили со скалы. Но эзоповские басни убить невозможно, они и сейчас живут! У французов был поэт ядовитой насмешки Никола Буало.

— А в России? — спросил Кузьма. — Я спрашивал в Петербурге в типографии, у знакомых. Ответили: «Не знаем!» Допытывался в Москве у Поликарпова — отмахнулся! Обошел я московские торговые ряды: калашный, медовый, селедный, чесноковый, луковый, хлебный... Есть скобяной, кружевной, пушной, самопальный, игольный... А книжного нет! Будут ли когда продавать сатиру, летом в ларе, а зимой привозить на салазках?

— Будут!— твердо сказал Антиох.

— Как горестно, что нет на свете государя Петра Великого, — вздохнул Кузьма. — Он повелел бы сегодня же набрать сию сатиру гражданским прописным, самым крупным шрифтом, и оттиснуть на печатном стане.

— А что, если послать мою сатиру владыке Феофану Прокоповичу? — спросил Антиох у княжны Марьи. — Он хоть в полосатой рясе, но ратует за науку.

— Не знаю, можно ли утруждать владыку Феофана мирскими делами, — усомнилась княжна Марья.

— Дорогая сестра, вы хотите спросить, не упала ли власть Феофана при владычестве невежд? Своими сомнениями вы укрепляете мою решимость. Именно ему, ратоборцу просвещения, проповеднику мыслей и деяний преславнейшего Петра, надо послать мои вирши. Пусть знает, что у него есть соратники в трудные дни!

— Что ж, отсылайте! — сказала княжна Марья. — Только не указывайте имени автора сатиры. Вы слишком доверчивы и неосторожны, дорогой Антиох. Не забывайте — копью и мечу верная соратница — кольчуга!

Ночью княжне плохо спалось. То снился ей отец Киприан — он трубил в охотничий рог. Княжна спрашивала, что за охота, — и слышала в ответ: «Молодой император охотится на лисиц и волков, а на него самого охотятся князья Долгорукие, хотят его в тринадцать лет женить на княжне Долгорукой».

То привиделся Потап Потапович. Приложив лапу к виску, докладывал: «Ростом я с Петра Великого, без малого — три аршина, вешу двенадцать пудов, а бывают Топтыгины и на пятнадцать и на двадцать пять! Зубы у меня острые, когти страшенные. А сочинять сатиры я бы поостерегся...»

Вдруг видит она торговые ряды. Между калашным и самопальным торгуют книгами. «Нет ли тут сатирических виршей?» — спрашивает княжна Марья. Но к ней бежит горбун Эзоп, крича от страха. А за ним гонятся какие-то люди, норовят сбросить со скалы на острые колья...

Не спалось в ту ночь и Антиоху, он обдумывал новую сатиру. Злочинцы прочтут титул сатиры и взбунтуются на бедного автора. Мало было ему высмеять презирателей наук, теперь уже и на злонравных дворян замахнулся! Что ж, пусть гневаются, коли сами теми злонравиями запятнаны, которые сатирик обличает!

Глава восьмая

БЕЗ ПАНЦИРЯ НА ЗЛОНРАВНЫХ

> ...все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может.
>
> *Антиох Кантемир, «На вторую сатиру к читателю предисловие»*

— Злонравные могут обижаться лишь на себя, — горячо говорил Антиох сестре. — Они любят похваляться древностью рода, но еще в древние времена сатирик ска-

зал: «Как грустно не иметь другой опоры, кроме чужих заслуг». Не злонравным толковать о благородстве, чванство — не достоинство, пьянство — не добродетель, невежество — не доблесть, глупость — не украса, пусть помолчат! Темнотой злонравия помрачается всякое блистание благородства! Дорогая сестра, пожелайте мне удачи!

— Я советую повременить, обождать, подумать...

— Мне пришла прекрасная мысль: во второй сатире напишу портрет самого отвратительного злонравного дворянина самыми гнусными красками, чтобы всякий, глянув на него, отпрянул, не желая иметь со злонравным никакого сходства.

— Люди говорят, что с огнем не шутят, — в раздумье сказала княжна Марья.

— Хорошо, спросим совета у мудрецов. При вас раскрываю сатиры Ювенала, читаю: «Знатности нету нигде, как только в доблести духа». Теперь спросим Цицерона, какое он даст нам напутствие? Отец латинского красноречия отвечает лаконично: «Смелому Фортуна в подмогу!» Справедливые слова! Обратимся теперь к Буало, мудрому поэту, сатиры и послания которого если не превосходят всех тех, коими древность хвастает, подлинно соравняться им могут. Он говорит: «Пером смелым укоряю нравы!» — чеканные слова, которые можно взять девизом. Другой, мною почитаемый француз с посмешкой предостерегает: «Выполняй задуманное, не подражая моему Аристарху, который, что-либо затеяв, выходит на площадь с трубачом и глашатаем и медногорлый глашатай возвещает: «Внимайте, внимайте! Перед вами Аристарх, который завтра совершит доброе дело!..» Если угодно, дорогая сестра, спросим еще Эзопа. Он приведет нам басню. Галка уворовала нарядные цветные перья и украсилась ими, да ненадолго. Обворованные птицы не только отобрали у воровки свои перья, но и ощипали ее догола. Мое пояснение к басне: таков и дворянин без

добродетели, у которого унаследованное им от предков славное имя — чужая украса!

— Советники у вас достопочтенные, наделенные острым умом, но, думается мне, их устами говорит мой брат Антиох. Ему хорошо известно, в какой книге, на какой странице запечатлены мудрые речения греков, римлян и французов.

— Пожалуй, в какой-то мере к сочинению сатир я подготовлен. Недостает лишь желанного знамения: откуда-то из-за облаков должен спуститься орел, сесть сатирику на плечо и подарить перо из своего крыла: «Пиши, поручик!..»

— Я в советчицы вам не гожусь, — сказала княжна Марья. — Поручите мне лучше переписку вашей новой сатиры.

Молодых офицеров, однополчан Антиоха, жгло любопытство: где и с кем проводит он время, почему перестал сочинять песенки, которые в полку так нравились гулякам-фендрикам, почему забросил флейту? Решили подпоить Кантемирова денщика, чтобы выведать от него всю правду.

Бывалый преображенец от угощения не отказался, на расспросы отвечал обстоятельно:

— Чего не слышал — того не слышал, чего не видел — того не видел, а где был — расскажу. В сраженьях бывал я под Лесной и под Полтавой. А сколько раз приходилось вытаскивать победу за волчьи уши! Злоба у волка большая, а уши короткие... Да что вы все про поручика толкуете? Рассказать вам о его Евтерпушке?

Офицеры переглянулись.

— Может быть, слышали о Мнемозине? Как же не слышали, она — богиня памяти, а Евтерпушка — ее родная дочка, зачастила к поручику, сущая правда!

— Почему же в полку ни один караульный Евтерпушку не приметил? Ни одна собака не залаяла! Да что она у вас — по воздуху летает?

— А разве я не сказал? У нашей красавицы за спиной — два крыла, как и у всех ее сестер, а сестер у нее — восемь!

— Лишнего хватил — недосмотрели! — ахнул какой-то фендрик.

— Постойте, постойте, ваши высокородия! В лешем-то, водяном и дедушке домовом вы не сомневаетесь? Кабы не было домовых, не держали бы на конюшне козла для отпугивания, чтобы домовой не гонял коней до пены!

— У домовых другая препозиция, — согласились офицеры. — Кто не знает, что ребеночка перед пеленанием надо сунуть головой в поостывшую печь, чтобы дедушка домовой с ним познакомился, тогда он душить ребеночка не станет. А ты ступай, проспись.

— Господин поручик как узнал, что я вами приглашен, мне приказал, чтобы я ничего от ваших светлостей и сиятельств не скрывал, а еще велел передать, что приглашает вас в гости.

— Ежели ты спьяна не выдумал — придем!

Выслушав рассказ денщика, поручик усмехнулся:

— Справедливо сказал француз Лабрюйер, что самой тонкой хитростью подчас бывает откровенность и прямота.

Когда пришли гости, Антиох подтвердил: у Евтерпы действительно за спиной крылья, такою изображают ее художники, она — муза лирики.

— Впрочем, вы же, господа, не стихотворцы. Потолкуем лучше о том, что нам поближе, — о высшем щегольстве.

К удивлению молодых офицеров, Антиох оказался неоспоримым знатоком причесок, кафтанов, чулок, башмаков...

— Итак, начнем с головы! Высшее щегольство, а только к оному мы и стремимся, делит волосы на три доли или части. Надо лбом коротко обрезанные волосы торчат гребнем. Вторая доля — словно у овечки, завита в колечки. Третья доля — ниже темени волосы модника собраны в пучок и укрыты в тафтяном мешке.

Далее — кафтан. Чем богаче кафтан, тем громче твоя слава! Вздернешь себе на плечи три избенки — чихать на тебя хотели! Промотаешь за кафтан три деревни — о тебе заговорят! Зеленый кафтан приличен лишь в поле. Облачишься в городе в зеленый — засмеют! Минуло тебе двадцать лет, забудь шипковый, то есть розовый, цвет!

Теперь — ноги! Модная обувь — узкая. И только истинный модник втиснет ногу в башмак, презрев кровавые мозоли! Хочешь щеголем быть — терпи!

Походка? Только щегольская! Щеголи себе за красу почитают такую ходьбу, для которой каждый ступ мерой бывает. Ступая, опирайся на пальцы ноги, потом опускай на пяту, когда идешь, подгибай колени.

Гвардейские офицеры слушали молодого князя Кантемира с восторгом, смеялись от души. Они и не подозревали, что участвуют в репетиции второй сатиры.

...Постепенно в сатирической «кунсткамере» собралась галерея монстров. Один красавец библиотеку, унаследованную им от отца и деда, променял на цуг лошадей да полдюжину кафтанов. Радуется он удачной мене, но тем острей его скорбь: почему, имея славных предков, сам терпит бесславие?

Другой извял в передних, низко кланяясь мухам — самым неотвязным гудельщикам и жужжальщикам, привычным для слуха временщика.

Третий любит толстеть дома, а желает украситься славой мореплавателя.

Как тебе поверить флот? ты лодкой не правил;
Рыбу, что живет в воде, ловить уж оставил;

Корабль ти кажется гроб, веревки — удавка,
Море — ад, парус — саван, буря — житью сбавка...

Четвертый метит в военачальники. Днем он сонный, как сова в дупле, а ночью командует картежными полками в фараонном бою — игра носит название «фараон».

Антиох многому научился у латинских и французских знаменитых писателей и поэтов. Но не будут ли его сатиры сочтены подражанием римским и парижским образцам? Злобные зоилы повторят обвинение, предъявленное много веков назад Горацию: он ради смеха не даст пощады даже самому лучшему другу, он приневолит себя смеяться.

Антиох представил на минуту, как в Италии или в Греции снаряжают музу Евтерпу в занесенную снегом Москву.

«Тебя величают лировладычицей, — поучает Евтерпу богиня Мнемозина. — Поправь прическу, она должна быть строгой и в то же время изысканной. Не забудь переменить твой любимый льняной хитон на теплый — белой шерсти».

«Скажи, Евтерпа, — спрашивают музу лирики ее крылатые сестры, — стоит ли ради твоего поручика снисходить с небес на землю? От сатиры — одно беспокойство и тому, кто пишет, и тем, о ком пишут!.. И кстати, напомни, а то мы запамятовали, — кто до Кантемира сочинял стихи в его отчизне?»

«Дорогие мои дочери, — говорит Мнемозина, — доселе на Руси сатирических виршей на злонравных дворян не бывало. Тем паче в лейб-гвардии Преображенском полку!»

Антиох внимательно прочел вторую сатиру. Где у него были раньше глаза? В сатире ничего не сказано о рабах и слугах, а ведь Ювенал, Гораций и другие поэты древности гневно осуждали злочинства рабовладельцев. Ювенал показал некоего Рутела, который с наслаждением

слушал свист бича и крики истязаемых. Еще гнусней и отвратительней Рутела патриций, распявший на кресте голодного раба, дерзнувшего лизнуть объедки. Как адское исчадие вошел в века некий художник — по дешевке купил он старого больного раба для жестоких истязаний, чтобы запечатлеть на полотне предсмертные страдания его.

Не такие ли рабовладельцы зверствуют на Руси? Каменные души! Антиох даст им урок! Он потолкует с ними в сатире начистоту. Только лютым зверям присуща жажда крови, скажет он им. Плоть в слуге с твоей однолична, раб — тоже человек. А люди ли вы? — спросит он звероподобных дворян.

Из питейного заведения — а им в старой Москве не было счета — вывалились три дворянина. Завидели поручика, направились к нему, ухватились шестью руками.

— Мы из кружала, и опять туда пойдем, и тебя поведем, если скажешь, правда ли, что в Преображенском полку в ходу непотребные вирши?

— Кто сказал?

— В кружале слышали.

Антиох удивился: он лишь весьма немногим читал отрывки из своей сатиры о злонравных дворянах, а слухи уже побежали, закружились по столице.

— Чего же вы хотите? — спросил Антиох.

— Ничего нам не надо, ничего-ничегошеньки, только поглядеть бы— кто вирши складывает, какой с виду?

— Глядите на меня! — предложил Антиох. — На плацу колем соломенные чучела штыком и шпагой. А в сатирах колем насмешкой, стреляем насмешкой, рубим насмешкой! Про меня хотите знать? Своему делу учился в Риме и Париже, хоть там никогда не был.

— Насмехаешься! — озлились господа дворяне. — Мы шуток не любим, у нас по-другому заговоришь!

— Почему не пошутить? — подоспел денщик Антиоха. Стукнул двух гуляк лбами и доложил: — Лбы крепкие, да искры нет. Разрешите повторить?..

Вечером молодой сатирик вновь взялся за перо. Против злонравных дворян выступает он без панциря, но у него на вооружении военная хитрость. Офицеры-преображенцы завидуют придворным щеголям, ненавидят их за щегольские кафтаны и модные прически, бешено хохочут, слыша насмешки над злонравными.

«Злонравным ненавистна хула злонравий и похвала добродетелей, а сатирику ненавистны злонравные, поблажки им не будет! А тем, которые ведать желают, кто меня судьей поставил, ответствую, что все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может».

Глава девятая

ГВАРДИИ САТИРИК

Одно худо, что моя муза легко мыслит,
Все именем назовет, молчати не смыслит.

Буало, «Речь королю»
(перевод Антиоха Кантемира)

Испанский посол дук де Лирия, продолжая улыбаться, вышел из дома вице-канцлера на зимнюю стужу. И тут его приятную улыбку словно ветром сдуло.

— Чертова вестфальская лиса! — не очень-то почтительно отозвался посол о бароне Остермане. — Снова готовит какую-то подлую затею!..

Царедворцы давно приметили: чем горше Остерман жалуется на свои несчетные недуги, тем изощренней становятся его каверзы. Генрих Иоганн Фридрих Остерман — в России он оборотился в Андрея Ивановича — сумел стать незаменимым при Петре Первом. Падение Шафирова способствовало его быстрому возвышению. Еще больше Остерман возвысился при Екатерине Пер-

вой. При Петре Втором Остерман, его воспитатель, подладился к Долгоруким. По Остермановой подсказке Петр Второй наградил зачинщика царских забав своего любимца князя Ивана Долгорукого высшим орденом, пожаловал его званием обер-камергера, а князей Василия и Алексея Долгоруких ввел в Верховный тайный совет.

— Готовьтесь к двойному великому торжеству! — порадовал сегодня вице-канцлер испанского посла. — Предстоит бракосочетание императора Петра Второго с княжной Долгорукой и женитьба ее брата, князя Ивана, на дочери покойного фельдмаршала Наталье Шереметевой.

— Только мне и радоваться! — сокрушался испанский посол.

Дука в крайнюю меланхолию повергла болезнь его несчастного пустого кармана. Испанский посол со своим верным секретарем господином Каскосом были так бедны, так бедны, что им впору было помышлять о похлебке святого Франциска, которой в Испании наделяют нищих. Бриллианты родовитого испанца давно отданы в заклад ростовщикам, а теперь придется заложить и столовую серебряную посуду, что с немалым злорадством будет примечено всем дипломатическим корпусом.

Посол ткнул перчаткой в широкую спину кучера. Кучер ударил по коням, кони рванулись, и тут — хоть выскакивай из саней! — дипломат увидел гвардейского поручика в синей епанче и низкой шляпе черной шерсти. Да это же князь Антиох Кантемир! Посол дважды ткнул кучера в спину, однако поручик уже скрылся за одной из тяжелых дверей Остерманова дома.

— Как вовремя вы пришли! — обрадовался Христиан Фридрих Гросс, недавно — экстраординарный петербургский академик по кафедре нравоучительной философии, а теперь — воспитатель Остермановых детей. — Я только что пожелал Федору, Ивану и Анне благодетельного сна и доброго здоровья, теперь до утра свободен. Но скорее

к печке! Отогрейтесь! А после расскажете о вашей службе в полку...

— И у его светлости Аполлона.

— Да, да, мне говорили, что вы пишете любовные песенки.

— Больше не пишу, это не служба Аполлону, а утеха.

— А вы не забыли мои петербургские лекции. Жалею Академию, Иван Ильинский, вероятно, пишет вам о ее прозябании? Как жаль, что мне больше не приходится составлять «Санкт-Петербургские ведомости». Иногда отдельные известия отсылаю Шумахеру, и он печатает, боясь пошевелить запятую, даже если она и не на месте.

Кантемир улыбнулся.

— Жаловаться на службу не могу, — продолжал Гросс. — В свободные часы я волен погружаться в летописи. Доступ к памятникам старины, этим бесценным сокровищам, труден, но для наставника детей вице-канцлера препон не бывает. Древние русские манускрипты я выверяю по немецким и греческим источникам. Общая беда историков-иностранцев — незнание русского языка. Мой уважаемый коллега Готлиб Зигфрид Байер владеет эфиопским, еврейским, китайским, но русского не знает. Однако намерен писать русскую историю — с помощью переводчика. К счастью, есть другой пример — мой барон. За знание русского языка его возвысил Петр Великий. Ба! — хлопнул себя ладонью по лбу Христиан Гросс. — Барон вами интересуется. Наслышался о ваших талантах и выразил желание вас видеть. С вашего дозволения я доложу Андрею Ивановичу, что вы у меня.

Через несколько минут Христиан Гросс вернулся.

— Поздравляю! Барон Остерман просил вам передать, что будет счастлив встретиться с вами. Вам придется немного обождать... Вы, однако, ничего не сказывали о том, чем занято ваше перо.

— Пишу сатиры.

— Сатиры? В доме, где мы находимся, странно слышать подобное признание. Мне представляется, что писать сатиры, не имея высокого покровителя, нельзя! У Квинта Горация Флакка таковым был Гай Цильний Меценат, друг императора. Острый на язык Никола Буало публиковал свои сатиры с высочайшего разрешения короля Франции. Я докладывал барону Остерману о вашем увлечении поэзией, не зная, что вам по душе поэзия сатирическая.

— Я написал две сатиры.

— Придвинемся к огню! — пригласил Христиан Гросс. — Конечно, подражание древним не может вызвать нареканий. В то же время следует помнить, что Ювенал окончил свои дни ссылкой в Африку. О чем же ваши сатиры?

— Первая, «К уму своему», направлена против хулящих учение...

— Даже затрудняюсь определить: святая простота или безрассудная дерзость! Да кому при дворе неведомо, что у молодого императора к наукам неприязнь! А что скажут наставники! Воспитатель его императорского величества барон Остерман может истолковать вашу сатиру совсем не так, как хотели бы этого мы с вами. По совести говоря, не могу даже представить, есть ли что опасней вашей первой сатиры!

— Очевидно, моя вторая сатира «На зависть и гордость дворян злонравных».

— Вся беда от вашей молодости, — зашагал по комнате Христиан Гросс, — вашей искренности, вашей прямоты.

— Знали бы вы, сколь велика радость найти нужное слово, увидеть, услышать, узнать, что оно стало живым. Мой старый наставник, ему почти столько веков, сколько мне лет, — мудрый Гораций велит стихотворцам быть скупыми на слова, зато не скупиться на старанье и поиски нужных слов, чтобы строка возблистала.

— Что с вами делать? — задумался Гросс. — Вы видите злонравных дворян и говорите об этом вслух. Ради всего святого, не прикасайтесь к болезненным язвам!.. Погодите, зачем тянетесь к епанче! Хочу по-дружески предостеречь: молчок о том, что сатиры написаны вами. Они — ваши, они написаны кровью вашего сердца, но позаимствуйте у моего барона девиз: «Осторожность! Дважды осторожность!..» Неужели вас ничто не пугает?

— Говоря откровенно, побаиваюсь упреков в заимствовании у римлян и французов. А по-настоящему боюсь — будут ли мои сатиры понятны русским читателям. К стихам даю пояснения. Скажем, названа Минерва. Тут же пишу: «Минерва — богиня наук, Юпитерова дщерь, рождена в мозгу его без матери». О Нептуне сообщаю: «Брат Юпитера и Плутона, сын Сатурна, бог, который водами морскими владеет».

— А вам известно, что Юпитеру, Нептуну и Плутону поклоняются язычники? Не забывайте о боярах — они упразднены, но существуют.

— Петербург их не терпит.

— Но они не терпят Петербурга. И у них большая сила. Так что лучше Нептуна не упоминать.

— Я в примечании скажу: «По баснословию древних».

— Будьте осторожны!

— А могу я о дворянине, который гол знаниями, сказать, что он глуп, ничего не знает и, хуже того, знать ничего не хочет?

— Слишком резко, хоть, может быть, и справедливо. Для осторожности добавьте: «Что сущее, богу противное, упрямство». Но меня интересуют не примечания к стихам, а сами стихи.

— Свою сатиру я предваряю словами остроумного француза Лабрюйера: «Если добро быть благородным, будь таким, чтобы никто не спрашивал, благороден ли ты!» В сатире я показываю человека, возлюбившего доб-

родетель. Встречается он с дворянином, как я говорил, всякого благонравия лишенным.

Возлюбивший добродетель вопрошает злонравного:
Что так смутен, друже мой? весь в знаках печали:
Бледен, очи все в слезах, темны, красны стали...

Христиан Гросс внимательно слушал. Понравилась ему смешная история про епископа, пожелавшего стать патриархом, — подарил он князьям Долгоруким породистых коней, а патриархом все-таки не стал. Конечно, в Кантемировой сатире незадачливый священнослужитель не назван, но легко угадать: это Егор Дашков!..

— Могу подтвердить, — сказал Христиан Гросс, — дареные эти кони останавливались и у нашего крыльца!

А как хороши стихи о приунывшем дворянине, о том, как он сделался похож на подьячего из вотчинного приказа, которому сулена смертная казнь за взятки.

Раздался осторожный стук в дверь. Баронесса Марфа Ивановна прислала слугу предупредить: никому нигде не разгуливать, у барона Андрея Ивановича находится царь.

Антиох спросил:

— Почему слуга в обносках? Неужели в доме вышел последний грош? И почему везде полумрак?

— Бережливость! Дважды бережливость! — ответил Христиан Гросс. — Но обождите, по случаю прибытия его величества всюду в доме воспылают восковые свечи.

Восковые свечи, однако, не появились, вице-канцлер и Петр Второй не желали, чтобы их встреча была приметной.

— Почему государь приехал один, без Долгоруких? — размышлял вслух Христиан. — Не вознамерился ли он получить совет, как отстать от Екатерины Долгорукой, нареченной невесты? Ей — восемнадцать, ему — четырнадцать. Трудно проникнуть в мысли трижды осторожного барона, но, пожалуй, он более склонен женить молодого императора на иностранной принцессе. Покойной импе-

ратрице Екатерине Первой барон советовал женить юного Петра на его тетке Елизавете Петровне... Да, хотелось бы знать, о каких государственных делах беседуют наедине император и вице-канцлер.

— О государственных делах? — удивился Антиох. — С каких это пор кулачные бои, медвежья травля и соколиная потеха стали государственными делами? А более всего любы царю придворные потехи. В кулачных боях нельзя бить лежачих, а в придворных боях — сколько угодно!.. А стены толстые? — спросил вдруг Антиох. — Нас не услышат? — и резко толкнул дверь.

— Зашибли! — зашипела баронесса Марфа Ивановна Остерман.

Христиан Гросс почтительно доложил, что у него пребывает светлейший князь Кантемир.

— Я так рада каждой живой душе, — пропела баронесса: — В нашем доме царит скука. Мой Генрих Иоганн Фридрих признает лишь свои бумаги, — когда баронесса сердилась, она называла Андрея Ивановича его полным именем. — Не откровенничает ни с кем! А я люблю откровенность и всегда откровенно скажу, что злейший из пороков — расточительность! К примеру, испанский дук палит перед своим посольством сотни плошек. Но ни карманы, ни кошелек ему не нужны — деньги у испанского посла, увы, отсутствуют. Важностью и бедностью его превосходит лишь рябая курляндская герцогиня Анна Иоанновна. Денег у нее не было, нет и не будет! Зато придворных — не счесть: гофмаршал, футтер-маршал, камергеры. Гофмаршал при дворе заменяет павлина, приобрести которого Курляндскому герцогству не по средствам. Футтер-маршал ведает поломанной каретой. А камергер Бирон вышагивает пешком, выискивая борзых собак для князей Долгоруких! Тьфу!

Послышалось легкое царапанье в дверь. Слуга, заикаясь, доложил о прибытии князя Ивана Долгорукого.

Об этом же заливистым лаем известили собаки. Баронесса поспешила удалиться.

В доме запылали плошки. Но затрубил охотничий рог. С гиканьем и свистом повыскакивали на мороз царь, псари и собаки.

— Пора и мне собираться, — сказал Антиох.

— Переночуйте у меня, — предложил Христиан Гросс, — одному ходить по ночным улицам опасно. Еще в прошлом году караульни у рогаток были сломаны, понеже в тех караульнях чинилась пришлым людям пристань, отчего явилось всякое непотребство.

— На мне гвардейский кафтан.

— Ваша правда, — согласился воспитатель Остермановых детей. — Трус не станет писать сатиры.

— Прошу прощения! — откуда-то вынырнул барон. При свете огарка, который уже стал сжигать пальцы Христиану Гроссу, вице-канцлер приветствовал поручика. Похвалил тихий вечер.

— Господин барон, вечер был изумительный! — восхитился явной ложью Христиан Гросс. — Мы ничего не слышали, кроме божественной латыни.

— Спокойной ночи! — откланялся барон.

— Спокойной ночи! — ответил Антиох. Вопреки советам Христиана, он будет писать новые сатиры. Третью напишет о различии страстей в человецех. Греческий философ Феофраст и француз Лабрюйер говорили о своих современниках, Антиох будет говорить о россиянах.

На углу поручик увидел заиндевевшую фигуру:

— Господин Каскос, вы ли?

— Посол мне советует для здоровья вечерние прогулки.

— Да у вас побелел нос! Трите, скорее трите!

— Я опасаюсь, не помешал ли мороз свадебному торжеству. Мы хотим возле нашего посольства соорудить два фонтана — винный и водочный. Потребуется двенадцать бочек французского вина и три бочки водки.

О, если бы Мадрид прислал нам желанные дублоны через Лондон, через самую верную компанию по продаже негров! Проклятая стужа! Стужей скован мой дух, стужей скован мой дук, он хотел бы иметь сыновей, которых отдал бы на службу королю, но супруга дука в Мадриде, и ей уже тридцать девять лет. А вы не слышали, не предполагает ли русский двор вернуться в Петербург?

— Господин Каскос, вы рискуете отморозить нос! — сказал поручик.

В доме вице-канцлера замигали и погасли последние огоньки.

Глава десятая

РАЗГОВОР О МНОЖЕСТВЕ МИРОВ

> Одному только некоему астроному Копернику приснилось, будто солнце, луна, звезды стоят, а земля оборачивается противно священным писаниям. Смеются с него богословы.
>
> *Митрополит Стефан Яворский*

В один из праздников — а у нее вся жизнь была праздник — княжна Черкасская спросила знакомых гвардейских офицеров:

— Здоров ли поручик Кантемир? А если в добром здравии, то почему его не видно?..

Лейб-гвардейцы со смехом отвечали:

— Ваш поручик, Варенька, безумно увлечен парижской маркизой...

Восемнадцатилетняя красавица возмутилась: почему она ничего не знает о приезде француженки в Москву?.. Молодые офицеры пуще развеселились. Но тут заговорили о близкой царской свадьбе, и все другие новости почтительно отступили перед главной темой пересудов. В Москву на царскую свадьбу съедется российское шляхетство и российский генералитет: сто семьдесят девять

военных и статских генералов, в том числе пятьдесят иностранцев, большей частью немцев. Придворные дамы остро завидовали нареченной царской невесте и утешались странной мыслью: как только царь станет взрослым, он заточит жену в монастырь.

Утром княжна Черкасская вспомнила о загадочной маркизе, сперва со смехом, потом со слабой усмешкой, а потом и с досадой.

Князь Алексей Михайлович не раз давал понять дочери, что своим зятем он хочет видеть не модника-пустопляса и не титулованного дурака, а человека, достойного уважения, умного и образованного, как, скажем, Антиох. Смешливая дочь отмахивалась обеими руками: «Выбирал мне батюшка из лучших лучшего, а выбрал мне батюшка из семи чертей дьявола!» Но тут из Парижа пожаловала противная маркиза. Кто она такая? Откуда взялась? Лучше всего спросить Марью Дмитриевну, сестру Антиоха. И Варенька приказала подавать карету.

Княжна Марья залюбовалась Варенькой. Не такой ли беззаботной хохотушкой была она сама лет десять назад?.. Заговорили о парче, бархате и атласе, о соболях и горностаях. Но Вареньку интересовала маркиза и только маркиза!

— Это увлечение ничего доброго не сулит, — нахмурилась княжна Марья. — Французская маркиза, никто не спорит, существо безобидное, а вот вечерние разговоры грозят Антиоху бедой. Ах, если бы вы, родная, помогли моему Антиоху спуститься с небес на землю, отвлекли бы его от Коперника...

Кто такой Коперник, гостья не знала. Вероятно, служит в лейб-гвардии — там чужеземцев больше, чем русских. Варенька ахнула, когда узнала, что Коперник — знаменитый астроном, значит — колдун и чародей.

— Прошу простить, — сказала княжна Марья, — еду к брату.

— И я! — объявила гостья.

— С вашей решительностью и отвагой командовать бы вам полком!

— Хотя бы поручиком, — ответила гостья.

Антиоха они застали за книгами и бумагами.

— Несносный, — сказала княжна Марья. — Как всегда, неразлучен с Горацием, Ювеналом и Лабрюйером и, как всегда, вооружен пером.

— Вооружен пером! — расхохоталась Варенька. — Разве гусиное перо похоже на мушкет, пистолет или шпагу?

— Дорогой брат, не удивляйся нашему приезду. Я пожаловалась Вареньке на твою маркизу, и Варенька любезно согласилась поехать со мной.

— Да, да! — стараясь сохранить невозмутимость, подтвердила княжна Черкасская. — Познакомьте с вашей маркизой. Она хорошенькая? Какой цвет больше всего любит?

— Маркизы нет, — улыбнулся Антиох. — Ее выдумал господин Фонтенель, Парижской Академии секретарь. Ему понадобилась умная привлекательная собеседница...

— Антиох, вы хитрите!

— Вышли они на свою вечернюю прогулку давно, примерно полвека назад, тогда меня и на свете не было.

— Так она старуха, старуха! — повеселела Варенька.

— Богини не стареют, их красота не меркнет, — с серьезным видом сказала княжна Марья.

— Если вам угодно выслушать, я вам прочту несколько строчек из моего предисловия к Фонтенелевой книге. Книжка сия, как скоро от господина Фонтенеля издана, почти на все языки переведена и от разных народов с подобным наслаждением читана к немалой славе сочинителя. В ней с неподражаемым искусством он полезное к забавному присоединил, изъясняя шутками все, что нужно, в физике и астрономии. Всякий, кто любит читать с прилежанием, многое в сей книге узнает.

— Это я-то люблю читать с прилежанием! — удивилась Варенька. — Поручик, я хочу примерить ваш мундир.

— Нет, Варенька, — запротестовала княжна Марья. — Вы хотели познакомиться с маркизой.

— Пожалуйста, — сказал Антиох. — Во время вечерней прогулки оная маркиза обратилась к Фонтенелю: «Научи меня твоим звездам!» — «Никак не хочу, — ответствовал он, — чтобы меня попрекали, мол, будучи в лесу в десятом часу вечера, разговаривал я о философии с любезнейшею всего света особой. Ищи инде своих философов!»

— И как они поладили? — спросила Варенька.

— Фонтенель пишет: «Напрасно я еще несколько времени подобными словами отговаривался; напоследок нужда была ей покориться».

— Ваша маркиза откуда-нибудь с Луны! — решила Варенька.

— Философы вздумали, что надобно быть Земле неподвижной в средней точке всего мира, а другим небесным телам, которые для нее сделаны, принимать труд ворочаться около нее, чтобы ей светить. Коперник в астрономической ярости, ухватив Землю, отсылает ее далече от средней точки сего мира, где было она себе место заняла, а в сей точке поставляет Солнце, которому честь сия лучше пристала. При Земле осталась только Луна. Так говорит Фонтенель.

— Для кого, князь Антиох, вы стараетесь? — спросила Варенька.

— Свой перевод я посвящаю знаменитейшей Академии Санкт-Петербургской в знак своего благодарства за полученные от ее членов воспитание и наставление.

— Простите меня, — сказала его сестра, — но мудрые воспитатели вас ничему в Академии не научили. Ваш перевод Фонтенелевой книги никогда не напечатают. А если, не дай бог, напечатают!.. Разве вы не знаете, что

было с Галилеем и Джордано Бруно, стоявшими за Коперника?

— Знаю. Галилея бросили в темницу, допрашивали в зале Пыток. Его книгу, как бесовскую, уничтожили. А Джордано Бруно привезли на площадь Цветов.

— Площадь Цветов! — восхитилась Варенька. — Хотела бы я быть там вместе с вами!

— Что вы! Что вы! — ахнула княжна. — На этой площади казнили еретиков. Джордано привезли на это зловещее место и живым сожгли на костре.

— И впрямь пером опасней сражаться, чем копьем, — уразумела Варенька. — Поручик, неужели вы не страшитесь переводить книги, за которые вам не поздоровится? Я вас расцелую за храбрость! Смешной, не боится костра, а страшится, что при сестре обожгут поцелуем.

— Вам, Антиох, время заступать на караул, — напомнила брату княжна Марья.

В это время внимание гостьи привлекла висевшая на стене флейта. Пусть поручик научит Вареньку играть на косой дудочке. За один урок научить нельзя? Что ж, Варенька не откажется от нескольких уроков.

— Еще увидимся! — пообещала гостья.

Через несколько дней к Антиоху пожаловал отец Киприан Благовещенский. Вид у попа был встревоженный. Не зная, как приступить к разговору, отец Киприан долго откашливался.

— Лютые на дворе стоят морозы, — наконец прогудел он. Помолчав, добавил: — Крещенский снег советуют собирать в кадки. Такой водой из крещенского снега девки белят холсты, ею можно отгонять нечистую силу. Она, нечистая сила, за грехи наши наслала на молодого царя болезнь.

Отец Киприан кашлянул и умолк. Молчал и Антиох.

— Я пришел предупредить, — набрался решимости

отец Киприан. — Порождение ехидны, господин Филатьев, нажаловался на вас князю Ивану Долгорукому, тот от себя прибавит и на царской охоте наскажет худого молодому царю.

— У царя оспа, — сказал Кантемир.

— С господином Филатьевым я поругался, лизать ему на том свете докрасна раскаленный утюг! А ваши вирши хорошие, даже при медведе смешно! Все сочиняете, ваша светлость?

— Перевожу на русский книгу французского звездочета.

Отец Киприан покачал головой. Французы — атейщики, в бога не верят!.. И предложил: ежели князь Антиох нуждается в помощи, отец Киприан может ему рассказать о сотворении мира, о Солнце и звездах. Его учили основательно, ни спины, ни прутьев не жалели, розга ум вострит, и поэтому он ничего не забыл. Видимый мир состоит из естества небес и естества стихийного. Ядро Вселенной — Земля! На самом верху — высшее небо, престол всемогущего бога, пространством восемьдесят семь тысяч семьсот десять миль, в каждой миле по пять верст. Немного ниже — хрустальное небо, еще ниже — твердь, на ней укреплены звезды и планеты.

— Господин Фонтенель, секретарь Парижской Академии, в своей книжке вопрошает: для чего хрустальные небеса сделаны не из чего иного, а из хрусталя?

— Ну, ну, ну, — насторожился отец Киприан.

— Для того, чтобы через них проходил свет, а также для того, чтобы небеса были тверды.

Отец Киприан возликовал.

— Но потом, — продолжал Антиох, — усмотрели в небе кометы. И тогда ученые догадались, что сделаны небеса из текущего вещества, каков есть воздух. А вращается Земля с запада на восток.

— Святые сорок мучеников, спасите меня, грешного, от бесовского соблазна! — отец Киприан перекрестился

на портрет Петра Великого. — Меня учили: Земля — всего мира центр, внутри себя она содержит преисподнюю, та терзается трусом, то есть землетрясением, от замкнутых в ней духов. В адской огненной реке мучаются грешники, кто по пояс, кто по грудь в пламени. А парижский секретарь погружен с головою в пламя!

— Господин Фонтенель живет и здравствует и обещает благополучно дожить до ста лет.

— Стало быть, он чернокнижник!.. — отец Киприан отодвинулся подальше от еретической книги. — Чур, чур меня! Помните, ваша светлость, что все беды происходят от змея-искусителя, совратившего Еву съесть запретный плод с древа познания добра и зла. И как только она сие совершила, райские деревья оголились, листья уцелели только на смоковнице. Мое дело наставить вас на путь истинный. А не послушаете меня — и будет ересь! А ереси разгореться не дозволят. Ваша книга, аки огонек болотный, поморгает и погаснет.

— Благодарствую, — сказал Антиох. — Если книга зажжет сердца, пламя никто не погасит!

От Антиоха отец Киприан направился к княжне Марье. По дороге набрался вестей-новостей. Князья Долгорукие хотят, чтобы царь отписал им свой трон. Говорить об этом надо, оглядываясь. Голштинского графа за длинный язык выслали из России. Он предрек, что после кончины императора престол займет его бабка Евдокия, сожитель которой повелением покойного царя Петра Первого был посажен на кол, и, чтобы сразу на морозе не застыл, а дольше мучился, был накинут на него овчинный тулуп. Либо воцарится тетка императора Петра Второго Елизавета Петровна. Говорят, барон Остерман настолько плох, что исповедовался у лютеранского попа. Но баронская болезнь — жучиная, он вроде прожорливого жука, в опасную минуту притворяется мертвым, а сам аппетит нагуливает.

— Отец Киприан, что же будет? — выспрашивала княжна Марья.

— Если лучше станет государю, хорошо будет князьям Долгоруким и Голицыным. Если станет государю хуже — возродятся враги Долгоруких и Голицыных. А вашему брату, князю Антиоху, совсем плохо придется, коли он вознамерился спорить со Священным писанием. Не надо сочинять вирши с насмешками над теми, кто не учится. Не дай бог государь поправится, то есть дай бог не поправится... — отец Киприан совсем запутался, махнув рукой. — Словом, нечего мудрствовать, надо писать о том, что старые люди знают. На том свете в огненных кроватях под небесным облаком горят и не могут сгореть ленивцы, которые пропускали в церкви заутреню. Вот об этом и пиши! Можно и про Адама: прожил он девятьсот тридцать лет, и, когда умер, из отверзтых небес явилась кадильница с ладаном и три ангела со свечами. Книжную ниву нужно очищать от плевел. Пусть князь Антиох напитает свою книгу словами премудрости, и ни ему, ни вам не придется бояться!

Бессонной была ночь княжны Марьи. Неужели, с отчаянием думала она, Антиох не понимает, что при Петре Втором нельзя поступать, как при Петре Первом?

Наутро в церкви она зажгла большую свечу перед образом святителя Наума, чтобы святитель наставил на ум ее безрассудного брата.

Глава одиннадцатая

ПРОРОЧЕ РОГАТЫЙ

...сие верхом твоей славы буди,
что тебя злые ненавидят люди.

Феофан Прокопович, «К сочинителю сатир»

Отец Герасим, архиерейский эконом, последнее время частенько бывал не в духе. Чего завидного в московском подворье владыки Феофана? Сквозь узенькие оконца

с трудом пробивается бледный, тусклый, тоскливый свет. То ли дело петербургское подворье на Карповке: светлое, просторное, с богатым книгохранилищем и преславной пивоварней. А ныне, в Москве, владыка, морщась, делает один-два глотка и выплескивает остатки, — и не пиво плохо, плохи дела. У владыки Феофана легионы ненавистников. Владыка с презрением именует их неуками, школяриками, сумасбродами, ведущими бои со своими сновидениями, величает их буесловцами, человеконенавидцами, скудными и окаянными жрецами суесловия, уподобляет поганой жадной саранче, у которой чревище великое, а крылья малые и не по мере тела, называет их безумными и достойными смеха за то, что они не хотят отстать от своего худого и перенять чужое хорошее.

По каменным плитам застучали подбитые медными гвоздями сапоги регента Досифея. Вполголоса пел он вирши о долгом ненастье, о горемычном пастушке, который дрожит под старым дубом от мокротного хлада. От крайнего глада тают его овцы. Многобидно его счастье! (Не «многобедно», а «многобидно» — владыка Феофан любит украшать свои вирши южной речью.) Прошел день пятый — а водам дождевым нет отмины. Под пастушком владыка разумел в этих виршах самого себя. День пятый — соображай! — пятый год после кончины государя императора Петра Великого, коего достойно славил и коим был достойно возвеличен мудрый архиепископ.

Стряхивая с обуви снег, вошел отец Киприан, низко поклонился, гулко отсморкался и стал осторожно выведывать, доступен ли владыка, страшен ли во гневе и тяжела ли его десница?

— А ты по какому греху? — спросил регент.

Отец Киприан со вздохом поведал, что его прихожанка, светлейшая княжна Марья, возожгла свечу перед ликом Николы-чудотворца на помин души звездочета Коперника, неправославного и еретика.

— Выслушай и запомни, — стал поучать регент. — Жил в славном граде Киеве отрок Елизар, одаренный умом и прилежанием. Сподобил господь отрока поступить в Киевскую духовную академию. Жадный до науки, он скоро превзошел всех своих однокашников. И почувствовал Елисей, что мало ему киевских знаний.

— Елизар! — пробасил отец Киприан.

— Если не пес — не гавкай, не курица — не кудахтай, не колокол — не гуди! В италийском городе Риме, куда прибыл он из Киева, Елизар стал называться Елисеем. Читал наш Елисей книги и манускрипты в Ватиканской библиотеке. И однажды прочел о папском суде над Галилеем, сторонником астронома Коперника, и сочинил латинские стихи о папе Урбане Восьмом. Перескажу по-русски, иначе ты не поймешь, да и сам я в латыни не могуч. «Папа, ты сумасшествуешь! — писал Елисей. — Тебе ли судить о светлых мыслях Галилея? Тебе ли обвинять проницательность ума, зоркого, как рысь! Должно быть, дрянной крот видит лучше рыси!»

— Неужто римского папу обозвал кротом? — усомнился отец Киприан.

— Кротом, да еще дрянным! Знай нашего Феофана!

— Елисей! — поправил отец Киприан.

— Не знаешь, так помолчи! — рассердился регент. — Возвратившись из италийского Рима, принял Елисей во граде Киеве имя Феофана.

— Что правда — то правда! — подтвердил эконом.

— Дайте сообразить! — взмолился отец Киприан. — В живот у меня благоприятно влезает хоть пирог, хоть бараний бок с кашей, приму — не охну! А голова всего сразу не приемлет!

— Вопрошал? Тебе и отвечаю: за упокой души Коперника можешь свечей возжигать сколько угодно, — разрешил регент.

Вечером владыка Феофан призвал отца Герасима в свои покои. При владыке находился чернец-переписчик.

— По-гречески Герасим означает почетный и уважаемый, — напомнил Феофан. — Знает ли почетный и уважаемый, зачем я его позвал?

— Настоящий эконом должен все знать, — осторожно ответил отец Герасим.

— Возрадуемся и возвеселимся! — воскликнул Феофан. — Наша «ученая дружина» обрела нового вспомогателя и доброхота. Как не возликовать сердцу при появлении озаренных остроумием дерзновенных сатир! Смелый сатирописец, сотворивший их, хорошо помнит мудрое наставление первейшего оратора Цицерона своим словом оставлять в душах внимавших вместе с наслаждением и пчелиное жало.

Эконом переминался с ноги на ногу. Но Феофан неспроста слыл искуснейшим проповедником. Столь проникновенно заговорил он о сатирах, что отец Герасим вместе с владыкой возрадовался за «ученую дружину». Архиепископ назвал автора сатир пророком — высшая похвала! С глубоким чувством прочел свои похвальные вирши. Пусть сатирический поэт своим гневным пером беспощадно сокрушает врагов просвещения. Вершиной славы сочинителя будет ненависть к нему злых людей! К сожалению, российский сатирик укрыл от читателей свое имя. Но слухом земля полнится. Это младший сын покойного господаря Дмитрия Кантемира — Антиох!

Признаться, отец Герасим был разочарован — у него было другое представление о пророках: взлохмаченные седые власы, огненный взор, могучий голос, подобный нарастающим раскатам грома!

Феофан Прокопович благословил переписчика и эконома вручить Антиоху Кантемиру похвальные вирши вместе с латинскими стихами члена «ученой дружины» архимандрита Феофила Кролика.

— Не заплутаем? — спросил эконом чернеца, когда владыка отпустил их.

— Мне все приходы известны: и великомученика Георгия на Всполье, и Спиридония на Козьем Болоте, и Симеона Столпника на Поварской, и Николы-чудотворца, что на Курьих Ножках.

— Поменяй-ка сапоги на валенки — ногам будет тепло, как в раю! — позаботился эконом о переписчике. — Прихватим бочонок пива и — в путь!

Кантемиров денщик отрапортовал гостям:

— Поручика нет, но скоро будет! Садитесь и ждите!

— Книги, книги и книги! — подивился переписчик.

— Да уж! — нахмурился отец Герасим и сказал денщику: — У других стены обиты шелком, у других — зеркала! А тут!.. Да кто он у тебя — лейб-гвардии поручик или монастырский служка! А это что за бумаги?

— «Петрида»! — денщик подвел отца Герасима к портрету капитана бомбардирской роты Преображенского полка. — О Петре Великом, потому и «Петрида»! Поручик при мне читал вслух: пусть от него не ждут на этот раз забавного слога, он рыдает со всей Россией о гибели Петра Великого.

— А почему он у тебя только поручик? — спросил писец, словно в воле денщика было наделять полковничьим или генеральским чином.

Но тут послышались быстрые шаги. Вошел Антиох. Отец Герасим запел тропарь и торжественно вручил Антиоху поздравительные вирши Феофана Прокоповича. Переписчик подал Антиоху латинские поздравительные стихи Феофила Кролика.

— Прими поздравление перу твоему и сатирам твоим! Многая лета! — возгласил отец Герасим. — Присланы мы владыкой Феофаном поздравить с викторией, сиречь великой победой, от «ученой дружины», в которой владыка Феофан мудрых, славных и смелых сынов России собирает под хоругвями своими.

Когда пивной бочонок наполовину опустел, переписчик, осмелев, спросил:

— А почему в виршах владыки Феофана пророк назван рогатым?

— Рогатый — бодливый, — сказал Антиох. — Это слова италийского поэта Горация.

Переписчик стал просить перевести с латыни на русский стихи Феофила Кролика. Антиох смутился: неловко читать вслух похвалы самому себе.

— Гордыня — мех наружу, а смирение — мех вовнутрь. Просим прочесть! — поклонился отец Герасим. — Жаль, что нет в Москве Ильинского, он прочел бы и возрадовался.

— Я переведу, — согласился Антиох и стал негромко читать: — «Какие почести воздаст тебе мудрость, почтенная тобой столь лестным образом, когда и сама глупость, уязвленная колким стихом, восхваляет твой гений.

Пусть невежда, чуждый всего священного и коснеющий в своем невежестве, порицает мудрого; пусть празднолюбец, гордящийся своею блестящей одеждою, измывается над познаниями, приобретенными неусыпным трудом; пусть сластолюбивый богач, бедный среди куч золота, изрыгает хулы на просвещение; все это развеиваешь ты, как ветром, своим стихотворением и научаешь ценить достоинство наук».

Оставшись один, Антиох еще раз перечел стихотворные послания. Он ликовал. «Ученая дружина» признала его сатиры! «Ученая дружина» призывает его гневно обличать пороки! Антиох последует благому напутствию, напишет много сатир. Читая их, злонравные содрогнутся!..

На другой день лейб-гвардии поручик отправился в типографию. Директора, Федора Поликарпова, он застал за разбором устаревших молитв-песнопений, отпечатанных в большом количестве, но своевременно не проданных. На завертку пошло песнопение «О здравии Цар-

ского Дома Петра Алексеевича», отпечатанное еще в 1720 году. Двадцать пять тысяч экземпляров канона во имя ее величества императрицы Екатерины Алексеевны, отпечатанные в 1725 году, были тоже пущены на упаковку пакетов и свертков.

Поликарпов спросил, чем может служить светлейшему князю Антиоху Дмитриевичу. Антиох ответил, что хочет напечатать небольшую книжку: две сатиры. Первая — на хулящих учение, вторая — на зависть и гордость дворян злонравных. Обе сатиры восхвалены Феофаном, епископом Новгородским и Великолуцким.

— Напечатать-то можно, — после долгого молчания сказал Поликарпов. — А ну как потом дворишко опечатают? Его царское величество Петр Первый, будучи за границей, однажды в палатке иностранца увидел Ювеналовы сатиры и сказал: «Что касается сатир, в России они будут запрещены под строгим наказанием».

— Однако ученые люди растолковали его величеству, что оный Ювенал дурные нравы и дурные обычаи римлян осмеивал хотя весьма колко, но вежливо и разумно.

— Это верно, государю перевели несколько сатир. Голландский перевод ему очень понравился...

— Можно приносить рукопись? — спросил поручик.

— Петра Великого нет в живых, — вздохнул Поликарпов.

Антиох ушел из типографии опечаленный. Как он мечтал, что сатиры разойдутся по всей России! И все зря.

Кантемир не догадывался, что его сатирические стихи переходят из рук в руки, приобретая все новых друзей и врагов. Кто-то при свете огарка или при лучине переписывал сатиру, украшая красную строку цветной заглавной буквой. Кто-то со списка делал новый список.

Один такой список попал к префекту Славяно-греко-латинской академии архимандриту Платону. Тот пришел в великий гнев и отправил донос на богомерзкие вирши в святейший Синод.

Глава двенадцатая

ЗОЛОТОЕ ШИТЬЕ

Бирон царил при Анне...

А. К. Толстой, «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева»

Над Москвой тяжело гудел тысячепудовый колокол. Двадцать дюжих звонарей раскачивали язык чугунного исполина. Хоронили государя императора Петра Второго, умершего от оспы.

Траурную процессию возглавлял Феофан Прокопович. За ним в черных ризах шли его заклятые враги — Юрий (Егор) Дашков, архиепископ Ростовский, Феофилакт Лопатинский, архиепископ Тверской и другие. Генералы военные несли на бархатных подушках корону, скипетр, державу и прочие знаки царского сана. В черной епанче, накинутой на лейб-гвардейский майорский мундир, любимец усопшего князь Иван Долгорукий нес на бархатной подушке орден Андрея Первозванного.

Длинный цуг лошадей, накрытых черными попонами, вез погребальную колесницу с останками Петра Второго, за короткое царствование которого были отменены важнейшие преобразования Петра Великого, был унижен и стал хиреть Санкт-Петербург. По мужской линии на Петре Втором оборвался род Романовых.

Для молодого члена «ученой дружины» поручика Кантемира пришли тревожные дни. Февраль должен был решить, в чьи руки перейдет власть.

Под заунывный вой метели из Митавы в Москву поспешила курляндская герцогиня Анна Иоанновна, провозглашенная императрицей. Ее сопровождали-стерегли двое из восьми верховников — членов Верховного тайного совета — князь Василий Лукич Долгорукий, прозванный «драконом», и князь Михаил Михайлович Голицын.

Феофан со своими сторонниками стремился любой ценой сокрушить Верховный тайный совет. Он предрекал: «Если по желанию тех господ сделается, крайнее всему отечеству будет бедство. Сии властолюбцы не долго будут между собой в согласии, и для России их правление будет горестным возвращением к тем временам, когда Русь была на мелкие княжения расторгнута».

Феофан, глава «ученой дружины», тайно наставлял пленницу «дракона», как ей нужно держаться, чтобы перехитрить и сокрушить верховников. Член «ученой дружины» Василий Никитич Татищев, смелый артиллерист, искусный дипломат, от имени российского дворянства составил обращение к Анне, в котором ее умоляли объявить себя полновластной, самодержавной императрицей. Другое обращение дворянства к Анне Иоанновне составил Антиох Кантемир.

Антиох с восторгом отзывался о Феофане Прокоповиче: в церковных делах и в правлении дел гражданских славен, прилежен, трудолюбив, благочестив, верен и умом от бога чрез труды свои одарен. Антиох посвятил архиепископу свою третью сатиру «О различии страстей в человецех».

В ответ на Феофанову «Песнь пастушка» Антиох написал «Песнь утешения». «Для чего ты плачешь о ненастье? — вопрошал стихотворец. — Уж ластовицы ⟨ласточки⟩ появились, послыша весну. Уже сияет шестой день ⟨шестой год после кончины Петра Великого⟩. Диана благодатна ⟨императрица, отождествленная с богиней охоты⟩ выходит на лов, примечая дивых ⟨диких⟩ зверей. Скоро будут раздавать их кожи», — писал стихотворец, не помышляя, что его слова, произнесенные для украсы виршей, окажутся пророческими.

Для Феофана Прокоповича и впрямь пришла «отмина дней дождевых». Во многом благодаря его стараниям Анна Иоанновна стала самодержавной императрицей. Ранее подписанные ею «кондиции», согласно которым

при ней царили бы верховники, Анна Иоанновна изодрала и швырнула на пол. Феофан Прокопович опять возвысился при дворе. Страшный во гневе, владыка Феофан всю силу своего бича обрушил на Дашкова и других своих врагов, обвиняющих его в «двоеверии», «протестантской ереси» и прочих тяжелейших грехах.

В конце апреля 1730 года Феофан Прокопович должен был в Успенском соборе совершить коронование и миропомазание на царство Анны Иоанновны. Придворные, князья церкви и дипломатический корпус готовились, каждый по-своему, отметить торжество. Кто полагал зажарить целиком двух быков, позолотить им рога и копыта и в таком виде вывалить на стол; кто намеревался перед своим домом запалить тысячу плошек; звонарям было приказано ударить во все колокола.

Испанский посол герцог де Лирия решил перекрыть улицу триумфальной аркой семи сажен шириной и десяти сажен высотой. За испанцем неотступно ходил датский посол, выспрашивая: а как лучше откликнуться ему — соорудить перед домом винный фонтан или отдать деньги нищим? При слове «нищим» испанского посла передернуло.

Но, к его радости, секретарь посольства дон Каскос сумел в очередной раз улестить ростовщика. Еще приятней, что дон Каскос сумел найти, пригласить и привезти молодого ученого, поэта, знатока архитектуры и прекрасного латиниста, который определит, нет ли неточностей в изображениях и надписях на арке. Этим знающим человеком оказался Кантемир.

Поручик при датчанине похвалил испанского посла за выбор простого и строгого стиля колонн...

К дому подкатил шестерик. Величественный возничий восседал на облучке с таким видом, словно только пересел туда с королевского трона. Слуга в сверкающей ливрее распахнул дверцы кареты, и на землю снизошла сияющая княжна Черкасская.

— Поручик! Какое счастье! Я приметила вас из кареты! Что здесь у вас такое?

Испанский посол и его датский коллега оказались в затруднении: запас русских слов у них был слишком мал и предназначен не для комплиментов, а Варенька все чужестранные языки считала «немецкими». Антиоху пришлось переводить с французского.

— Перед вами — триумфальная арка, — объявил герцог де Лирия. — Деревянные колонны под искусной кистью художника преобразуются в мраморные. В проемах мы поместим изображения, освещаемые плошками при закате солнца. Временно хранятся они под замком.

— Покажите! — приказала Варенька.

Испанский посол велел снять замок и пригласил восхититься дивным и смелым творением художника, предложив Кантемиру подчеркнуть при переводе, что богини изображены в натуральный рост.

— А почему у молодой иностранки два лица? — удивилась Варенька. — А в руках — копье и книга?

— Замысел целиком принадлежит мне! — самодовольно улыбнулся испанец. — На полотне мы видим половину лица Афины Паллады — греческой богини войны и победы, искусства и знаний, и половину лица Минервы — италийской богини наук. Это — государыня императрица.

— Если это государыня, почему при ней нет обер-камергера Бирона и обер-шталмейстера Левенвольда? А где лошади и борзые собаки? — любопытствовала Варенька.

Посол был уже не рад ее появлению. Вместо ответа дук де Лирия пригласил Варвару Алексеевну к полотну, которым особенно гордился. Художник изобразил дом с распахнутыми воротами. В воротах пылали два факела, между ними помещался огромный глаз, внизу красовались четыре ноги.

— Что за чепуха! — ахнула Варенька.

— Чему тут удивляться? — недоумевал испанский посол. — Две ноги входят в дом, две ноги выходят из дома, или, если вам угодно, две ноги уходят, две ноги приходят.

— Тут никто ничего не поймет — ни шут Балакирев, ни юродивый Тимошка!.. Поручик! — приказала Варенька. — Кру-гом! Марш в карету! Едем за золотым и серебряным шитьем. Я вам вышью золотом туфли!..

— Простите, ваша светлость, — обратился к Антиоху дук де Лирия. — Хотелось бы услышать мнение знатока...

Княжна Черкасская со смехом потащила поручика к карете.

— Что за взбалмошность! Какая бесцеремонность! — развел руками де Лирия.

— Скандальная выходка! — возмутился датчанин.

— Что поделаешь! — сказал секретарь испанского посольства. — У княжны Черкасской семьдесят тысяч крепостных и семьсот семьдесят поклонников!

— Семьдесят тысяч рабов? — переспросил датчанин. — Тогда любой ее каприз имеет силу закона!

Карету качало и трясло, но княжна Варвара Алексеевна, не страшась прикусить язычок, болтала без умолку. С усердными мамушками она может вышить что угодно. Только зимой Вареньке было не до вышиванья! Со своей матерью, княгиней Марьей Юрьевной, всякий день она ездила в село Всесвятское под Москвой. Там свирепый «дракон» Василий Лукич караулил Анну Иоанновну.

— Безмозглый дракон! — расхохоталась Варенька. — Думал, что матушка с доченькой болтают о тряпках да булавках, а мы приносили Анне Иоанновне словесные наказы моего батюшки и владыки Феофана, как надо хитрить, да не перехитрить, говорить, да не проговориться!.. А тебе, Антиох, было не страшно выступать против этих разбойничьих атаманов? Не загадывал, что с тобой

будет, если перетянет Верховный тайный совет? А видел, как царица порвала бумаги? Атаманы и не пикнули! А кабы пикнули, их бы всех преображенцы повыкидывали бы за окно! Да что я говорю, ты лучше меня смыслишь! А что у вас в гвардии думают о небесном знамении? Много крови прольется, небеса окрашены красным, словно залиты кровью.

— О небесных знамениях надо спросить не гвардию, а науку.

— Прошу запомнить, когда говорит княжна Черкасская, наука должна вторить либо пома́лкивать. А если вам в карете тряско — я вас не держу.

По знаку Вареньки возница круто остановил лошадей, лакей распахнул дверцы кареты.

— Поручик, вы куда? Вернитесь! Я пошутила.

— Прощайте, Варвара Алексеевна!

— Да погодите! Покажитесь, какой вы есть! Вы первый, кто осмелился мне перечить. Я обещала вышить вам туфли золотом. Вы согласны?

В тот же день княжна Черкасская повелела мамушкам да сенным девушкам приступить к вышиванию.

— Не золотом, доченька, а серебром, — сказала княгиня Черкасская.

— Нет, маменька, не серебром, а золотом! — заупрямилась Варенька.

— Антиох достоин золотого шитья, — поддержал дочку князь Черкасский. — По совету и поручению Феофана Антиох Кантемир написал обращение дворян к Анне Иоанновне и украсил его такой золотой вязью, такими словесными украшениями, что, думаю, заслужил награждение подороже домашних туфель... Да! — спохватился князь. — Пусть грамотей Митюха сочинит почтительно-благодарственное письмо его сиятельству Бирону за пожалование деньгами и орденом Андрея Первозванного.

— Бирону? — вспылила княгиня. — Тому, который за участие в пьяной потасовке сидел в кенигсбергской тюрь-

ме, был выпущен под клятву заплатить семьсот талеров штрафа, да так и не заплатил! Буду я унижать свой древний род и кланяться навознику! Ни за что да и не́ за что!

— Плохо, если не будем благодарить.

— Пусть ему кланяются сивый мерин да конюшенный козел!..

— Все же бы надо!..

Привели грамотея Митьку. Пьяного несколько раз сунули головой в ледяную воду. Когда отморгался да отчихался, велели сочинить благодарственное письмо курляндцу.

— Присвоил он себе имя Бирона, а по-всамделишному он не Бирон, а Бирен. Да смотри, дурак, не опишись! Что у тебя получилось?

— «Всенижайше благодарствую, ваше сиятельство, за все оказанные вашим сиятельством моему мужу милости и ее императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать деньгами и вашего сиятельства по милости своей нам, всеподданнейшим рабам вашим, представительство было».

— Еще напиши: «Мразь ты последняя, курляндский оплевок, рачьи глаза, ослиные копыта, чтобы тебя твои свойственники черти поддали рогами и в кипящей смоле выкупали! На что нам подаяние?» Написал?

Писец прочел:

— «И паки благодарствую, ваше сиятельство, и всенижайше прошу и впредь всеподданнейших рабов ваших в своих милостях содержать неотменно. Нижайшая услужница Марья Черкасская».

Вечером Варенька принесла показать туфли. Княгиня вспылила:

— Я же говорила мерзавкам: вышивайте серебром!

— Золотом, сама говорила! — рассердилась дочка.

— О чем спор? — в сопровождении портного, башмачника и шапочника вошел князь Алексей Михайлович в орденском платье, присвоенном кавалерам ордена Андрея

Первозванного. На свету серебром блистала парча, огнем пылали красные чулки. Бархатная мантия опушена горностаем. На ногах красовались башмаки, повязанные яркими лентами. На голове — шляпа с пером. Кое-где виднелись белые нитки — князю не терпелось похвалиться кавалерским одеянием. Зато на голубой ленте, перекинутой через плечо, сверкал двуглавый орел с золотыми когтями, золотыми клювами, золотой императорской короной.

— Прекрасная вышивка! — восхитился туфлями князь Черкасский. — Славный подарок Антиоху. Правда, он пишет сатиры, но это — грехи молодости, с возрастом пройдет!

— Не ему! — возвысила голос княгиня Черкасская.

— Кому же?

— Навозному сиятельству!

Расшитые золотом туфли с благодарственным письмом были отправлены первому лицу в государстве — Эрнсту Иоганну Бирону.

Глава тринадцатая

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОСТРОВ ЛЮБВИ

> Уподобление тона сатир Кантемира тону сатир Горация неосновательно, потому что у Кантемира преобладает тон *негодования* или по крайней мере сильного *неудовольствия,* а у Горация тон веселой шутки.
>
> *Г. В. Плеханов, «Общественная мысль в изящной литературе»*

Монастырь Старый Спас на Песках был основан в Москве еще при Борисе Годунове. Потом его прозвали Заиконоспасским, так как находился он за иконным рядом на Никольском крестце, и Учительным, потому что при монастыре открыли школу. Книг на греческом языке

было мало, и в школе ввели латынь, на которой тогда печатались книги по всем видам знаний и суемудрий.

Заиконоспасская Славяно-греко-латинская академия стала первой русской высшей школой. Известность ей принесли ее лучшие питомцы — трудолюбивые ученые, поэты, переводчики.

Усач-бородач Фомушка Спасский тоже был по-своему знаменит: за время его учения и сечения сменились три ректора академии, а Фомушка по-прежнему, как и двадцать лет назад, оставался при первом классе, именуемом «фара». Далеким был для него второй класс — «инфима», а «грамматика» и «синтаксима» и остальные четыре класса вовсе недостижимы. Фомушку, однако, из духовной академии не гнали, ибо там было правило: ежели детина доброго поведения, надлежит держать его до зрелых лет. Другое дело, буде покажется детина непобедимой злобы, до драки скорый, клеветник, непокорный и буде годовое время ни увещеваниями, ни жестокими наказаниями одолеть его невозможно, тогда и при остром уме надлежит выслать его из академии, чтобы бешеному меча не давать.

Фомушка на пустой желудок всякий раз подумывал: а не пойти ли ему в звонари или поискать другое верное занятие? Когда голод стал нестерпим, Фомушка пришагал к своему родственнику, служившему в гвардии денщиком. Тот не очень-то приветливо встретил понедельничного гостя: в сырую погоду ноют полтавские раны, а на правое ухо глух — год назад без причины вздул пьяный офицер.

— Чтобы полегчало — вознеси молитву святым заступникам, — посоветовал Фомушка. — Если ты солдат, молись великомученику Егорию. А ежели ординарец? Дай подумать!

— У меня теперь заступником поручик. На других не похож — не пьет и не дерется.

— В гвардии? Ну, ну, ну... — усомнился Фомушка. — Такие в диковинку и на небеси! Да кто же он такой?

— Младший сын покойного валашского господаря.

— Так бы и говорил!.. — Фомушка припомнил, как еще отроком лет десяти выступал Антиох в Заиконоспасской академии с похвальным словом Дмитрию Фессалоникийскому на эллинском языке. — ...Аз многогрешный приволок ему подставку под нози. Залез он на возвышение — мал!.. А стал говорить — наши только рты поразинули!

— Золотая голова! — подтвердил денщик.

— А что-то я не слышал, велико ли ему награждение от царицы? — спросил Фомушка.

— Превеликое: как был поручиком, так поручиком и остался!

Денщик принес миску щей, краюшку хлеба, полгоршка каши. Фомушка опустошил миску, умял краюшку хлеба, перевернул пустой горшок и постучал по донышку. И только тогда вновь обрел дар речи.

— Поручика береги! — сказал земляку. — Не убережешь — большой грех примешь!

— Ты погляди! — денщик показал на Кантемировы рукописи. — Его радость и печаль, его отдых и забота, тревожит душу, отнимает сон. Трудно ему, один в поле не воин!

— Почему один? — спросил Фомушка. Когда бывал сыт, он готов был горой стоять за академию. — Нашим голову не откусишь! Читают запретные стихи и запоминают лучше, нежели тропарь или акафист. Один наш — Василий-астраханец — побывал у французов. Твоего поручика хвалит. Говорит, что никто в России так занозисто не писал. Может быть, слышал о нашем Василии? От родителей убежал к нам, учиться. От нас убежал в город, как гуси кричат. Оттуда вышагал в Париж. Перевел французскую книгу. Напечатал в Петербурге. В белокаменной будет читать монахам.

— О чем же его книга? Что-нибудь божественное?

— «Путешествие в Остров Любви».

— Так-то я тебе и поверю!

— Без вранья, вестимо, не проживешь, — согласился Фомушка. — Но тебя-то мне зачем обманывать? В Петербурге и Москве о его книге только и говорят. А наши в клобуках не устояли, пригласили в монастырские покои.

— Врешь! Никто тебе не поверит! А ежели не врешь — все наши преображенцы пойдут в монахи!

В добром расположении духа возвратился Фомушка в духовную академию. Что за бесовщина! Мелкота «фары» и «инфимы» дразнили новичка. Школяры орали: «Михайло, холмогорская колокольня!», «Захотелось детине латыни», «Михайлушко, достань воробушка!»

Будь Фома голоден, он и сам бы принял горячее участие в крещении новичка. А тут гаркнул на мелкоту: «Сгинь!»

Новичок, назвавшийся Михайлой Ломоносовым, сказал:

— Да пусть горланят. Им надоест — уйдут. Мне надоест — разгоню!

— Выше меня ростом, а поступаешь в «фару», — изумился Фомушка. — Поживешь месяц, превратишься в мощи.

— Не пугай, не из зайцев! — сказал новичок. — И латынь осилю, и академию окончу.

Фомушка был сыт и возражать не стал.

К пухлощекому молодому человеку в одежде парижского покроя, Василию Кирилловичу Тредиаковскому, пришел из Заиконоспасского монастыря чернориզец. Сгибаясь перед Василием Кирилловичем, как перед ликом великомученика, передал всепокорнейшее приглашение прибыть в Заиконоспасскую академию. Пухлощекий мод-

ник (кто бы узнал в нем полуголодного Ваську!) пообещал: «Буду!».

Питомец Спасских школ вправе был гордиться завоеванной им победой. Полосатые рясы негодовали: беглый студент набрался во Франции атейского духа!.. К счастью, у Тредиаковского, парижского вольнодумца, нашелся сильный покровитель — русский посол во Франции Александр Борисович Куракин. Своим золотым ключом камергера он открыл Тредиаковскому вход в богатые московские дома.

Прибыв в покои архимандрита, Василий отвесил общий поклон.

— На меня, прошу вас покорно, не извольте гневаться, — начал Тредиаковский. — Книгу покойного французского аббата Поля Тальмана — да будет земля ему пухом! — я перевел не славенским языком, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы между собой говорим. Выбрал я французский роман для перевода по совету моего благодетеля русского посла князя Куракина, и его иждивением книга напечатана в академической типографии в Санкт-Петербурге. Я рад, что своим переводом в стихах и прозе хоть в малой мере уплатил моему благодетелю за его меценатские заботы.

С вашего дозволения коротко передам содержание книги французского аббата, — в настороженной тишине продолжал Василий Кириллович. — В Тальмановом романе юный Тирсис влюбляется в прекрасную Аминту и странствует по Острову Любви. Разум советует Тирсису покинуть Остров, но Тирсис не внемлет благому совету. Он изнывает в Поместье Беспокойности, хлопочет в Городе Малых Услуг или Ухаживания, ночует в Городе Надежды на реке Притязание. Возле озера Отчаяния сердобольная дева Жалость выводит красавицу Аминту из мрачной пещеры в Замок Искренности. В Замке Прямыя Роскоши влюбленный получает долгожданную награду.

Увы, — вздохнул Василий Кириллович, — прошло не-

много времени, ветреная Аминта изменила герою. Несчастный Тирсис был безутешен, пока не влюбился сразу в двух красавиц — Ирису и Сильвию. С тех пор юный Тирсис, когда имел сердце к веселию склонно, поспешал к Сильвии, когда же его одолевала грусть-печаль — шел утешаться к Ирисе.

— Каковые же причины заставили переводчика отказаться от славенского языка? — пожелали узнать святые отцы.

— Во-первых, язык славенский у нас есть язык церковный, а книга «Езда в Остров Любви» — мирская. Во-вторых, язык славенский в нынешнем веке у нас очень темен, и многие наши русские, читая, его не понимают.

— Плох нынешний век, если христиане не понимают божественного слова, — изрек Платон Малиновский.

— Третья причина, — Тредиаковский не удержался от соблазна притопнуть щегольским французским каблуком, — язык славенский ныне стал жесток моим ушам.

Архимандрит Платон потемнел. А питомец Спасских школ, набравшийся парижского вольнодумства, заговорил о невеждах и лицемерах. Неспроста они злобствуют. Ему, Тредиаковскому, отрадно знать, что на Руси появился свой Гораций, свой Персий, свой Ювенал — смелый остроумный сатирописец.

Феофан легким кивком выразил свое согласие. Василий Кириллович обрадовался поддержке.

— Насколько мне известно, — сказал, — еще никто ни в Греции, ни в Риме, ни в Париже не высмеивал отдельной сатирой хулящих учение. Наш сатирописец разит невежество, суесловие и лицемерие. Суровую правду вещает нечестивцам в глаза.

В Спасских школах рассказывали, как разбушевался архимандрит Платон Малиновский. Жестокою карой пригрозил он не только Тредиаковскому, но и сочинителю безбожных сатир. А сочинитель ядовитых сатир — кто не знает! — поручик Кантемир!

А тут новая баталия! Обнаружилось, что Михайло Ломоносов не дворянский сын, как он себя назвал, а сын помора. Спасибо, заступился за Михайлу владыка Феофан.

Поручик Антиох Кантемир в редкий для него свободный час забежал проведать Христиана Гросса.

— Есть у меня кое-какие новости, — сказал Гросс, — но о них потом. Расскажите, как дышится, как пишется?

— Тяжело. Заколодило с поэмой, которую я вознамерился написать о нашем полковнике.

— Поздравляю от души! Еще никто не воспел императрицу как полковника лейб-гвардии Преображенского полка́!

— Моя поэма называется «Петрида», а не «Аннида», я воспеваю Петра Великого.

— Остановитесь! Вас может ожидать не награждение, а осуждение, — предупредил Христиан Гросс. — Хвала покойному Петру может быть принята как укор живущим!

— Скажите, мой дорогой Христиан, кто положил страшное заклятие на мое перо? Я не одописец, мое призвание — сатира, мое призвание — смех! А при дворе смеха страшатся больше, чем нечистой силы. Скажите, смогу ли я напечатать стихи на злонравных дворян, стихи на недругов науки?

— Мне типография не подвластна, я всего лишь воспитатель детей вице-канцлера да еще, спасибо барону Краму, занимаю теперь должность секретаря Брауншвейг-Вольфенбютель-Бранденбургского двора в Санкт-Петербурге с проживанием в Москве в доме Остермана. Однако, представьте, на мне словно лежит отблеск силы и величия вице-канцлера. К примеру, недавно в письме я спросил господина Шумахера, не может ли академическая типография напечатать в вашем, светлейший князь,

переводе книгу Фонтенеля «Разговоры о множестве миров». И получил ответ. Не угодно ли ознакомиться?

«Если князю Кантемиру будет угодно прислать мне свой перевод книги Фонтенеля, то я сейчас же позабочусь о напечатании. Только... — как вам нравится этот хитрец!.. — Только я предварительно желал бы знать, будет ли одобрение владыки Феофана и министерское разрешение».

— Дорогой мой Христиан, проведите меня к Андрею Ивановичу Остерману, вы едите за одним столом, знаете мысли его сиятельства...

— Проникнуть в его мысли невозможно!

— Мне надо поговорить напрямик.

— Не помню, говорил ли когда Андрей Иванович напрямик — с вами я могу быть откровенным.

В дверь просунулся белокурый слуга в выцветшей ливрее с заплатами на локтях, но с жарко начищенными пуговицами, — вице-канцлер требовал от подчиненных и от слуг строжайшей дисциплины.

— Это — за вами! — сказал Христиан. — Поторапливайтесь. Его сиятельству доложили о вашем приходе.

— Я слышал, Андрей Иванович молится по-латыни, говорит по-русски и требует немецкой пунктуальности.

— Я не успел спросить: не хотите ли, ваша светлость, последовать моему примеру и поступить на дипломатическую службу? Вам может посодействовать барон Крам, посланник Брауншвейг-Вольфенбютеля.

Антиох махнул рукой, не дождавшись полного титула.

Под чехлом захрипели часы. Выждав, когда они пробили положенное число раз и два часа лишних, граф Остерман (он лишь недавно получил это звание) спросил:

— Вам, ваша светлость, знакома книга «Рассуждения английские»?

— Английского я не знаю, а в русском переводе читал. Весьма любопытно сказано о гишпанском кавалере Дон-Кихоте, который, ездя по свету, многие достойные и фантастические дела делал и за всякого человека, которого обиженным почитал, вступался и один воевал.

— Рыцарские подвиги и рыцарская честь украшают человека, — в раздумье произнес Остерман. Немного помолчав, спросил: — А как быстро можно выучить английский язык, свободно изъясняться в разговоре и на бумаге?

— Студент Тредиаковский прожил за границей три года и теперь свободно переводит на русский творения французов. Коснись меня, за короткие месяцы я научился бы понимать английскую речь, а за короткие годы говорить и писать, как англичанин. Так было у меня с французским. Ваше сиятельство, я перевел замечательную книгу секретаря Парижской Академии наук «Разговоры о множестве миров»...

— Рыцарские подвиги украшают человека, — отозвался Остерман.

— Академический советник Шумахер согласен позаботиться о напечатании моего перевода при условии, что книга будет одобрена его преосвященством Феофаном и вами.

Остерман застыл, погруженный в раздумье. Антиох припомнил читанное где-то: «Сказывают, сфинкс был зверь некакой, который тело имел собачье, лицо девичье, крылья птичьи, голос человеческий. Химера, сказывают, имела голову льва, тело козлиное, голос змеиный...» Он попытался усилить натиск:

— Книга Фонтенеля переведена почти во всех странах Европы, и только российским читателям она недоступна...

Но, видимо, у Остермана начался приступ одной из его болезней, он захрипел на манер стенных часов. Со

словами «Ваш покорный слуга» Остерман проводил гостя до тяжелых дверей.

Антиох направился к старшей сестре. Застал ее с заплаканными глазами.

— Что с вами, сестрица?

— Кроме вас, у меня три брата, и ни один не может сравняться с вами... Иные любят похваляться великим числом друзей, у меня же на свете только и есть один друг — это вы!.. Я хотела бы жить тихо. Но куда ни приду, слышу: «Душечка, вы прелестно выглядите!.. А когда пригласите на свадьбу?.. А когда ваш младший брат будет гвардии майором?.. А чем награжден Антиох Дмитриевич за участие в одолении верховников?..»

— Дорогая сестра, в защите и нападении, мне думается, вы превзойдете учителя фехтования.

— С вами хитрить невозможно, — призналась княжна Марья. — Расспросов и пересудов я не боюсь. Причина моей тревоги — ваши сатиры. Ходят они теперь и по Москве, и по Петербургу. Достаточно кому произнести «уме слабый», как другие подхватывают и продолжают: «плод трудов недолгой науки...» Многие знают, что сатиры написаны вашим пером. Думаю, о ваших стихах доложено царице.

— Дорогая сестра, у Овидия мы находим много превращений. Ладонь полубогини становится коровьим копытом, красавица превращается в медведицу, становится птицей, деревом, камнем... Хотелось бы вам, чтобы ваша собачка Перла стала человеком?

— Странный вопрос! — удивилась княжна Марья. — Что хорошо в собаке, плохо в человеке. Если бы моя Жемчужинка стала человеком, при ее угодничестве и острых зубках, быть ей фрейлиной или статс-дамой.

— А теперь, дорогая сестрица, я спрошу: что бы вы подумали, если бы я преобразился в собаку? Ходил бы

на задних лапах, вилял хвостом, ловил бы на лету милостивые подачки?

— Антиох, вы же знаете — никогда этого не будет!.. Но вы читали «Голубиную книгу»? Кривда ненавидит Правду, Кривда Правду искровенила, но не смогла уничтожить. Правда переселилась на небеса. А Кривда разгуливает по земле. Антиох, будьте благоразумнее. Самые ценные сокровища на свете — честь и жизнь, все остальное приобретается снова. Берегите честь, но не рискуйте жизнью!

Глава четырнадцатая

ПОЧЕТНАЯ ССЫЛКА

А лучше век не писать, чем писать сатиру,
Что приводит в ненависть меня всему миру.

Антиох Кантемир, «К музе своей»

Косматого Фомушку в конце концов отрешили от духовной академии. С гиканьем и свистом налетели на него школяры, визжали, свистели, отпевали, показывали язык. Рослый новичок Михайло утишил буйную ораву, однако Фомушке сочувствия не выказал.

Приунывший Фомушка направился к сестре Антиоха княжне Марье, да, видимо, угодил в недобрый час.

— Я неукам не защита! Такому ленивцу — место в первой сатире моего брата на ненавистников учения! — сказала княжна Марья. — Ну, чего же ты, Фомушка, хочешь? Утверждают, что у меня пропасть денег. А я живу бедно, и все дивятся моему образу жизни: у меня только двадцать слуг. Я должна выезжать, как требует мое достоинство, на шестерике, но боюсь, мои сказочные кони могут превратиться в крыс, а карета — в пустую тыкву. И без тебя, Фомушка, тошно. Впрочем, поди в поварню, скажи, пусть накормят!..

В гости к княжне Марье приехали только что пожалованные фрейлинами Варенька Черкасская и пятнадцатилетняя Катенька Ушакова, дочь начальника зловещей Канцелярии тайных розыскных дел.

Варенька и Катенька затараторили, перебивая друг дружку:

— Ах, как жаль, что вы хвораете, ведь сегодня будет дворцовый маскарад. Вначале персидская кадриль, а затем — швейцарская и венецианская! Варенька нарядится швейцаркой, Катенька — венецианкой. А послезавтра — повторение бала, кадрили — парламентская, венецианская и турецкая. Ах, почему бы вам по случаю войны не стать турчанкой! На маскараде будет Густав Бирон в новом мундире нового лейб-гвардии Измайловского полка. Там все офицеры — курляндцы, ничегошеньки по-русски не разумеют! Кстати, милочка, где же ваше письмо обер-камергеру? Мы его передадим госпоже Беттине Готлибе Бирон, урожденной фон дер Тротт фон Трейден!

Княжна взяла перо, обжигавшее ей пальцы, и стала писать униженную просьбу сиятельнейшему графу Эрнсту Иоганну Бирону — «милостивейшему патрону и благодетелю»:

«Врожденная Сиятельству Вашему благосклонности добродетель и дознанные от многих благодеяния подают мне смелость трудить Сиятельство Ваше моим покорным прошением, дабы спомоществовали сиротству нашему и не оставили нас в крайней нашей нужде. Истинно бедно живем, и ежели Ваше Сиятельство в сем деле не подаст нам руки помощи, понеже иного патрона не имеем, то в крайнее придем убожество».

Подружки со смехом взяли письмо. Прочли вслух. Одобрили.

— А правда, что у вашего брата красивый почерк? — спросила Катенька. — Не знаю, сам батюшка видел или

ему говорили. Но вы, милочка, не тревожьтесь, моему батюшке за многодельством не до вашего брата.

Подружки распрощались с княжной Марьей, и в доме стало тихо, как в могиле.

Поздно вечером Антиох задумался над листами «Петриды». Всевидящий господь бог воззрел с небес на землю, узрел Петра Великого и восхотел вознести его на небеса. Призвал Всевышний архангела Михаила.

«Возлюбих, — рече, — Петра мужа, правяща скипетр российск... и хощу да царит со мной... не дерзай столь злобу твою люто изощрять и не прежде ко гробу темный путь ему яви, нежели круг свой велий обтечет годом Фебус...»

Но ведь Фебуса православная церковь не признает! И не Солнце — Фебус! — вокруг земли, а Земля вокруг Фебуса-Солнца должна совершить годичный путь свой!.. Нет, начатую поэму о Петре Великом придется отложить, она требует спокойствия мысли. А еще трудней — и опасней! — сочинять сатиры. Сатирика ненавидят, его опасается всякий, даже те, кого он не трогал.

Заботливый денщик добавил масла в светильник и, стараясь не дышать, осторожненько в пудовых сапожищах отгрохотал на лежанку.

Кто же разделит взгляды Антиоха, кому он может доверить свои мысли?

«Пишите оды, мадригалы, все, что угодно, только не сатиры!» — указует доброжелатель Антиоха Христиан Гросс.

«Кому нужны ваши сердитые мысли? — с гримаской спрашивает Варенька Черкасская. — При дворе — никому, военным — никак!»

Княжна Марья восхищена сатирами брата и молит бога, чтобы впредь Антиох сатир более не писал!..

Антиох очинил перо и на листе бумаги написал: «К музе своей». К ней, верной помощнице, смелой воительнице, строгой наставнице, воззвал сатирописец:

Музо! не пора ли стиль отменить твой грубый
И сатир уж не писать? Многим те не любы,
И ворчит уж не один, что, где нет мне дела,
Там вступаюсь и кажу себя чересчур смела...

Муза! взгляни и вслушайся! На автора ополчились бородатый взяточник Клеоб, пьяница Клитес, лицемер Брутус, глупец Сильвандр. Под именем Клеоба сатирик разумеет человека суеверного, считающего: кто злословит бороду — в том сидит нечистый дух! Пьяница Клитес распух от непрестанных попоек. Взгляните на него: «когда примется за что — дрожат руки, ноги, как под брюхатым дьяком однокольны дроги...» Брутус — тоже выдуманное имя. Но все эти Туллии и Клеобы — российские! Им всем сатира весьма досаждает, и все они приводят в свое оправдание одинаковые резоны: правда — всегда некстати! Лучше нас есть пастыри душ, да молчат: на что в ссору вступать со всем светом?..

— А может быть, они и правы? — вопрошает сатирик свою музу. — «Зачнем, музо, в похвалах перья притупляти? Ну-тка станем Туллию приветство писати»... А ежели горлодер Туллий не заслужил приветства, так хорош молчаливый Сильвандр... Чего правду таить, он молчит, потому что глуп. «Можешь сильно доказать, что муж он не прóстый, но с рассудства обуздал язык свой преострый!..»

Пусть ненавистники знают: Кантемир своему призванию не изменит. Покуда смерть не доедет его рысцой или скоком, он будет писать сатирические вирши, он не станет «в похвалах перья притупляти», тому порукой его четвертая сатира «К музе своей». Что в сердце сатирика, то у него и на устах!

Императрица Анна Иоанновна, очевидно, слишком плотно поужинала, ночью она металась и вскрикивала,

ей мерещилось что-то пакостное и ужасное. Пробудившись, Анна Иоанновна тщетно пыталась припомнить свои сновидения. И осерчала на Академию наук: огромнейшие деньги — чуть ли не треть от затрат на императорскую конюшню — идут на никому не нужных ученых, а нерадивый президент Академии наук Лаврентий Блюментрост не удосужился принять на службу астролога и толкователя снов!

В соседнем покое запели флейлины. Царский шут дон-Педрилло в порыве усердия вцепился своему сопернику в мягкое место, за что и получил оглушительную оплеуху. Напрасные старания! Ничто не могло утешить императрицу.

Вовремя оказался во дворце владыка Феофан. Выслушал он горькие сетования и успокоил императрицу: не печалиться надо, а ликовать. Вернее всего, императрицу посетил крылатый вестник, чтобы возвеселить государыню. Ее молитвы и дела угодны небесам, благие ее поступки, как морской песок, — неисчислимы. Одним из таких богоугодных свершений будет восприятие в лоно православной церкви племянницы императрицы, наставляемой Феофаном. Радостно знать, что в честь ее величества Елизавета-Екатерина-Христина будет наречена Анной.

Императрица соизволила милостиво улыбнуться.

Сочтя момент благоприятным, царедворцы доложили августейшей охотнице, что в зверинец для придворной охоты доставлены лисицы и олени. Стали пылко восхвалять остроту зрения императрицы и твердость руки. В стрельбе из лука и ружья нет ей равных! Обер-камергер при сем случае заметил, что ему хвалили изделия английских оружейников. Граф Остерман слова обер-камергера признал совершенно справедливыми и прибавил, что заботу о приобретении английских охотничьих ружей мог бы принять на себя русский резидент

в Лондоне, кабы таковой там имелся. Обер-камергер слегка кивнул головой.

Через некоторое время, когда по какой-то причине вновь речь зашла об Англии, Остерман вспомнил, что есть у него на примете человек, которому можно доверить самое трудное поручение. Государыня знает этого человека, это младший сын покойного господаря Антиох Кантемир. Правда, он молод, ему двад... двад... двадцать восемь лет... (в трудные минуты речь вице-канцлера становилась не очень внятной). Антиоху должно было исполниться двадцать три, но стараниями вице-канцлера он повзрослел сразу на пять лет.

— Молодого Кантемира обошли при раздаче чинов и наград, — вспомнила императрица. — Отчего бы не послать его в Англию? Кстати, он как поручик должен смыслить в ружьях.

Андрею Ивановичу Остерману нужен был деятельный, умный, знатный дипломатический представитель в далеком, туманном и враждебном Лондоне. К тому же граф боялся талантливых людей, каждый их успех воспринимал как свое поражение и личную обиду, старался под благовидным предлогом удалять их от двора, а если представится возможность, то и загрызть, но не сразу!..

«Хитрая бестия!» — мысленно обругал Остермана князь Черкасский, но предложение вице-канцлера поддержал. Пусть будущий зять остепенится в далеком Лондоне, выкинет из головы мысли о сатирах. Через год-другой его можно будет вызвать в Россию. Лишь бы не захирел на чужбине.

— Сами силы небесные вложили в уста вице-канцлера золотые слова мудрого решения! — восхитился Феофан. Архиепископ догадывался, что поручика снаряжают в почетную ссылку, но считал: поездка в Англию пойдет молодому Кантемиру на пользу, обогатит его знаниями. Да когда же еще, как не в молодости, дерзать и

учиться! К тому же, оставаться в России Антиоху опасно.

Бирон прикидывал: дипломатический пост в Англии ни для кого из его конюших не приманчив, так пусть в Лондон поедет молодой Кантемир. У фаворита императрицы были и другие, более серьезные соображения. Каждые сутки лейб-гвардия наряжает в Тайную канцелярию, главный российский застенок, сто солдат, двух унтеров и трех капралов под командой офицера. Будь Кантемир преданным слугой, он стремился бы принять команду и показать усердие. Поручик Кантемир уклоняется от нарядов в Тайную канцелярию, зато глубоко чтит Академию наук. А ведь академики отказались обратиться к обер-камергеру со всенижайшей просьбой осчастливить Академию всемилостивейшим дозволением именовать его, Бирона, протектором оной... Ко всему тому Антиох Кантемир — стихотворец! Почетная ссылка в Лондон, предлагаемая Остерманом, будет наградой Кантемиру и суровым предупреждением.

И Антиох Кантемир высочайшим рескриптом был назначен на пост русского резидента в Англии с предписанием выехать в самый ближайший срок.

Антиоха пугали густыми лондонскими туманами; там пешеходы передвигаются, выставив перед собой руки, чтобы не сталкиваться лбами.

— Ты не знаешь английского языка, — вздыхала княжна Марья, — а это хуже, чем бродить в тумане. Тяжеленько придется тебе при английском дворе. Ведь Англия и Россия посматривают друг на друга с неприязнью, а расплачиваться за недомолвки и обиды должен резидент. Тебе прибавили пять лет, да не прибавили серьезности! — и переходила на «вы»: — А в каком кафтане вы предстанете перед королем? А что скажут англичане, если у вас не будет достойного парика?

Большого труда стоило доказать сестре, что сорок сороков колбас и окороков, кафтаны и все прочее в во-

зок не войдут. С собой надо взять книги, а в Петербурге прихватить двадцать досок с портретами турецких султанов: Антиох намерен за границей издать сочинения отца. На Петербург он возлагает большие надежды — следовало бы до отъезда напечатать сатиры в академической типографии.

— «Петриду» я отложил. Чтобы сочинять послания и поэмы, нужна холодная голова. Я увлечен сатирами. Четыре исправил и дополнил. Написал пятую — «На человека». Разрешите, я вам прочту предисловие к ней.

— Ваш Гораций говаривал, что малым книжицам предисловия не нужны.

— Пишучи правду, надо ли приносить извинение? И все же я хочу попросить читателей на мал час набраться терпения и выслушать мои резоны. Моя пятая сатира называется «На человека», однако направлена не против всех людей, мои стрелы летят только в злонравных. А добронравие и добронравных, сколько позволяет место, я хвалю.

— Дорогой братец, — сказала княжна Марья. — С вашим чистосердечием нелегко будет пребывать на посту дипломата. Пожалуй, было бы справедливей предложить эту должность мне. Не знаю, нужно ли предварять сатиру предисловием, добронравные вас прекрасно понимают, а злонравных вы все равно не убедите. Впрочем, вам, братец, виднее.

— В пояснительных строках я извещаю читателей, что написал свою пятую сатиру в подражание восьмой сатире Буало, в которой он доказывает, что человек всех животных глупее. Я в своей тщусь показать, что человек не только глупее всех скотов, но еще злее всех зверей и дичее всякого урода, которого ум бы мог вымыслить. Ювенал давно приметил: разве лев убивает льва или кабан кабана? Даже злобный тигр уживается с тигром. Даже лютые змеи живут согласней, чем иные люди. Какой зверь своей злостью превзойдет челове-

ка?.. Разве не ясно, что к добронравным людям мои слова не относятся?

— Ясно, что вы пишете не о Париже и французах. Читаю ваше «подражание» и дивлюсь: когда же и где ваш француз мог повстречать приказного дьяка, где услышал, как о самом обычном, о ссылке к соболям и горностаям? Отвратительны и мерзостны чудища, принявшие человеческий облик. Еще ужасней изображенные в вашей сатире твари; горе тому, кто станет их жертвой!

Сколько сирот померло, сколько вдовиц тают,
Пока стряпчие с дьяком выписку счиняют.
А в лесах звери того нимало боятся,
Без лукавства ссорятся, без злости мирятся,
Не заводятся дела, приказов не знают;
Орлы орлов на доску стать не вызывают;
Николи волк не всадил волка же в колоду...

— Дорогая сестра, я знаю все ваши мысли и тревоги. Вы боитесь, что в Лондоне неистовым чтением я натружу глаза. Обещаю обратиться к лучшему в Англии «очному мастеру». Вы боитесь, что в Англии меня закружат и сокрушат житейские заботы. Послужив в гвардии рядовым, могу бриться шилом и греться дымом. А более всего тревожит вас мысль: а не поехать ли вам самой в Лондон? В Англию не приглашаю, потому что хочу видеть вас в должности моего чрезвычайного и полномочного посла в России. Эту деятельность могу доверить только вам. Согласны?

— Пожалуй, я скоро уверую в ваши дипломатические успехи, — сказала сестра.

В конце декабря 1731 года Антиох отдал последние визиты родным и знакомым, придворным и военным, получил инструкции от вице-канцлера Остермана. Варенька потребовала прислать с дороги несколько пачек ку-

рительного и нюхательного табаку. Княжна Марья, прощаясь, взяла с брата слово, что он будет часто-часто и подробно-подробно писать ей с берегов Темзы. Условились и о шифре...

В Петербург Антиох повез четко и красиво переписанную рукопись пяти сатир с многочисленными историческими, географическими, филологическими и другими примечаниями. Если понадобится, решил Антиох, он проведет в Петербурге не одну, а две или даже три недели.

Глава пятнадцатая

С ЯКОРЯ СНИМАТЬСЯ!

Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

М. Ю. Лермонтов,
«Волшебный корабль»

Мужики и солдаты на крепком морозе сооружали триумфальные ворота. Маляры поспешали с окраской ворот «под мрамор». На триумфальных воротах будут щетиниться копья, позолоченные «по примеру древних», сверху свесятся красные драпировки.

В ознаменование каких же побед какого великого полководца созидали в Санкт-Петербурге триумфальные ворота по римскому образцу? Очевидно, в честь непрестанных побед лейб-гвардии Измайловского полка (умеющего с камня драть лыко!) по взысканию недоимок с голодных мужиков. В честь палаческих заслуг их высокопревосходительств Кнута и Дыбы! В честь полной и безоговорочной капитуляции перед немецким засильем в русской армии, на государственной службе, в дипломатии, в Санкт-Петербургской Академии наук! В честь шумных пышных пиршеств пронемецкого двора Российской империи!

Было громогласно возвещено, что через две-три не-

дели в Санкт-Петербург изволят прибыть государыня императрица Анна Иоанновна со своими курляндскими немцами. Было предписано немедленно купить для иллюминации тридцать тысяч плошек и пять пудов говяжьего сала. Было приказано немедленно отправить из Москвы в Петербург офицеров, которые прежде бывали при иллюминации и фейерверке.

...Костлявый Ильинский чуть не задушил своего любимого воспитанника в крепких объятиях. Но не успел еще ни о чем спросить, как в камору к Ильинскому заглянул донельзя любезный и заботливый академический секретарь Шумахер. Он заскочил осведомиться о здоровье академического переводчика — тот почему-то сильно худеет — и (надо же, какая приятная неожиданность!) встретил князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Кстати, служитель сейчас же принесет восковые свечи!..

Ильинский с нетерпением ждал, когда же господин Шумахер соизволит убраться, но тот пылал жаром, как три тысячи плошек. Он горячо приветствовал многостороннюю деятельность поэта, ученого, переводчика и дипломата.

Антиох изысканно вежливо поблагодарил академического секретаря за его доброе мнение о сатирах, которые пока что распространяются лишь в списках, и о переводе книги Фонтенеля, которая рано или поздно будет напечатана.

— Как жаль, — сказал Кантемир, — от откровенных бесед я должен буду перейти к дипломатическим увертҡам и шифрованным депешам.

Академический советник понял намек. Признаться, он ждал, что его спросят об издании сатир. Как это ни печально, лучше всего будет о сатирах до поры до времени помолчать. В интересах автора не спешить и с напечатанием книги Фонтенеля. Как только обстоятель-

ства позволят, все будет сделано... В беседе с Шумахером надо было пропускать мимо ушей его пылкие заверения, а внимать недосказанному: для сатиры триумфальных ворот не строят!

— А как долго вы предполагаете пробыть в Петербурге? — осведомился Шумахер.

— Уезжаю завтра.

— Так быстро?

— Тороплюсь!

— Прошу вашего дозволения обращаться к вам в Лондон, как к другу Санкт-Петербургской Академии наук.

Когда наконец дверь за академическим секретарем закрылась, Ильинский с досады плюнул.

— Будешь тощим, как семь тощих библейских коров, если тебе не платят ни полушки! Академики Герман и Бильфингер не выдержали и сбежали в Германию. А мне бежать некуда, да и незачем!

Антиох торопливо полез в карман за золотыми.

— Да на что мне деньги! — рассердился Ильинский. — Есть лук от семи недуг, есть квас — лучше всех украс, бывает ушка и хлеба горбушка. А больше ничего и не надо. Кузьма от своих щедрот жалует дичью и зайчатиной. А дипломату на чужбине каждый пенс пригодится!..

Конечно, Ильинский захотел узнать, пишет ли Антиох вирши. Восторженно слушал Кантемирову «Петриду» и настороженно — сатирические стихи. Пятая сатира смутила Ильинского.

— Автор на всех устремляется, диких зверей ставит в пример людям!

— Отче, нельзя каждое слово ритора принимать всерьез. Прочти мое предисловие. Я ведь предупреждаю читателей, что автор в своих стихах доброе от злого гораздо различает и, досаждая злонравию, силится угодить добродетели. А что бы ты сказал о французе Буало,

утверждающем в своей сатире, что во всем Париже не более трех честных жен встретить можно?

— Твои французы — нечестивцы! — возмутился Ильинский.

— Отче, вспомни тринадцатый псалом царя Давида! Господь с небес призрел сынов человеческих. Нет делающего добро, нет ни одного.

— Так то псалом! — воскликнул Ильинский — возражать царю Давиду он не решился.

— Всякого зверья в человеческом облике предостаточно, — сказал Антиох. — Но людей, самых настоящих людей — больше!

— Ты сам, Антиох, отыскал человека, только жизнь его не человеческая. Нашел его в сермяге за сохой, услышал его тяжелый вздох: последнего куренка, коли такой есть, неси в поклон приказчице, княгине, а сам жирей на мякине. Это вроде как на академических харчах Даниила Шумахера. А хуже мякинной доли — солдатская. Прочти-ка это место еще!

Кантемир прочел:

Пришел побор, вписали пахаря в солдаты —
Не однажды уж вспомнит дымные палаты,
Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане,
Десятью в день заплачет по сером жупане...

— Может быть, в заморских краях живется легче, — в раздумье сказал Ильинский. — Но я там не был.

На другой день Иван Ильинский провожал любимого ученика в дальний путь. Среди дорожных вещей Антиох обнаружил медвежью шкуру. Улыбаясь, Ильинский объяснил: это подарок Кузьмы и его верного друга Кинди, они очень просили отвезти шкуру Потапа Потаповича в Лондон, пусть будет Антиоха Дмитриевича согревать, а его недругов пугать.

В марте 1732 года Антиох Кантемир прибыл к графу Головкину, русскому послу в Гааге.

— Вы уже освоились с английским счетом? — спросил многоопытный дипломат. — Двенадцать пенсов составляют шиллинг, десять шиллингов — крону, две кроны — фунт стерлингов. Так вот, бьюсь об заклад, кладу десять фунтов стерлингов против одного фартинга — это самая мелкая монета, четверть пенни, — недолго вам быть дипломатом. В Лондоне вам не поздоровится, плох климат, особенно дипломатический. К тому же вы не знаете английского языка. Да и денег вице-канцлер отпустил вам в обрез, что не будет содействовать вашим успехам.

— Наш соотечественник, Василий Тредиаковский, прибыл в Париж с пустой котомкой, не зная французского языка, не имея должности.

— Тредиаковский представлял во Франции только себя. А вы представляете и защищаете на британской земле интересы России. А самое для вас трудное да, пожалуй, невозможное — вам надо менять привычки и характер, иначе вас десять раз обведут вокруг пальца. Хотел бы я знать, как вы будете объясняться с английским двором?

— Дипломатический разговор требует недомолвок. Надеюсь поучиться у Эзопа, он умел говорить осторожно, но смело, не всегда прямо, но достаточно понятно, почтительно-насмешливо и хвалебно-ядовито.

— Вашу ставку я, пожалуй, повышу с фартинга до шиллинга, — улыбнулся посол.

В последние дни марта Антиох Кантемир ступил на палубу купеческого брига, отправлявшегося в Лондон. Весь багаж был уже на борту: и двадцать досок с портретами турецких султанов, и медвежья шкура, привлекавшая всеобщее любопытство.

— Наступило новолуние, хорошо ли это — в такую пору пускаться в путь? — спросил Антиох моряков.

— Ветер свежеет, штиль кончился! Есть примета: месяц рождается в бурях! — ответили ему.

И прозвучала команда:

— Все наверх! С якоря сниматься!

Глава шестнадцатая

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСЛАННИК ПРИ АНГЛИЙСКОМ ДВОРЕ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны...
Россия мати! свет мой безмерный!

Василий Тредиаковский,
«Стихи похвальные России»

Тридцать первого марта 1732 года Антиох Кантемир отправил с берегов Темзы русским послам Ягужинскому в Берлине и Головкину в Гааге сообщение о своем благополучном прибытии в Лондон. Одновременно он отправил в Россию вице-канцлеру Остерману свою первую лондонскую депешу.

«Сиятельнейший граф, милостивый государь мой! — писал Антиох Кантемир. — Надеюсь, что в будущий понедельник буду требовать у короля аудиенцию и потом не премину свою должность исправлять по силам ума моего, которые я желал бы чтоб соответствовали воле сердца моего».

В Берлине и Гааге Антиоху понадавали тысячу советов: как принимать и отдавать визиты, как одеваться, чего остерегаться. Предупредили, что в лондонские двери надлежит стучать деревянным молотком, напомнили, что у французов два завтрака, у англичан же — только один, зато плотный. Поставили в известность, что у родовитых англичан лакомым блюдом считается суп из тухлого зайца. Уведомили, что «по-английски» надо уходить незаметно, ни с кем не прощаясь. Напомнили слова петровского дипломата: «Своя карета — честнее ⟨почетнее⟩. Если россиянин хочет видеть ласковую пре-

клонность и не хочет выслушивать студеные словеса, должен ездить в своем, а не в наемном экипаже».

Только ведь всякий раз не поспешишь за советом и поддержкой к русским дипломатам в Берлин да Гаагу, не всегда выищешь ответ и в книге. Молодой дипломат поступил проще: он обзавелся точнейшим «адрес-календарем» в лице всезнающего камердинера Якоба Жансона. С виду Якоб был не менее представителен, чем английский король Георг Второй, и к тому же обладал немалым житейским опытом, глубиной суждений и другими качествами, за неимением которых его величество Георг Второй, как говорили, никакого влияния на политическую жизнь Англии не имел.

По рекомендации Жансона посол принял на службу еще одного бесценного человека. Легрим родился во Франции, осиротел в Италии, бежал от невзгод из Голландии. Легрим владел многими языками, был неподкупен и обожал литературу, особенно — творения Свифта...

Предвещания друзей и недругов не сбылись — автор первых русских сатир оказался проницательным и настойчивым дипломатом. По его настоянию, недруг России английский посол лорд Кинули был отозван из Турции. А в Россию был послан полномочный министр лорд Форбс, которого именовали и Форбесом, а иногда и «Английским бесом», но зато этот «бес» знал, что Англии и России надо не враждовать, а торговать.

По непререкаемой инструкции, Кантемиру надлежало пребывать в тесной дружбе с послами Австрии и Пруссии, сблизиться с лордами, баронами и баронетами...

Дел и забот у Кантемира хватало. Вечером камердинер докладывал:

— Утром, ваша светлость, придет ученый, вознамерившийся перевести с латыни на английский сочинение вашего отца об Оттоманской империи. Просит аудиен-

ции негоциант, который любопытствует насчет русской пеньки, русского леса и торговых тарифов. Господин Замбони оставил для вашей сестры поэму Ариосто и сочинения Иосифа Флавия. Торговцу неграми, как вы велели, указано на дверь. А еще приходил Андрей Третьяков с Иваном Афанасьевым...

— Бедняги...

Еще при Петре Первом Третьяков был послан в Англию для обучения пушечному делу. Но в Англии обучать иностранцев пушечному мастерству запретили парламентарным актом. Тогда Третьякову было велено обучаться военной и гражданской архитектуре. Ему определили жалованье, но потом забыли и про деньги, и про самого мастера. Не при службе и Афанасьев. Оба плачутся, что от скудости голодной смертью помирают...

Кто, кроме Антиоха, поможет соотечественникам, угодившим в беду?

— Реляция о Третьякове и Афанасьеве послана в Россию в Коллегию иностранных дел. А пока, любезный Якоб, дайте им на пропитание. Как знать, не грозит ли и мне участь моих горемычных соотечественников!

На Кантемира наводил тоску лондонский туман. А тут еще воспалились глаза; в Лондоне старая болезнь обострилась. Антиох считал причиной «тяжелость воздуха». Врач ахнул, глянув на груды книг и вороха бумаг, загромоздившие стол в кабинете посла.

От Остермана пришел пакет с требованием выведать и доложить, кто осмелился напечатать в Лондоне памфлет, оскорбительный для русского двора.

Молодой дипломат вежливо ответил «вестфальской лисе»: все его помыслы только о том, как быстрее и лучше исполнять поручения ее величества государыни императрицы и его светлости графа Остермана. Но пусть вице-канцлер войдет в положение резидента: все, что в Лондоне печатается, знать невозможно. «Однако, — заверял Антиох, — по силе и возможности стану искать

способа, чтобы об артикулах, двора нашего касающихся, вперед лучше был уведомлен и мог печатаемое опровергнуть. Да и то, сиятельный граф (прошу прощения смелости моей), дерзаю сказать, весьма нелегко указанное учинить и не знаю, будет ли это гораздо полезно».

Легкая усмешка появилась на лице молодого дипломата, когда он выводил эти строки: вспомнил древнего мудреца, о котором он, Антиох, когда-то сказал: «Хотя телом непригож, да ловок умишком, что с лица недостает, то внутре залишком».

А тут новая морока! На имя богобоязненной Анны Иоанновны поступил, оказывается, донос от неизвестного на проживающих в Англии архимандрита Геннадия и его племянника. Они, дескать, справляют церковную службу не на славенском, а на английском языке.

Если обвиненных в ереси вытребуют в Петербург, живыми им не быть — под пыткой они признают себя слугами ада, носителями ереси и, самое страшное, — хулителями Бирона. В откровенных беседах с послом они отзываются об обер-камергере весьма нелестно!

Кантемир сообщил вице-канцлеру, что донос никакого основания не имеет и писан по сущей злобе.

Священнослужители архимандрит Геннадий и его племянник, извещал дипломат российскую императрицу, с учтивством следуют благочестивым церковным уставам. Проповедь, правда, была сказана на английском языке — для разумения прихожан, но впредь этого не будет.

Лондонские «еретики» были спасены. Они могли спокойно ходить по городу, удивляя всех лондонцев своей длинной черной одеждой и длинными черными бородами.

Стараньями княжны Марьи в Лондон за охотничьими ружьями и таксами для придворной охоты был отправлен Кузьма. С ним княжна Марья прислала брату мех, мед и другие подарки. В письме она горячо поздравляла Антиоха: в награду радетельных поступков и искусства,

равно во уважение его знатного рождения, Антиоху пожаловано наименование чрезвычайного посланника с соответственным увеличением оклада. Но из-за этого повышения, печалилась сестра, она еще года два не увидит Антиоха.

Привез Кузьма сердечный поклон от Ивана Ильинского. Отче Иван сильно похудел, хоть и раньше полнотой не отличался. Он удручен засильем придворных немцев в Академии наук. Недавно благородный и любезно-верный барон Корф, бывший камер-юнкер Анны Иоанновны, произведен в главные командиры Санкт-Петербургской Академии наук. Такого звания еще не бывало. Иван Ильинский мечтает, чтобы в Академии наук командира сменил президент и этим президентом стал бы Антиох Кантемир, ведь этот пост Петр Великий предназначал его отцу, князю Дмитрию.

Дед императрицы безумно увлекался соколиной потехой, веселя себя птичьей добычею. Государыня Анна Иоанновна разит на лету ворон и галок. Государыня повелела держать возле дворцовых окон заряженные английские фузеи. А коротколапые таксы нужны для охоты на барсуков и лисиц. У этих собак лапы вывернуты наружу, морда острая, а гон — так называется хвост — похож на саблю. И это не он, Кузьма, выдумал, а знает каждый, кому поручены собаки.

— Любимец государыни — Левенвольд, хотя ее повелитель не Левенвольд, а Бирон. А брата Левенвольда... — Кузьма замялся. Помолчав, добавил: — Младшего Левенвольда хотят женить на княжне Варваре Черкасской. Князь Алексей Черкасский от расстройства занемог, от расстройства и от обиды!

Кузьма выжидательно глянул на Кантемира. Князь не выказал особого огорчения. Неисчислимое приданое Вареньки Черкасской его никогда не прельщало.

Не зная, чем лучше одарить посланца княжны Марьи, Кантемир протянул ему свои золотые часы. Кузьма чуть

не выронил подарок. Просиял. Полюбовался. Повертел часы в руках. И вернул Антиоху:

— Благодарствую! Но если приму — это будет моя погибель: буду радоваться и похваляться. Завистники донесут, еще обвинят в воровстве. Лучше всякого подарка для меня было бы, если бы вы спасли моего названого брата Киндю.

— Где он? Что с ним?

— Сбежал от своего мучителя — вашего брата Константина. В Петербург ему возвращаться нельзя...

— Какое у него здоровье?

— Медведь позавидует!

— Морской качки боится? Как себя чувствует, когда расплящется царь морской?

— Морского царя укачает, а Кинде — хоть бы что!

— А голова у него не закружится, если придется менять паруса?

Кузьма засмеялся.

— Хорошо! — сказал Антиох. — Осматривай Лондон, а я подумаю, как быть с Киндей. Только держись подале от зловещей тюрьмы Ньюгет и от позорного столба, к которому тридцать лет назад был прикован автор «Робинзона Крузо». Жил тут у них такой преславный сочинитель.

— На кой ляд! — отмахнулся Кузьма. — Темниц и застенков и у Тайной канцелярии вдосталь!

Кантемир попросил чернобородого племянника архимандрита Геннадия показать Кузьме Лондон. Кузьма засыпал провожатого вопросами. Где бывал Петр Великий, когда учился в Лондоне строить корабли? А где жила лондонская великанша? Рассказывают, под ее вытянутой рукой русский царь мог пройти, не сгибая головы. А на каком корабле царь Петр по-матросски залез на мачту и поманил английского адмирала поговорить по душам, но адмирал убоялся? А где Петр Великий купил огненную машину, которая потом в Летнем саду

извергала двадцать бочек воды, и не от этой ли машины соседняя река была названа Фонтанкой?

— Скажи, добрый молодец, а как ты повезешь собак в Санкт-Петербург? — спросил в свою очередь чернorизец. — А вдруг им туда не захочется?

— Променять свою собачью долю на мужицкую не каждая собака согласится, а собачьему житью в Петербурге каждый мужик позавидует!..

Когда Кузьма вернулся в посольство, его друг Кинддя уже преобразился в матроса купеческого корабля: кожаная куртка, широкий пояс, невысокая шляпа.

— Покажись! Повернись! Хорош! — похвалил Кузьма. — Только шляпу твою сорвет ветер. Повяжись поматросски платком, узел на затылке — если ветер сдует, так только вместе с головой!

— Сегодня ночью ухожу в плаванье на торговом корабле «Два брата».

— Поплыл бы и я с тобой, — сказал Кузьма, — да надо собак в Петербург везти — там своих мало! Когда-то и где-то встретимся!

Через несколько дней отбыл из Лондона и Кузьма со своим лающим грузом. Антиох позаботился о том, чтобы его поездка была удачной.

А сам чрезвычайный посланник при английском дворе загрустил, проводив земляка. Не радовала его приобретенная стараниями Якоба Жансона английская мебель с орлиными клювами и орлиными лапами, сжимающими шар. Антиоху казалось, что когти впились в его сердце.

Чрезвычайный посланник медленно подошел к письменному столу. Здесь в заветном ящике хранятся его сатиры, аккуратно переписанные, снабженные комментариями. Хоть сейчас отправляй в типографию.

Посреди стола, на самом видном месте, — книжка памфлетов великого английского сатирика Джонатана Свифта. Книжку вчера принес Легрим. Антиох читал ее далеко за полночь. Легкий след ногтя отчеркнул горькие слова:

«Мне хочется еще при жизни насладиться счастьем, которое нам, истинным писателям, редко достается до ухода в могилу; быть может, это зависит от того, что слава — плод, вырастающий из нашего тела, и поэтому он не может взойти, а тем более созреть, пока тело не попадет в землю; или, может быть, слава — хищная птица, привлекаемая, подобно другим таким же птицам, запахом мертвечины; или, наконец, может быть, она находит, что звук ее трубы раздастся звучнее и дальше разнесется, если она воспользуется могильным холмом, как возвышением и полым склепом для резонанса».

Послышалось легкое щелканье. Это Кантемир-дипломат на второй оборот ключа закрыл стихи Кантемира-сатирика.

Глава семнадцатая

ЭПИСТОЛА АПОЛЛОНУ

За Василия Тредиаковского, признаюсь, я готов поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей.

А. С. Пушкин, письмо к И. Лажечникову от 3 ноября 1835 г.

У Ивана Ильинского и Василия Тредиаковского было много общего. Оба они были питомцами Спасских школ. Оба они были переводчиками Санкт-Петербургской императорской Академии наук, оба были великими тружениками и оба могли применить к себе слова «Азбуки о голом и небогатом человеке».

— Аз есть голоден и холоден, и наг и бос, — говорил Иван Ильинский Василию Кирилловичу, — поесть мне нечего и купить не на что, а даром не дают.

— Стыдно мне с богатыми на пиру сидеть, — откликался Василий Кириллович. — На них платье цветное и хорошее, а на мне худое и то чужое... Чужого бы мне не хотелось, а своего не случилось, теперича не знаю, как промышлять...

А Иван Ильинский с невеселой усмешкой заканчивал:

— Не лучше ли идти воровать, так скорее меня повесят.

Но однажды фортуна улыбнулась Василию Кирилловичу — академик Жозеф Никола Делиль — по-русски его величали Осипом Николаевичем — пригласил Тредиаковского во дворец, куда была доставлена (и наведена на Сатурн) невтонианская труба длиною в семь футов. Императрица объявила командиру Академии свое всемилостивейшее удовольствие.

В этот счастливый час Василий Тредиаковский поведал командиру Академии наук барону Корфу о своем открытии нового способа сложения российских стихов. Свой способ он желает посвятить высокопочтеннейшим особам, питая при этом скромное желание показать искру своего ума.

Барон Корф счел, что прозвание «высокопочтеннейший» будет относиться не только к Бирону, Левенвольду, Миниху, но и к нему.

— Вкратце расскажите о вашем способе, — предложил командир Академии наук.

— Я свой способ стихосложения называю кратким, но вкратце рассказать о нем нельзя. Эпиграфом к своей книге я намерен взять слова Овидия:

Стихотворчеству нас бог токмо научает,
И святый охоту в нас пламенну рождает.

— Карашо, — сказал командир Академии.

— В краткости подражая вам, господин барон, суть моего нового способа слагать стихи я могу выразить одним словом: «стопа»! Стихи надлежит мерять стопами, а не слогами, как доныне наши многие стихотворцы неправильно поступают, а особливо веселые бандуристы и пестрый полк песнопевцев...

Командир Академии насторожился лишь когда зашла речь о вольности в стихах.

— Клянусь Аполлоном! — воскликнул Василий Кириллович. — Подразумевается поэтическая вольность, допускаемая в стихосложении, как-то: в рифмах, перестановке слов и тому подобном.

— В таком случае возражений не могу иметь, — сказал барон Корф.

Поутру Василий Кириллович фертом явился в типографию. Гордо объявил фактору:

— Барон Корф приказал набирать и печатать мою книгу «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий». Для нее понадобятся, кроме русского шрифта, латинский и греческий, а также знаки для определения стихотворных размеров.

— Наберем, труда не составит, — пообещал фактор.

— Как не составит?! — вскипел Василий Кириллович. — Буде не обманываюсь, до меня эпистол российским стихом никто не писывал. «Эпистола» по-русски означает послание, писание, письмо.

— От кого же и кому же?

— Эпистолу мою пишет поэзия Российская к Аполлону — вымышленному богу стихотворства. Я предупреждаю высокочтимых читателей: под Аполлоном должно разуметь сердечное желание, чтобы в России развивалась стихотворная наука. Здесь для христиан нет никакого повода к соблазну.

— Ан есть! Тайная канцелярия за правый донос выдает награждение от пяти до тридцати рублей. А когда станут рвать тело клещами или жечь спину горящими вениками, всякий донос будет правым. А не выдержишь пытки — караульный сержант отрапортует: «Сей колодник к ночи умре без исповеди, и тело его зарыто в землю на Выборгской стороне за Малою Невою».

— Не буду же я из-за чьей-то дурости выкидывать из моей книги письмо от Российской поэзии! — разозлился Тредиаковский.

На всякий случай Василий Кириллович зашел к Ильинскому — узнать его мнение.

— Да разве может поэзия обойтись без Аполлона? — вопросом на вопрос ответил Ильинский. — Царь Петр признавал Марса, Нептуна, Бахуса и Минерву. Почему же нельзя обратиться к Фебусу или Аполлону?

— И я так думаю, — повеселел Василий Кириллович. — Жаль, незнаком вам французский язык. Осип Николаевич Делиль дал мне для перевода свой проект поручить богу Солнца Фебусу проверять петербургское время. Ровно в полдень с адмиралтейского бастиона, что против обсерватории, должна выстреливать пушка. Каждый обыватель получит способ исправно заводить свои часы. В «Ведомостях» можно объявить, что выстрел чинится только для вышеобъявленной причины.

Порадовался Ильинский, когда Василий Кириллович известил его, что через месяц-другой будет напечатана о российском стихосложении книга, автором которой является он, Тредиаковский. И огорчился и встревожился, когда Василий Кириллович объявил, что силлабика свой век отжила и после выхода в свет его книги — не воспрянет!

— Мой добрый наставник, — сказал Василий Кириллович, — меня могут упрекнуть, и вы первый, что я много погрешал против мною теперь установленных правил. Согласен — погрешал, так был научен. Дерзаю наде-

яться, что преславнейшая Россия удостоит меня прощения. Нам — я говорю о России — присуще стихосложение силлабо-тоническое.

— По-русски — слог и ударение, — объяснил себе Ильинский. — А как же «Вертоград многоцветный», «Перло многоценное», «Алфавит, собранный от святых писаний и с латинского языка переведенный»?

— В наши времена слагать вирши аршинами может любой мокроносый школяр. Я не навязываю своих правил другим поэтам. Но согласись, стихотворная жвака никогда не может почитаться за хорошство!

— Жвака? — не поверил своим ушам Ильинский.

Всю ночь напролет Василий Кириллович сидел над «Эпистолой от Российския поэзии к Аполлину», родителю сладких снов, сердце веселящих, призывал в стихах: «Поспешай к нам, Аполлин, поспешай как можно!»

Утром стал перебелять послание. И тут явился непрошеный гость — некий Федька Свищ. Он уставился на Тредиаковского, словно примеряя, какие кости ему ломать, и с ухмылкой объявил, что Василием Кирилловичем изволит интересоваться генерал-аншеф Ушаков и всепокорнейше приглашает безотлагательно пожаловать к нему в Тайную канцелярию для некоторых разговорчиков.

«Неужели Тайной канцелярии стало известно об Аполлоне?» — струхнул Василий Кириллович.

— Одевайтесь, мы вас проводим, — осклабился Федька. — Еще недавно в полку от нас отворачивались, затыкая нос... А теперь перед нами поспешают скинуть шапку и низехонько поклониться!..

Генерал-аншеф встретил Тредиаковского подчеркнуто вежливо. Сказал, что премного наслышан о его даровании и усердии. Но служба — службой!

— В Москве в Контору тайных розыскных дел до-

ставлены — слыхали, может быть, — поп Васильев и дьячок Савельев, закованные в железа, по секретному делу. Да какие у нас с вами секреты! Поп и дьячок дали знакомому списать вашу песнь: «Да здравствует днесь императрикс Анна!» А почему «императрикс»? — шепотом спросил генерал-аншеф. И совсем чуть слышно: — Кто и когда это слово выдумал в поношение ее императорского величества? Убедительно прошу, предпочтительно сегодня же, представить свое объяснение.

Федька, как старый знакомый, подмигнул Василию Кирилловичу:

— До скорого свиданьица!..

Вернувшись домой, Василий Кириллович стал писать объяснение, и, очевидно, сам разгневанный Аполлон водил его пером:

«Первый самый стих, в котором положено слово «императрикс», есть пентаметр, то есть пять мер или стоп имеющий...»

Со злости Тредиаковский сломал и бросил перо, схватил другое. Поэт забыл, что он пишет оправдание, а не отповедь и адресует гневные строки не обычному невежде, а палачу-истязателю, при имени которого и не такие, как он, падали без чувств.

«Слово „императрикс" есть самое подлинное латинское и значит во всей своей высокости „императрица"... Употребил я сие латинское слово для того, что мера стиха сего требовала... Те, которые претендуют, что словом „императрикс" прописан у меня высочайший титл ее императорского величества, либо весьма глупы, для того, что не зная точные в нем силы, претендуют, либо весьма злы, для того, что на меня клевещут... либо, наконец, вруны, для того, что так болтают, в чем нет, как говорится, ни складу, ни ладу».

Генерал-аншеф, явно не ожидавший столь резкого ответа, приказал освободить Васильева и Савельева, «ибо оный Тредиаковский объявил, что слово „импе-

ратрикс" латинское и прочие, к тому надлежащие резоны показал...». Свою злость генерал-аншеф сорвал на Федьке Свище, пожаловав ему крепкие титлы, наградив при сем достойной затрещиной.

Чрезвычайному посланнику в Лондоне было не до стихотворства. Под пыткой безденежья нелегко было сохранять спокойствие ума, искусно обходить английские дипломатические ловушки и разгадывать Остермановы подвохи. Правда, теперь у Кантемира появился трудолюбивый помощник Генрих Гросс, младший брат старого знакомца — наставника детей вице-канцлера. Генриха прислали для наблюдения за каждым шагом чрезвычайного посланника при английском дворе. Генрих, однако, доверия Остермана не оправдал и стал верно служить Кантемиру.

Чрезвычайный посланник, уже искушенный в дипломатии, посвящал своего помощника в тайны английского двора. Правит Англией король Георг Второй, а королем правят Роберт Вальпол (Уолпол) и его младший брат Гораций. Старший брат в иностранных делах несведущ, во внутреннем управлении пользуется золотой уздой. Ради своей выгоды братья пожертвуют чем угодно! Войны опасаются — она может подорвать их влияние. Что сказать о придворных? Придворные свободно делают все... что им предпишет или дозволит старший Вальпол.

С очередной почтой Иван Ильинский прислал Антиоху в Лондон только что вышедшую книгу Василия Тредиаковского, один из самых первых экземпляров, отпечатанных в петербургской академической типографии. При своем помощнике Антиох разрезал первые страницы. Генрих Гросс еще слабовато понимал русский язык и просил объяснить прочитанное.

— Дерзание Василия Кирилловича Тредиаковского, — сказал Кантемир, — заслуживает высокой похва-

лы. Нашему поэту рассудилось создать и издать новый и краткий способ к сложению стихов российских. При беглом знакомстве я обратил внимание на два правила, предлагаемые Василием Кирилловичем для наиболее распространенного так называемого героического стиха. По первому правилу, этот стих должен состоять из тринадцати слогов.

— Как во всех ваших сатирах! — воскликнул Генрих.

— По второму правилу, «героические» стихи из тринадцати слогов надлежит разделить на два полустишия, одно из семи слогов... Какое-то полустишие должно иметь семь слогов — разум подсказывает — первое, — выхватывал отдельные определения Антиох.

— Антиох Дмитриевич, вы пропустили строки, где сказано о вас, — высмотрел Генрих Гросс. — «Российский стих, — говорится в книжке, — как стихотворцами принято, состоит в тринадцати слогах, в пример тому будь стих из первой сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, без сомнения главнейшего и искуснейшего пиита российского».

Антиох нахмурился. Для «главнейшего» и «искуснейшего» хвала была злей крапивного ожога.

В коротком перечне Василий Кириллович лучшими сатирическими поэтами назвал на латинском языке — Ювенала, Персия и Горация, на французском — Буало и Ренье, на российском — Антиоха Кантемира.

Но почему первая строка Кантемировой сатиры приведена в искаженном виде? Может быть, напутали в типографии, или Тредиаковскому изменила его великолепная память?.. Объяснение дал сам Василий Кириллович: «В пример поставлю многожды повторенный от меня стих князя Антиоха Кантемира...» Оказывается, Кантемиров стих он исправил, чтобы улучшить. «Самый подлинный идет тако: «Уме слабый, плод трудов недолгой науки!» А исправленный — «Ум столь слабый, плод трудов краткия науки».

«За сие дерзновение у остроумного и глубоко мнόю всегда почитаемого автора прошу прощения, — отвесил Василий Кириллович низкий поклон Антиоху. — Причина, которая меня привела к тому, есть сия: намерился я полагать первый оный стих сего первейшего и высокого сатирописца, из первой его сатиры «К уму своему», написанной в пример моего экзаметра. Но понеже всякий пример и образец долженствуют прилагаться совершенные, дабы прочим, смотря на оные, перенимать и перенимая, недостаткам бы не научиться, то для того дерзнул я его несколько совершеннейшим предложить».

Когда Антиох закрыл книгу Тредиаковского, Генрих спросил:

— Вы со всем не согласны?

— Не со всем согласен. Книгу надо внимательно прочесть.

— Я искренне рад, что Академия наук вас признала русским Ювеналом, русским Персием, русским Горацием.

— А я бы хотел быть русским Кантемиром.

Академический переводчик Иван Ильинский направлялся к пекарю за хлебом. На улице Ильинский увидел колодников; тех, которые после пытки еще могли двигаться, отпускали просить подаяние. Босые, голодные, лохмотья рубах прилипли к коже, — колодники пели, чтобы вызвать сострадание прохожих. Ильинский каждому дал по копейке, а тому, который не мог ни петь, ни говорить, отдал последний пятак. И когда к Ильинскому заглянул рослый Михайло Ломоносов, радушный хозяин мог предложить ему только несколько черствых корок. Как сказал в сатире Антиох, «наука мешку не прибыток».

— Может, слышал, Михайло, — сказал Ильинский, — Аполлону отправлена эпистола от Российской поэзии, на-

писал ее Василий Кириллович. Погоди, дай вспомнить, начинается она так:

Девяти парнасских сестр, купно Геликона,
О начальник Апóллин, и парнасска звона.

— За такую поэзию Аполлин его не помилует, — сказал Михайло. — Для незадачливых поэтов есть казнь пострашнее, чем морские кошки и солдатские батоги. Аполлон покарает его бичом насмешки.

— Нет, это очень жестокая казнь, — заступился добродушный Ильинский. — Конечно, есть на его душе грех: обидел Антиоха, переладил на свой вкус начальную строку его первой сатиры.

— Я бы не простил, — сурово сказал Ломоносов. — Но Кантемиру надо впредь писать стихи по-другому.

— Михайлушко, а мне что делать? — встревожился Ильинский. — Сочинять вирши меня учили в Спасских школах. Я считал себя если не жрецом, то слугой Аполлона. А теперь Василий Кириллович требует стихи писать не по слогам, а по стопам.

— На сухих корках да невской воде веселый разговор не замесишь. Скоро уеду в Германию обучаться горному делу да химии. Подумаю и о Российском Парнасе. Тредиаковский похваляется, что навел там порядок. Не ему говорить, не нам слушать!

— Жаль, что едешь в Германию, а не в Англию к Антиоху. Одна головня и в печи гаснет, две — и в поле горят!..

Ильинский пожелал Михайле удачи, радовался вместе с ним его поездке. А нóчью не спал, все думал:

«Как же так? Неужели вирши не поэзия? Каким же теперь будет российское стихотворство? Тредиаковский гордится: открыл новую эру в стихосложении! А Михайло усмехается: громогласный комар — с крыльями, да не муха!»

— В спорах рождается истина. Поживем — увидим! — сказал себе Ильинский — не знал, что жить ему осталось год. А может быть, и знал — мучился кашлем уже давно.

Глава восемнадцатая

СЕСТРА МИНИСТРА

Вокруг их, казалось, ползли и бродили змеи и адские псы.

Гораций, Книга I, Сатира VIII

Пять долгих, томительных лет княжна Марья не видела любимого младшего брата. В январе 1737 года она твердо решила направиться в Санкт-Петербург и выспросить в Иностранной коллегии, когда же Антиох прибудет из Англии в Россию хотя бы на крохотную побывку. Но дорожные сборы подзатянулись, и только по мартовскому снегу она смогла выехать из Москвы. В Петербург без особых происшествий прибыла в самом конце марта.

Звоном, хрустом и грохотом льдин на Неве петербургская весна возвестила о своем приходе. Марья Дмитриевна огорчилась: в ледоход невозможно с левого берега Невы попасть на Васильевский остров в Коллегию иностранных дел за лондонскими письмами.

В апреле город обдало злой зимней стужей, и Нева вновь затянулась льдом. Лед был весенний, ненадежный, но все же достаточно крепкий, чтобы воспрепятствовать лодочной переправе. К довершению петербургских невзгод коварный петербургский климат одарил Марью Дмитриевну флюсом, а слишком торопливо закрытые печные вьюшки наградили тяжелым до умопомрачения угаром. Княжна Марья, обмотав голову влажным полотенцем с вышитыми бравыми петухами, при-

зывала себя к смирению. Горести насылаются небесами для испытания праведных и устрашения грешных.

— Грешных? — ужаснулась Марья Дмитриевна. А не она ли накликала на себя и на других небесные кары? Не она ли многократно взывала к силам небесным достойно покарать архиепископа Феофана Прокоповича, который сперва неумеренно восхвалял сатиры ее брата, а потом, как она считала, содействовал удалению Антиоха в лондонскую ссылку. И что же? Феофана поразила каменная болезнь, от которой он в прошлом году и принял кончину. А ведь он был деятельным и смелым ратоборцем просвещения. Его заслуги ценил Петр Великий. Антиох чтит память умного, отважного, воинственного Феофана, называет его дивным первосвященником.

Поправив на лбу полотенце, горячее, словно петухи были огненными, Марья Дмитриевна вопросила:

— А сколько раз ты, грешница, слезно молила, чтобы силы небесные покарали нещадно князя Дмитрия Голицына, который по-воровски, по-грабительски оттягал наследство молдавского господаря своему зятю Константину, недостойному называться братом ни мне, ни Антиоху! Суровое возмездие пришло, князя Дмитрия только что судили за коварство и бессовестные поступки, определили ему смертную казнь, которую заменили заточением в каменный мешок Шлиссельбургской крепости!

А не она ли взывала о возмездии князю Черкасскому за его притворство и придворные хитрости? Когда одолевали верховников, князю Черкасскому нужен был прямодушный Антиох, его смелое перо, его рыцарская отвага. А теперь кабинет-министру нет никакого дела до Антиоха. Только почему-то небесное наказание обрушилось не на князя Алексея Михайловича Черкасского, а на его племянника, которого сослали в Сибирь!

— Впрочем, — задумалась княжна Марья, — не много ли я на себя беру? Князь Голицын — поверженный

верховник. Как злейшего врага императрица вначале покарала его опалой, а теперь — каменной могилой. Болезнь Феофана, скорей всего, от чревоугодия и тревог. Александр Черкасский нисколько не лучше своего дяди...

Проснулась княжна Марья от яркого солнечного света.

— Ваших приказаний ждет Кузьма, — доложила служанка. — Берется привезти почту с Васильевского острова.

— Нет, обожду, а то погибнет мужик ни за что ни про что!..

— У Кузьмы — багор, весла и парус. Отваги же ему не занимать.

Марья Дмитриевна написала записку в Иностранную коллегию, запечатала и отдала служанке.

— Пожелай ему удачи и потребуй, чтоб быстрей возвращался! Да пусть зайдет в Академию к господину Шумахеру, известит его о моем прибытии в Петербург.

Кузьма убрал записку под шапку и сказал служанке:

— Кабы не для сестры Антиоха Дмитриевича — нипочем бы не попер к черту на рога. Да еще не замолил свой грех перед Кунсткамерой. Помню, продал академическому егерю за диковинку белую ворону, да вот не помню, чем белил: мукой либо мелом?

Посланец долго не возвращался. Чего только не передумала княжна Марья. Лодчонка хрупкая, вода в Неве ледяная. Все сроки прошли!..

А Кузьма тут как тут! Все обошлось, только багор сломался да парус порвался. Кузьма подал письмо и книги — тяжелый пакет с надписью: «Государыне моей сестрице Марье Дмитриевне Кантемировой в Москве или где обретается».

Марья Дмитриевна торопливо распечатала письмо, но к чтению приступила не сразу, опасаясь плохих вестей. Наконец набралась храбрости, прочла:

«Сиятельнейшая госпожа и сестра, посылаю Вам привет и братский поцелуй. По строкам моего письма, дорогая сестра, Вы можете догадаться о моем хорошем здоровье».

Кузьма был награжден похвалой и полтиной.

Княжна стала читать дальше и насупилась. Брат не любит жаловаться, да, видно, замучили его невзгоды. Нет ответа на его реляции. Без резолюции лежат всепокорнейшие прошения о прибавке жалованья. Брат просит больше не говорить о Тигрице, то есть о Вареньке Черкасской, и о Черепахе — ее отце. При всем своем добром расположении Черепаха останется черепахой. А мать Тигрицы, очевидно, хочет иметь своим зятем кого-либо из сынов Юпитера. Письмо заканчивалось горячим восклицанием: «Когда вернусь в Россию, — а об этом все мои помыслы! — хочу, чтобы Вы, дорогая сестра, были хозяйкой в моем доме!..»

Пришел черед свертка. Антиох прислал сестре греческие, итальянские и латинские книги. А это, вероятно, лондонские знакомые Антиоха, итальянцы, пошутили — прислали «Декамерон» Боккаччо — книгу насмешек над монахами и озорных любовных похождений. Княжна Марья стала рассматривать греховную книгу, но в это время служанка доложила, что явился монах с приглашением прибыть к святому отцу архимандриту Варламу, духовнику императрицы.

— Передай мое благодарствие и объясни, что я больная.

Княжна Марья хорошо помнила, что Антиох в своей третьей сатире вывел Варлаама в виде святоши Фибия. На людях — смиренный постник, а в своих покоях — обжора и пьяница, гордостью и спесью раздут, как кузнечный мех. Двумя словами Антиох наименовал его: «гнусная лужа». При Феофане Прокоповиче Варлаам не рисковал мстить Антиоху. Теперь же, вероятно, решил, что пробил час отмщения.

— Впрочем, — сказала княжна Марья служанке, — передай послушнику: буду! Даже, может быть, сегодня...

Она же должна выведать, какие опасности грозят Антиоху. Императрица теперь жестоко расправляется не только со своими врагами, но и с теми, кому она обязана восхождением на престол и чьих чаяний не оправдала.

Княжна Марья приказала подать карету. Недалеко отъехала, приказала повернуть к дому Черкасских. У Черепахи и Тигрицы можно выведать, как петербургский двор относится к Антиоху, когда его могут вызвать из Лондона в Россию, будут ли карать его за сатиры, — что он пишет сатиры, теперь известно из книжки Тредиаковского. Сестра дипломата будет вести разговор тонко, но если мать Тигрицы позволит себе сказать об Антиохе что-нибудь неделикатное, сестра дипломата не стерпит!

Черкасские встретили сестру Антиоха с преувеличенным восторгом, кинулись с поздравлениями:

— Вы пышете здоровьем!.. Но почему вы лишаете петербургский двор удовольствия видеть вас фрейлиной? А нам нет покоя — закружились на балах да маскарадах.

Варенька решила показать приезжей свои острые коготки:

— Милочка, в своем святом уединении вы не следите за причудами моды, вам можно лишь позавидовать. А мы следим за каждым ее капризом. Дамы носят клинтуш, одежду из легкой прозрачной ткани, сквозь которую светится шелк. Что еще добавить? Декольте, широкие складки, на талии — шарф. Мужчины от красных и синих чулок отказались, а черные чулки — это вам скажет каждый приезжий — оставлены приказным. Дворяне носят белые чулки. Штаны еще совсем недавно не доходили до колен, теперь же, обратите внимание, пряжки застегиваются ниже колен. Но кому я говорю о моде!

Княжна Марья небрежно обмахнулась веером, подарком брата.

— А ваш брат по-прежнему в Лондоне? — спросила Варенька, стараясь выказать равнодушие.

— Антиох был в Париже, лечил глаза у лейб-медика Жандрона, — сказала сестра дипломата. — Уверяет, что вылечился. Но представьте себе, находился в Париже и не приметил очаровательных француженок. Русские красавицы нравятся ему больше.

— Почему же он так загостился на чужбине? — спросила мать Тигрицы. — Скоро ли он к нам вернется?

— Когда будет угодно ее императорскому величеству, — ответила сестра дипломата.

— А вы не боитесь, что ваш брат останется за границей? Сколько ему — под тридцать или за тридцать?

— Для мужчины, не для девицы, лишний десяток лет — не беда. А служба ему не в тягость. Теперь на плечи Антиоху взвалили министерскую должность.

И тут княгиню Черкасскую озарило: пять лет, проведенные Антиохом за границей, для него не пропали.

— Князь Алексей! — воззвала княгиня к мужу. — Нас порадовала своим приездом дорогая гостья.

Кого-кого, а старого придворного притворству учить не надо! Конечно, он обрадован встречей. Но, видно, такая у него планида: и при Петре Великом, и при Екатерине Алексеевне, и при Анне Иоанновне — он всегда нужен!

— При многодельстве вашего сиятельства было бы предерзостно ждать от вас частых писем моему брату, — согласилась Марья Дмитриевна. — Но вот что необъяснимо: за пять лет ни одно письмо вашего сиятельства к брату не дошло.

— Ненаписанные письма никогда не доходят, — кольнула мужа княгиня Черкасская.

— Выберу час, напишу, — пообещал князь Алексей Михайлович. — Но выискать лишний час непросто —

заботы придворного неисчислимы! Сегодня я придумывал царский обед: голова вепря в рейнвейне и петушиные гребешки... Искусно составить обед потруднее, чем подписать трактат с Англией!

— Князь Черкасский подписал, а сто тысяч от английских купцов получил Бирон, — сказала княгиня.

— Благоволение дороже ста тысяч, — изрек старый придворный. — И обед надо придумать, и о нищих не забыть — государыня усмотрела их на всех улицах. Да и как нищим не быть, если — недород за недородом! Сенат принял решение, чтобы нищих не было, а их стало больше. Сенат принял другое решение, а их стало еще больше.

— Не печалься, князь, — сказала княгиня Марья Юрьевна, — лейб-гвардия с нищих кожу сдерет и суму отберет!

— Княгинюшка, помолчи, — взмолился царедворец.

— А вы, милочка, слышали о попах, одержимых бесом? — спросила Варенька Черкасская. — Катенька, моя подружка, рассказывала, от отца слышала: то тут, то там отказываются служить молебны о здравии императрицы...

— Варенька, помолчи! — потребовал князь Черкасский.

— А чего, папенька, молчать? Кого расстригли, кого посадили в монастыре на цепь, кого посадили на кол. А Киприану — доводилось вам о нем слышать? — урезали язык и угнали в Сибирь. А в городе Изюме бабка Агафья оборачивалась собакой и лаяла всякие поношения государыне, а потом превратилась в козу и грозила рогами обер-камергеру. Доставили ее в Тайную канцелярию, стали допытываться, кто ее мерзопакостям обучил. Она же, по своему коварству, померла...

«Надо ли было ехать к Черкасским? — размышляла в карете сестра дипломата. — Тайная канцелярия ищет оборотней, а их при дворе сколько хочешь! Тот же князь

Черкасский. И вовсе он не черепаха, он — угодливый пес Бирона, Левенвольда, Остермана...»

На другой день княжна Марья поехала к архимандриту Варлааму. Ради брата она была готова отправиться хоть в преисподнюю. Духовник императрицы поведал, что каждодневно молится о ее здоровье и здоровье ее брата Антиоха. А молитвой можно творить чудеса: преподобный Варлаам Новгородский, имя которого он носит, пообещал мирянам в Петров день приехать на санях. И в разгаре лета выпал аршинный снег! А преподобный Савва, когда медведь растерзал его лошадь, вознес молитву, и медведь три года ходил в упряжке, возил воду и дрова, пахал землю.

— Часто ли пишет князь Антиох из Лондона? — полюбопытствовал Варлаам. — Недавно были у меня купцы, очень дивились князю Антиоху: он — бессребреник, говорит, что его должность требует помогать российским и английским купцам налаживать и расширять торговлю.

Отец Варлаам стал плакаться: у Остермана — пастор, у Миниха — пастор, у Бирона — пастор, а православный Варлаам должен пользоваться подаяниями купцов.

— Брат будет всегда стараться заслужить ваше благоприятство, — сказала сестра дипломата. Она никак не ожидала, что благословлять русско-английскую торговлю будет Варлаам.

Получив у Варлаама благословение, княжна Марья направилась к спесивым царедворцам — узнать, что думают об Антиохе при дворе. Безуспешно! Их расположение нельзя было заслужить, можно было лишь купить.

За несколько дней дипломатической службы в Петербурге княжна Марья Дмитриевна изрядно похудела.

С горечью она признавалась себе, что не по силам ей нести дипломатическую службу, нет у нее тишины ума, трудно ей одной, не может она переносить разлуку

с любимым братом, ее единственным другом, правдивым, честным, бескорыстным.

На конверте она написала: «Государю моему братцу кн. Антиоху Дмитриевичу Кантемиру». В письме говорила, что с нетерпением ждет возвращения Антиоха в Россию, и тут же советовала от возвращения воздержаться до лучших времен.

Глава девятнадцатая

САТИР И ПЕРИЕРГ

> Сшит колпак, да не по-колпаковски, надо колпак переколпаковать да перевыколпаковать.
>
> *Скороговорка*

В своей пятой сатире, написанной до отъезда в Англию, Антиох горькие, как полынь, слова осуждения сказал об Адаме и Еве, сорвавших и вкусивших запретный плод с древа познания. Преступив заповедь божию, были они поражены оспой греха и утратили вид божия подобия. Этот грех прародителей, горевал сатирик, перешел на весь род человеческий.

Теперь, в Лондоне, жажду знаний Антиох не назовет грехом.

С книжных полок на поэта-сатирика глядели философы, ученые, писатели, вдумчивые критики, строгие наставники. Со многими из них Антиох познакомился только здесь, в Англии, они научили его по-новому глядеть и новое видеть.

У чрезвычайного посланника при английском дворе сложились хорошие отношения с английскими учеными. Кантемир внимательно следил за развитием науки, особенно интересуясь математикой, физикой и философией, охотно выполнял поручения Санкт-Петербургской Академии наук.

Круг знакомых чрезвычайного посланника при английском дворе с каждым годом ширился, но — и это могло показаться странным! — ни с кем из англичан знакомство не переросло в дружбу. Поэт — сатирик и переводчик — мог бы поучиться у английских поэтов — в Британском королевстве было немало достойных подданных лучезарного Феба. По шутливому, но весьма правдоподобному подсчету Джонатана Свифта, в Лондоне и его окрестностях можно было найти не менее трехсот поэтов, даже если считать каждую дюжину лишь за десяток, а иных принимать за половину.

Антиох отложил перо, остался один на один со своими мыслями. Как бы он хотел, чтобы к нему неслышно подошла сестра. «Дорогой Антиох, — сказала бы она, — я вам безмерно благодарна за любезные письма, но в них вы чего-то недосказываете. Хотелось бы мне услышать, что вас в Англии сдружило с лондонскими итальянцами?»

«За английскую речь меня могут считать англичанином, моим дипломатическим свершениям дивятся. И все же я не сын Альбиона, а сын России, и не дипломат, а поэт!.. Моим друзьям-итальянцам я читаю в Лондоне свои переводы Горация и Анакреона. Общее доброе мнение о славном Анакреоне побудило меня через русский перевод сообщить его песни и нашему народу. В этом труде я стараюсь сколь можно ближе следовать простоте переводимых мною на русский чудесных песен. Чем проще — тем лучше и тем труднее переводчику. Чтобы мой перевод совпадал с подлинником, я отказался от рифм. А без рифмы переводить труднее, чем с рифмами. У моих друзей-итальянцев я обретаю поддержку в поисках о спорах, каким быть русскому стихосложению».

«Мой дорогой Антиох! Русский язык — язык вашей поэзии. Лондонские итальянцы, ваши поэтические соратники, русского языка, увы, не знают, так можно ли следовать их непререкаемым советам?»

«Дорогая сестра, знали бы вы, сколь трудно прокладывать путь русскому стихосложению и сколь отрадно убедиться, что еще века назад дорогу проложил Рим!..»

«Итальянцы не научат вас российскому стихосложению. Кстати, не напоминают ли вам, Антиох, мелкие итальянские дворы лилипутскую империю, высочайшие особы которой пятой упираются в центр Земли, а затылками касаются Солнца?»

Что такое? Перед Антиохом была не его сестра, перед ним стоял грозный и гневный Свифт.

В это время веселыми голосами и дружным смехом молодые друзья Кантемира синьоры Озарио, Пучи и Замбони известили о своем приходе.

— Дорогой Антиох! — хором закричали они с порога. — Скажите откровенно, вовремя ли мы пришли?

— Добро пожаловать!

— Дорогой Антиох Дмитриевич! — сказал Замбони. — Обратите внимание, мы приветствуем вас по-русски — по имени-отчеству! А пришли мы к вам неспроста. Посоветуйте, где нам найти знатока богинь и полубогинь, дриад и наяд?

— Могу предложить свои скромные услуги. Поведайте, кто смутил ваш покой? Может быть, богини старости Грайи, у которых на троих один зуб и один глаз, да и те были похищены Персеем? Или вас встревожил петушиный крик? Это юноша Алектрион, заснувший на посту и за это превращенный в петуха.

— Расскажите нам о сыне Гермеса великом Пане, аркадском боге, придумавшем свирель. Кто его мать? Озарио утверждает: Пенелопа!.. Пучи полагает: нет, Дриопа!.. А Замбони кричит, он спокойно говорить не умеет: нимфа Каллисто!..

— Великий Пан, по баснословию древних, сын Гермеса и веселой красавицы Пенелопы — не жены Одиссея, а светлоокой нимфы с тем же именем. Родился он покрытый шерстью, с козлиной бородкой, острыми ко-

пытцами, рожками и хвостом. Сын Зевса, Гермес вознес козлоногого малыша на Олимп. Диковинного внука Зевса, возвеселившего всех небожителей, приняли в сонм богов и отдали под его покровительство рощи, сады и стада. Так сообщается в книге, подаренной мне покойным проповедником Феофаном. Могу добавить, что в Лондоне я перерыл все доступные мне книги и в одной прочел: «Сын нимфы и Гермеса начальствует над всем родом сатиров». Мне, друзья мои, было необходимо это знать, потому что в моей пятой сатире...

— Пятой сатире? — переспросили гости.

— В моей пятой сатире кривоногий сатир, прикрывший свои рожки накладными кудрями, встречается с Периергом, то есть человеком, которому хочется обо всем разузнать, обо всем допытаться.

— Периерги — мы! — объявил Замбони. — Вы, Антиох, разожгли наше любопытство, так извольте доложить, о какой такой сатире идет речь!

— Дайте неделю-другую, и я прочту вам свою сатиру.

— Неделю? Нет, нет! Не доживем — нас испепелит любопытство!

— Синьоры Периерги! Свою пятую сатиру я написал перед отъездом из России. В Лондоне усмотрел, что моя сатира почти вся составлена из речей славного французского поэта-сатирика Никола Буало. Знаменитый француз в России не бывал, в Петербурге не живал — да при нем и Петербурга не было; русской избы не видывал, каши из русской печи не едал, по Волге не путешествовал. Я же, друзья, пока с Черного моря добирался до Балтийского, а с Балтийского до Каспийского, а с Каспия опять на невские берега, — понабрался русского духа, вернее сказать, пропитался русским духом. Нет для меня ближе, роднее, дороже России, она в моем сердце, она в моих мыслях. Свои сатиры пишу на увиденное в России плохое, понеже известно: кто злое ху-

лит, тем самым доброе хвалит! Думаю, мой любознательный веселый сатир будет каждому люб и нравен. Но придется ему частенько менять хозяев, потому что он любит правду, а тому, кто дружит с кривдой, правда глаза колет.

— Теперь вам покоя не дадим! — сказали друзья Антиоху. — Будем поторапливать.

— Мой сатир сам торопится к своему начальнику Пану, чтобы поведать ему об увиденном у людей.

— Мы сами виноваты! — обратился к товарищам пылкий Замбони. — Мы должны были предупредить Антиоха Дмитриевича, что не из тех мы критиков, которых высмеивал Свифт. Помните? Критик, полагающий своим долгом ругать да осуждать, своим варварством подобен тому судье, который каждого подсудимого обрекает на виселицу.

— Антиоха Дмитриевича слова правды запугать не могут, — сказал Пучи. — Я очень рад, что наш друг снова вернулся к сатирическим стихам. Еще больше рад, что его подтолкнули мы! Мне кажется, в Лондоне ему писать сатиры будет легче, чем в Петербурге.

— Как вам сказать, — усомнился Озарио. — Как вы думаете, друзья, кому легче: сатирику-лейб-гвардейцу или сатирику-дипломату?

Взыскательный автор основательно переработал свою пятую сатиру, а по сути дела, написал новое произведение. Теперь сатира «На человека» называлась «На человеческое злонравие вообще». Изменилось содержание. Изменилась форма — речь от автора перешла к персонажу.

Очевидно, Кантемир-сатирик прислушался к предостережениям Кантемира-дипломата и злонравным дал чужеземные имена Стенона, Критона, Хирона, Ксиона, Макрина. Дань традиции была уплачена легким поклонцем. И сразу сатирик перешел к показу российских бородачей, щеголей, вельмож, целовальников, при-

казных. Он не заимствовал темы у римлян и греков, не пересказывал француза, а брал сюжеты из российской жизни.

Посланец Пана вышел из лесу, долго ли, скоро ли, близко ли, далеко ли, — очутился у городских ворот. Пьяный мужик с ружьем — караульщик — лежал как убитый. Солнце еще «не пробегло» и половину небесного круга, а улица стала тесной от валявшихся тел.

Сатир ужаснулся: неужели мор?.. Нет, стервом (то есть мертвечиной) не пахнет.

«Гуляй с нами! — пригласили посланца Пана. — И впредь, — сказали, — чти церковные праздники!

Сегодня один из тех дней свят Николаю,
Для чего весь город пьян от края до краю».

Пьяные, где шли, там и валились, где валились, там и погружались в мертвый сон. Кто подливал зелена вина, кто орал песни, беспокойные даже для ушей глухого...

В церковные праздники трудно устоять на ногах прихожанам, но еще трудней временщику устоять на скользком дворцовом паркете. Глазастый и ушастый посланец Пана, конечно, должен был поведать своему повелителю о светлейшем временщике, окруженном пышной свитой похлебников.

Болваном Макар вчерась казался народу,
Годен лишь дрова рубить или таскать воду;
Никто ощупать не мог в нем ума хоть кроху,
Углем черным всяк пятнал совесть его плоху.
Улыбнулося тому ж счастие Макару —
И сегодня временщик, уж он всем под пару
Честным, знатным, искусным людям становится,
Всяк уму наперерыв чудну в нем дивится.
Сколько пользы от него царство ждать имеет...

В примечании Антиох пояснил: «Так о Макаре, временщике, говорили его похлебники, когда он был в силе». Но светлый день временщика столь спешно минул, сколь спешно настал. Поскользнулся Макар, упал и кончил свою жизнь «между соболями».

— В березовскую глухомань был сослан Меншиков, в ссылке и умер, — пояснил Кантемир своим слушателям. — «К соболям» был сослан обер-камергер князь Иван Долгорукий, затем вытребован из ссылки и казнен.

Итальянцы слушали стихи, слушали перевод. Слушали примечания, осыпали автора вопросами, одобрительно качали головами.

Ушли притихшие, какими их Кантемир никогда не видывал прежде.

Глава двадцатая

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧ

Камергер редко наслаждается природою.

Козьма Прутков, «Плоды раздумья»

Якоб Жансон, приветствуя утром Легрима, осведомился, по обыкновению, что творится на свете и о чем толкуют в Лондоне.

— Поговаривают, что нам с вами предстоит перебираться через Ла-Манш куда-нибудь, скажем, в Париж.

— Вот это новость!

— Князь Кантемир по предложению русского двора ведет с французским послом в Лондоне сложные и щекотливые переговоры о восстановлении разорванных несколько лет назад отношений Санкт-Петербурга с Парижем. Это нужно для того, чтобы Версальский двор, чьи услужливые дипломаты ввергли Россию в войну с Турцией, содействовал заключению мира.

— Дыма без огня не бывает. Но, может быть, это не

дым, а лондонский туман,— недоверчиво протянул Якоб Жансон.

Направились к Генриху Гроссу: он может поведать о многом, ведь посол поверяет ему дипломатические новости.

— Действительно, что-то такое носится в воздухе,— сказал Генрих Гросс.— Вполне вероятно, что с берегами Темзы мы скоро простимся.

— Гуд бай! — помахал рукой Легрим.

— И направимся на берег Сены.

— Бонжур!..

— Однако спешить не стоит,— улыбнулся Гросс.— Пожалуй, с такой же вероятностью можно сказать: не поедем!

— Вы, господин Генрих,— как запечатанная депеша,— похвалил Легрим.— От вас ничего не узнаешь... Если никуда не поедем, пожалуйста, секретничайте. А если нам предстоит переезд, будьте добры нас с Якобом предупредить!

— Будьте добры нас с Легримом предупредить! — подхватил Жансон.

— Боже мой! — шепнул Генрих Гросс.— Мы, кажется, обеспокоили его светлость...

— Надо ли нам готовиться к отъезду из Лондона? — спросил вошедший.— Вдумайтесь сами. Турции и России нужен мир. Английское министерство желает русско-турецкого мира, но каковые к тому способы заинтересованным державам приличнее — не английского министерства печаль, оно не намерено стать посредником и содействовать заключению мира. Без вмешательства Франции Порта на мир не пойдет. Легрим, распорядитесь подать карету, я еду к французскому послу.

После отбытия Кантемира Легрим плюхнулся на стул и ладонями стиснул голову.

— Что с вами, Легрим? — встревожился Гросс.

— Дайте мокрое полотенце! Я — русский граф Остер-

ман, вице-канцлер. Не отвлекайте меня, я размышляю.

— Столь мучительно? — посочувствовал Жансон. — О чем же?

— Кого отправить во Францию к королевскому двору?

— Этот человек должен быть знатным, — сказал Генрих Гросс.

— Ну что ж. Родовитых господ при дворе Анны Иоанновны должно быть немало! — воскликнул Легрим.

— Он должен знать все тонкости придворного этикета, — продолжал Генрих, — и безукоризненно владеть французским языком.

— Не сочтите за обиду, милый Генрих, но мне кажется, — санкт-петербургский двор говорит и думает по-немецки.

— Он должен быть мудрым, хладнокровным, смелым, талантливым, — перечислял Генрих качества, необходимые министру-дипломату, — образованным, искусным, неподкупным...

— В этом случае, — сказал Легрим, — Остерману гадать не приходится. Едем в Париж!

В это время в Санкт-Петербурге императрица Анна Иоанновна вглядывалась в бумаги, представленные на ее высочайшее рассмотрение. Доброжелательно отнеслась она к просьбе девятилетнего сына Бирона: «Да повелит державство ваше пожаловать меня в Камер-Геры». Самодержица всероссийская начертала на прошении: «Ученит по сему». И девятилетний камергер, самый молодой в Российском государстве, изображая одновременно коня и всадника, поскакал по дворцовым покоям, обжигая своим хлыстом высокопоставленных придворных, а те отвечали приторными улыбками, что весьма возвеселило императрицу.

Секретарь принял из рук ее величества перо, благоговейно обмакнул в тяжелую чернильницу и подал императрице для подписания новой бумаги. «Пожалование звания камергера чрезвычайному посланнику при английском дворе князю Антиоху Дмитриевичу Кантемиру».

— А за что такая милость? — нахмурилась Анна Иоанновна. — Золотой камергерский ключ даруется лишь за высокие заслуги.

— Мир с Турцией крайне нужен! — внушал ей Остерман. — Для заключения сего мира надлежит восстановить дипломатические отношения с Францией, о чем князь Кантемир уже договорился с французским послом в Англии. Если князь Кантемир будет камергером, его лучше примут во французской столице.

Бумагу пришлось подписать.

Потянулись долгие нудные недели. Французский посол в Лондоне горячо заверял Кантемира в своих добрых чувствах, просил не тревожиться.

— В самое ближайшее время формальности будут улажены, и вы окажетесь в Париже.

— Я тоже так полагаю, — согласился Кантемир. — В ближайшее время я буду во французской столице.

— В Версале о вас наслышаны и желают вас видеть.

— Поверьте, с моей стороны задержки не будет, — говорил Кантемир.

— Кардинал де Флери сетует на правила этикета и другие досадные причины, мешающие вашему скорому прибытию в Париж, — сообщал французский посол.

— Прошу передать его высокопреосвященству, что я убежден: наша встреча близка.

Дипломатический разговор при желании можно было вести месяцами, как в присказке: «На лугах за речушкою тихой жили-были журавль с журавлихой, накосили

стожишко сенца... Не начать ли опять без конца? На лугах за речушкою тихой...»

Но в один из осенних дней кардиналу доложили, что князь Антиох Кантемир прибыл на берега Сены как частное лицо. Стало поздно и бесполезно городить всякие отговорки и выискивать новые формальности. Кантемир находился в Париже. Больше того — уже делал неофициальные визиты чужеземным дипломатам.

Смелым поступком Кантемира был раздосадован английский двор, не желавший сближения России с Францией.

Российский двор обвинил Кантемира в недопустимой поспешности.

Хмурился кардинал де Флери. Очевидно, впервые за восемьдесят пять лет лукавого кардинала перехитрили.

В январе 1739 года Антиох сообщал депешей в Россию, что многие месяцы ему было чинено затруднение в допуске к королевской аудиенции, но теперь все препятствия удалось преодолеть. Ему, первому при французском дворе, дарована приватная — частная — аудиенция.

В виде особой милости король Франции принял Кантемира стоя. Справа находился кардинал Андре Герюкл, который считал короля своей правой рукой, слева — статс-секретарь Амело.

Король объявил Кантемиру, что испытывает великое удовольствие, видя в Париже столь знатного, столь образованного и столь приятного в обхождении русского посла и полномочного министра. Особенно понравилась королю речь Кантемира, сказанная на французском языке, достойном исконного француза.

— При упоминании о России у меня всегда кружится голова, — изволил пошутить король.

В малолетстве его весело качал на своей исполинской ноге Петр Великий. Русский великан посадил

французского короля на свою широкую ладонь и, к ужасу придворных, высоко поднял над головой.

Король хотел бы еще сказать, — но тсс! ни слова об этом королеве! — царь Петр намерен был породниться с французской династией и желал выдать за Людовика свою дочь, цесаревну Елизавету. Помолвка, однако, не могла состояться: французскому королю было всего лишь семь лет, а русской цесаревне — восемь. Король, кардинал и статс-секретарь дипломатично умалчивали, что цесаревна Елизавета, внебрачная дочь Петра, не могла стать супругой французского венценосца, сколько бы ей лет ни было!

В заключение французский король объявил русскому послу, что будет рад видеть его в Версале, Фонтенбло и Компьене за обедом, ужином, на королевской охоте и на церемонии утреннего одевания.

Королевские приглашения отравляли Антиоху радость пребывания в Париже. Дворцовые занятия были ему ненавистны.

— Карета подана! — мрачно, словно у него ныл зуб, рано утром возвестил Легрим.

Антиох захлопнул книгу. Надо поспешать на утреннюю церемонию одевания короля Франции.

Его величество король сошел с постели. Медногорлый вельможа призвал к королю самых знатных придворных. Затем пригласил чужестранных министров в сопровождении церемониймейстера пожаловать в королевский зал.

Расшитые золотом послы отвесили его величеству столь глубокие поклоны, что надо удивляться, как не свалились на паркет парики, осыпанные пудрой.

Высшая знать и дипломаты, стоя либо прогуливаясь, могут созерцать, как одевают и причесывают короля. Такой же порядок соблюдается и в покоях королевы. На болтовню и прическу ее величество тратит столько же времени, как и его величество. Затем знаком дает при-

сутствующим понять, что они должны стать отсутствующими — королева будет менять сорочку.

К зависти придворных, князь Антиох был примечен королем и удостоился чести вступить с его величеством в разговор. Рассказал, что высочайшим указом императрицы предписано на Васильевском, Аптекарском и прочих санкт-петербургских островах зайцев никому без указа не стрелять и не ловить под опасением жесточайшего штрафа. Это сообщение встречено было с живым интересом. Не менее благосклонно французский король выслушал историю о том, как при блаженной памяти императрице Екатерине Первой у одного из ее вольмож громадный медведь подносил гостям кубок водки и немилосердно сдирал одежду, а подчас и кожу с тех, кто пятился от медвежьего подношения. Говорить с королем о чем-нибудь серьезном за обедом, ужином, в охотничьем домике, за картами и на церемонии одевания и причесывания не дозволялось.

И вот пришла долгожданная минута — король удалился на утреннюю молитву. Молился он долго и горячо, но Антиох с негодованием думал, что монарху вряд ли удастся замолить бесцеремонную кражу дорогого времени.

В своих высказываниях в Париже и донесениях в Санкт-Петербург Антиох Кантемир, по его выражению, должен был «умерять» свои слова, чтобы не подать повода к неудовольствию ни кардиналу де Флери, ни его российскому двойнику — вице-канцлеру Остерману.

Русский посол всеподданнейше просил императрицу — свои донесения он должен был адресовать ей — ни в чем не доверять кардиналу и на его обнадеживания не полагаться. Обходительный кардинал клянется, что русская императрица никогда не найдет ни единого его слова лукавым и ложным, но это — лукавство и ложь! Подлинное намерение кардинала — всю Европу держать в постоянном смущении и тем удерживать свою власть при всех

дворах и в мутной воде ловить рыбу. Все остальные министры, — язвил Антиох, — без дозволения кардинала не могут выглянуть в окно.

Глава двадцать первая

НА УЛИЦЕ СВ. ДОМИНИКА

Я полюбил ее с первого дня
За то, что она полюбила меня.

Роберт Бернс

Свои стихи Антиох Кантемир обычно сопровождал подробными объяснениями, как называл он их — примечанийцами, — зная, что его читатели не очень-то сведущи в географии, истории, философии, астрономии и, конечно, в мифологии. Еще будучи фендриком — младшим офицером, он убедился, что самые простые, казалось, общеизвестные слова его современникам малопонятны, а то и вовсе неведомы. И Антиох спешил пояснить:

«Творец — то ж, что сочинитель и издатель книг, с латинского — автор.

Парнас — есть гора в Фоциде, провинции греческой, посвящена музам, на которой они свое жилище имеют. Ученые люди фигурально парнасскими жительми называются.

Феонинский зуб — Феон был знаменитый клеветник, которого клеветы повод подали зуба феонинского.

Париж — есть великий и славный город французский, в провинции, называемой л'Иль-де-Франс, короля французского резиденция главнейшая. Довольно город сей всем известен, для того не нужно о нем много изъяснять».

Чтобы не дать пищу феонинскому зубу придворных, Кантемиру надлежало при всяком удобном случае подчеркивать свое высокое положение на дипломатической службе и умалчивать о своей службе на Парнасе сочи-

нителем, автором, творцом. Ведь на Гревской площади еще не остыла зола от книг Вольтера, сожженных рукою палача.

Русское посольство находилось на улице св. Доминика в приходе св. Сульпиция в отеле госпожи Трант, перешедшем потом к госпоже Флеминг. Относительно недорогая плата объяснялась тем, что при сильном подъеме воды Сена могла заглянуть в посольство, но, говорили, столичная река редко нарушала правила приличия. Быть особенно разборчивым не приходилось — российский чрезвычайный и полномочный министр лишними деньгами не располагал. Посланник захудалого Сардинского королевства получал от своего кичливого двора содержание вдвое большее, чем российский министр князь Кантемир.

Для себя Антиох выбрал комнату, именовавшуюся спальней. «Кабинетом» была торжественно наречена небольшая смежная комната, где с трудом разместились стол красного дерева, кресло и шесть стульев. Бронзовую рысь и четырех, по шутливому определению Легрима, мраморных мужиков пришлось поместить в спальне.

Друзья-соперники Легрим и Жансон заспорили, где повесить портрет русской императрицы и французского кардинала. Жансон полагал, что кардиналу де Флери и Анне Иоанновне всего уместней пребывать в большом зале, служившем столовой.

— Нет! — противился Легрим. — Они будут заглядывать в тарелки и отбивать у всех аппетит. Пусть они лучше висят на стене в комнате с желтыми обоями и смотрят в сад. Столовую следует украсить английскими часами и английской арфой.

— Князя и без того обвиняют в пристрастии к Англии, — напомнил Якоб Жансон.

— У Антиоха Дмитриевича пристрастие только к России, — ответил Легрим.

Утром мебельщик принес позолоченные рамы к портретам.

— Чей поместить портрет, где и какого размера — дело государственное, — наставительно сказал секретарь посольства.

Мебельщик, Легрим и Жансон направились в гостиную. Что-то невнятно бормоча, за ними последовал Генрих Гросс. Он знал несколько языков, а теперь серьезно взялся за изучение русского. Ох и труден же для иностранцев русский язык! Но упрямства Генриху не занимать, он постиг многие правила и выучил много слов. К примеру, взять бочку. Большая бочка так и будет — бочка или бочища. Маленькая бочка — бочонок. По такому же образцу можно менять и другие слова. Галка? Пожалуйста — галчонок. Бык — бычонок. Бок — бочонок... Нет, что-то не так! — остановился Генрих. Маленький бык — бычок. Маленький сук — сучок. Маленький волк — волчок.

— Волчок — это игрушка, юла, — сказал мебельщик.

— Вы говорите по-русски! — изумился Генрих. — Не можете ли вы сказать, как будет по-русски маленький волчий сын?

— Маленький волк — волчонок.

— Волчонок? Вы были в России?

— Недавно оттуда.

— Русский министр будет очень рад услышать русскую речь изо рта... пардон, из уст приезжего. Антиох Дмитриевич так рад каждой весточке из Петербурга.

— Тому, что я расскажу, никто рад не будет, — сказал мебельщик. — За правду в Петербурге волокут в Тайную канцелярию. А врать я не умею. В Петербурге я разучился шутить.

Хороших новостей мебельщик и впрямь не привез. Петербургская Академия прозябает. Академический переводчик Тредиаковский, не выдержав нищеты, удалился в деревню. Под Москвой сгорел деревянный дом княжны

Марьи Дмитриевны. «Не лезьте в огонь! — отгоняла она дворовых. — Мое горит, а не ваше! Меня совесть замучает, если за спасение имущества я пожертвую вашей жизнью. А до книг моего Антиоха пламя не доберется — они в каменной кладовке!»

Мебельщик — его звали Людовиком — рассказывал о странностях княжны Марьи, но еще больше дивился ее брату. Не похож на царедворца. Свою карету на рессорах и с подвесками, обитую внутри шелком, предоставил секретарю посольства Гроссу, сам же в сопровождении Легрима ходит пешком — в гости к ученым, мыслителям, дипломатам...

Преисполненный достоинства Генрих Гросс отбыл выполнять петербургские поручения. Ему доверялось для Иностранной коллегии купить и отослать с первой тележной почтой светлые шелковые чулки. Для солидной придворной дамы, о которой беспокоился вице-канцлер, надлежало приобрести самоновомодные штофы, помня, что оная дама платье любит казистое, но чинное. В благодарность Андрей Иванович Остерман обещал отслужить сие старание. Князь Черкасский поручил заказать лучшим парижским мастерам ленты струями, семьдесят два аршина. Для украшения Летнего сада было указано приобрести и отправить в Петербург двух великих птиц — страусов, вышиною с лошадь, с коровьими копытами и гусиными головами в модных перьях, какие носят на шляпах. Страусовые перья князь Черкасский просил тоже прислать незамедлительно.

Секретарю посольства удалось исполнить все заказы, за исключением лишь строфокамилов. Когда он вернулся, к нему поспешили Легрим и Жансон.

— Ветер ворвался в кабинет, — отрывисто сказал Легрим. — Перемешал и разметал бумаги.

— Было раскрыто окно, — пояснил Жансон.

— Все упование на вас! — воскликнул Легрим. — Нам думается, если бы вы, любезный Генрих, оказались в роли

Робинзона Крузо на необитаемом острове, все деревья были бы у вас подстрижены, прибрежные камни — пронумерованы, тропинки — посыпаны морским песком!..

О лесть, всепроникающая лесть! В чьем сердце нет тебе пристанища!.. Секретарь посольства, милостиво улыбнувшись, опустился на колено и стал сортировать казенные бумаги и личную переписку.

— Обратите внимание, — сказал Генрих. — Княжна Марья обычно пишет брату на перегнутых пополам листах, иногда на четвертушках бумаги. Пишет по-гречески и по-русски. Брат отвечает сестре по-итальянски. В Англию русский посол пишет по-английски, по-французски и по-латыни.

— А здесь что написано? — Жансон подал Генриху листок бумаги.

— Стихи. Перевод с греческого на русский. Стихи красивые, звучные, проникновенные, — одобрил секретарь посольства. — Поэт воспевает... свой плен. Не всадник его пленил, не пехота и не корабль, а иной вид воинства, стреляющего глазами, то есть взглядом.

— Знаем, знаем, что это за милое воинство, — рассмеялся Легрим.

— Второе стихотворение — прекрасно! — дал высокую оценку Генрих. — Русский посол во Франции, как мы видим, одновременно является послом великой греческой поэзии. Он намерен познакомить русских читателей с ее лучшими образцами, стремится слово в слово перевести на русский язык каждое непонятное место. Певец хочет славить троянцев и фиванцев, но струны поют о его любви. Тогда он взял новые гусли и стал повествовать о подвигах Геракла, но и в этой песне слышалась любовь!.. «Гуслями» переводчик назвал неизвестный нам музыкальный инструмент древних греков.

Постепенно каждая бумага вернулась на отведенное ей место. Легрим и Жансон поблагодарили Генриха.

Глава двадцать вторая

ОБ ИСТИННОМ БЛАЖЕНСТВЕ

Против ударов судьбы твердую душу поставь.

Гораций, Книга I, Сатира III

Русский чрезвычайный и полномочный посол при французском дворе Антиох Кантемир не любил езды в лакированном ящике на колесах. Нет, если хочешь увидеть Париж, а не конские хвосты и широкую кучерскую спину, держи свой экипаж в каретнике — для посольских выездов, а сам рано утром выходи на прогулку-пробежку, неспроста служба в гвардии обучила тебя быстрому шагу. Шагай площадями, бульварами, улицами, улочками, переулками! Отвлекись от повседневной сутормы и сутырщины, то бишь сутолоки и суеты, помни, что ты — поэт!

Антиох не понимал, отчего Гораций, великий поэт древности, не выносил, не терпел, боялся уличного шума. Одному из своих почитателей поэт говорил: «Ты скажешь, что никто не мешает мне, идучи по улице, сочинять эподы, послания, сатиры. Испытай сам — выйди на улицу, где откупщик своим злобным криком погоняет погонщиков и ослов. Не затыкай уши, все равно услышишь песнопение фурий — это неумолимый ворот волочит по улице упрямое бревно или камень, может быть не столь уж огромный, но с таким грохотом, словно своротил скалу!.. Остановись, пропусти похоронное шествие!.. В сторону, скорей в сторону!.. Разве не видишь — бежит бешеная собака!.. Да не спеши, гляди под ноги, не наступи на улице на свинью, блаженно чавкающую в грязной луже, если не хочешь, чтобы тебя пронизало свиным криком!»

«Слагать на улице стихи невозможно, — полагал Гораций. — Улица душит поэзию. Неспроста стихотворцы ищут сельской тишины, правда, возвещая о том подчас

слишком громко. Лучше, чем кому-либо, это известно Бахусу. Еще в древних латинских книгах сказано: как только стихотворцы произошли, Бахус всех их причислил к своему двору».

На этот раз Антиоху от утренней прогулки пришлось отказаться. Утро у него ушло на дипломатическую почту и на встречу с любезнейшим ростовщиком — по милости Иностранной коллегии посольство по уши в долгах. Деньги не присланы еще и за прошлый год...

В полдень чрезвычайный и полномочный посол глянул на часы, потом на бумаги, потом в зеркало.

«Сгони облако со лба, не будь угрюм. Дань суторме и сутырщине как будто уплачена. Даже имею редкую возможность перелистать свои сатиры, вчитаться, вдуматься...»

«Антиох, мне надо потолковать с тобой об истинном блаженстве и твоей шестой сатире, что лежит превыше всех бумаг в верхнем ящике письменного стола, и о недавно полученном камергерском золотом ключе. Я — твой внутренний голос».

«Мой обвинитель и судья, говоря по совести, я тебя ждал, только не сегодня. Но возражать не могу, тебе дано суровое право обращаться ко мне в любой час дня и ночи».

«Начнем с шестой сатиры».

«Считать ее законченной еще рано».

«Помнится, Ювеналом сказано: „В шлеме, тобою надетом, поздно от схватки бежать“».

«Сатира написана, но я верен правилу возвращаться к написанному, додумывать — будь то сатира или примечания к ней, — вносить дополнения, вычеркивать слабые строки. Шестая сатира особенно уязвима, она — первая заграничная, ее писать было нелегко — сколько лет я не слышал живой русской речи. В русском посольстве нет ни одного русского. Секретарь посольства — немец, камердинер — англичанин, Легрим — мой лекарь, аптекарь

и библиотекарь — француз. Моя мать — гречанка. Для моего отца Россия стала второй родиной. Меня Россия взрастила и воспитала, я ее верный сын».

«Обратимся к камергерскому ключу».

«Пожалованный мне, дипломату, камергерский ключ служит хорошую службу. При встрече с придворными камергер на глубокий поклон отвечает полупоклоном. В аристократических кругах камергер — желанный гость. Послам в ранге министра да еще с высоким придворным званием камергера отдается предпочтение даже на королевской охоте. Меня придворная служба тяготит, но для нашего посольства мое возвышение не только желательно, считаю — необходимо!»

«А не смущает тебя, дорогой Антиох, поддержка, оказанная тебе Остерманом? Не исключено, что он первый подал мысль сделать тебя камергером — твой завистник и ненавистник!»

«Обстоятельства оказались сильней и хитрей Остермана, разорительная война не по силам ни Турции, ни России».

«А когда и где было видано, чтобы в одном лице совмещалось несовместимое: камергер и сатирический поэт? Не изменился ли твой взгляд на сатиру?»

«Свое отношение к ней я высказал, еще будучи поручиком Преображенского полка, в предисловии к своим первым сатирам. И сейчас повторю слово в слово: сатиру можно назвать таким произведением, которое, забавным слогом осмеивая злонравие, старается исправить нравы человеческие. Потому она в намерении своем со всякими другими нравоучительными сочинениями сходна; ее слог, однако, будучи прост и весел, читается охотнее, а ее обличения тем удачливее, что мы посмеяния больше всякого другого наказания боимся.

В книгах, подаренных мне главою «ученой дружины» мудрым Феофаном, — продолжал Антиох, — я вычитал, что свое начало сатира приняла на позорищах, то есть

зрелищах, где между действиями трагедии вводились для увеселения смотрителей, то есть зрителей, смешные явления, в которых действователи, то есть актеры в облике сатиров, грубыми шутками пятнали злые нравы и обычаи. Такое изображение римляне, последуя грекам, у себя завели, потом и кроме зрелища порядочными стихами сатирические творения сочинять стали. «Сатира — вся наша!» — много веков назад сказал римский учитель красноречия Квинтилиан. А я хочу, чтобы и мы могли сказать: и наша!»

«Ты ставишь себе в заслугу непримиримость к злонравию и злонравным. Но что ты проповедуешь в своей шестой сатире? Стремишься доказать, что, дескать, тот блажен в сей жизни, кто довольствуется малым, добродетели следуя, живет в тишине уединения и к попечению о суетных вещах не прилеплен. Восхваляешь три блага жизни: тишину уединения, торжество добродетели и свободу ни от кого не зависеть. Поразмысли, не будет ли сие «истинное блаженство», сотворенное по давнему римскому образцу, — бегством с поля боя?»

«В Древнем Риме следовать учению о трех благах было далеко не безопасно. Философов преследовали, переписчиков распинали на кресте, насмешников за недозволенные намеки бросали на корм пантерам».

«Но ты-то хочешь оправдать немудреную философию уединения, которой придерживаются твои братья и старшая сестра. Если бы не твой запрет, княжна Марья замуровала бы себя в монастырской келье. Сербан возблистал хозяйственными успехами: за женой получил кроме всего прочего двенадцать котлов и в сельской тиши гонит водку! Это ли не истинное блаженство!.. Истинным блаженством он почел бы тишину — лишь бы от него отступились, лишь бы не продавали его имущество с молотка!..»

Внутренний голос был неумолим, и рушились, казалось бы, убедительные доводы философии трех благ.

Можно было предсказать — поэт-сатирик поймет: сатиру и философию трех благ совместить нельзя. Самым суровым обвинителем Антиоха был сам Антиох.

Шестая сатира зазвучала по-другому, когда Антиох перешел к ироническому сочувствию придворным, к ироническому перечислению их горестей и тревог. До чего же тяжела участь похлебников! — печалился сатирик. Счастье редко возносит похлебников сразу на высокую ступень. Каким рабским многотерпением нужно запастись льстецу на долгие ползучие годы унижений!

Пробуждается похлебник с петухами. Дожевывая на ходу что-то вчерашнее, мчится на поклон к господину. Тот еще спит. Похлебник, не смея ни сесть, ни вздремнуть, ни чихнуть, ни кашлянуть, как гвоздь в стене, торчит в приемной.

Беспокоен день. Ночь еще тревожней. Похлебник мучается, гадая, чем одарить слугу, что поднести хозяину, чем доказать свою холуйскую прыть.

У важного царедворца свои напасти. Льстецы, провозглашая его божеством, в рабском усердии кадят ему благовониями восхвалений. Царедворцы поменьше страшатся его, как вороны — огородного чучела. Одним взглядом наводит он на кого мрачную печаль, на кого свет радости. Чем же он выслужился перед его величеством, какие совершил подвиги, какие завоевал высоты? Вглядитесь! Да это же — придворный канатный плясун из свифтовской Великой империи лилипутов. Так, по свидетельству Джонатана Свифта, всякий, желающий вознестись на высокую должность при императорском дворе, должен показать свое танцевальное искусство на туго натянутом канате. Тамошние канаты — с толстую нитку, но и придворные — ростом с указательный палец, голова — с ноготь!

Обычно канатные плясуны и прыгуны для отвеса дер-

жат в руках тонкий шест и не спускают глаз со своей легкой обуви и натянутой веревки, чтобы не упасть и не покалечиться. Сим веревочным плясальщикам уподобляются придворные. Замечено, что, получив монаршее повеление показать свою ловкость, особенно отличаются в пляске и прыжках на канате господа министры, здесь они превосходят самих себя. Да как же им не стараться, ведь черная зависть только и ждет их увечья. А кого устрашит угасший фаворит, кого обманет его блеск? Это не солнце, даже не лужа, это плевок, растертый при лунном сиянии!

— Разрешите? — вид у Легрима был угрюмый. — Получено приглашение пожаловать на королевскую охоту в Фонтенбло. Нам предоставляют коня из королевской конюшни. Почтительно напоминаю: не забудьте взять полный кошелек — при игре в карты платить проигрыш ее величеству королеве — на булавки.

— И на помин моей души, если замерзну в охотничьем домике. Там всегда такой холод, что я промерзаю насквозь. Легрим, вы что-то хотите сказать?

— Если бы я был королем, повелел бы занести ваше имя золотыми буквами в золотую книгу за приносимые вами жертвы.

— В таком разе, ваше будущее величество, я просил бы об оказании мне особенной милости — если это в вашей власти — никогда не приглашать меня на королевскую охоту! А пока велите принести охотничий костюм.

В салоне герцогини д'Эгийон горячо говорили о политике. Возлагали упование на просвещение и на неведомых миру просвещенных монархов. Резко осуждали деспотов. Делились литературными и театральными новостями. Умной и доброй хозяйке салона природа отказала в красоте, зато наградила ее излишней полнотой.

Антиох Кантемир в этом салоне был желанным гостем.

— Наш дорогой друг! — приветливо улыбалась ему герцогиня. — Хотелось бы услышать ваш охотничий рассказ.

— На этот раз мне повезло — встретился крупный зверь. Еще недавно он был всесильным, преславным, мудрым... А теперь он подранок. Гончие его не настигли, но сегодня его улыбка никому не нужна, его ум не приметен, его гнев если не смешит, то и не страшит. Я ему дам место в своей сатире.

— Меня ваше перо дивит и пугает. Хотелось бы мне увидеть ваши стихи в своем альбоме, но моя наружность может вдохновить вас лишь на эпиграмму. Напишите что-нибудь по-русски, я вашего языка не знаю.

— Не знаю, достоин ли вас мой мадригал. Это мои первые французские стихи. Я восхищен вашей душевной красотой.

— Ваш мадригал прекрасен! Но откройте, если это не дипломатическая тайна, почему свои сатиры вы пишете только по-русски?

— Слагать французские стихи мне было бы, вероятно, легче, у французов — тысячелетний опыт стихотворства. И французский климат теплей: что не дозволено Санкт-Петербург, произрастает в Париже. Но свои сатиры я писал, пишу и буду писать только по-русски. А почему — затрудняюсь объяснить.

Глава двадцать третья

ЛИХОЛЕТЬЕ

Он сущий был жандарм...

А. К. Толстой, «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева»

Академический советник Иоганн Даниил Шумахер правил канцелярией Санкт-Петербургской Академии наук. Ему далеко было до более удачливых его едино-

верцев, поклоняющихся богине Лаверне, покровительнице воров, таких, как вестфальский клещ, ненасытный кабинет-министр граф Остерман, обер-взяточник обер-шталмейстер Левенвольд или фельдмаршал Миних, отхвативший в Петербурге в свое владение Крестовский остров, не говоря уже об Эрнсте Иоганне Бироне, прибравшем к рукам Курляндское герцогство. Но и господин Шумахер охулки на руку не клал, он хватал, тянул, уволакивал из Академии все, что можно было.

Приходил к академическому советнику его родич Иоганн, значившийся егерем зоологического отделения благодетельной Кунсткамеры.

— Чем набит ягдташ? — спрашивал охотника академический советник.

— Дичи не принес, не посчастливилось, — скинув охотничью шляпу с пером, докладывал родич.

— Где тебя носило?

Всего охотней родич рассказывал о кнуте, топоре и виселице: он не пропускал в Петербурге ни одной публичной казни. На сей раз на площадь привезли на телеге двух мужиков, закованных в железо, Антона да Семена, и солдатку Степаниду. За непотребные речи о герцоге мужиков сожгли на костре, а солдатке отрубили голову. Костры сперва не разгорались, а после так заполыхали, что огонь перебросился на дома. А на Сытном рынке били кнутом да клеймили попа, который по своему злодейству не пожелал отслужить молебен за здоровье государыни императрицы.

— А за что тебе идет жалованье из академической кассы? — вопросил Шумахер.

— В Академии ничего нового нет, — доложил охотник. — Переводчик Никита Попов изволит досадовать, что немцам в Академии жалованье положено куда больше, чем русским, и в рассуждении должностей великое предпочтение. Господин Нартов, как всегда, вас жестоко бранит, в науке, простите, говорит, скуден.

— Не повторяй! Прошу без лишних церемоний, — сказал Шумахер, левой рукой указывая родичу на дверь, а правой приветствуя входящего академика Крафта.

Георг Вольфганг Крафт озадачил господина Шумахера приглашением мысленно перенестись на Сатурн.

— Там, — пояснил академик, — из-за безмерного удаления от Солнца постоянно пребывает жестокая стужа, и если на Сатурне есть вода, то она там не инако, как под образом мрамора быть может, превращенная в лед. А если обретаются на той планете жители, которым нужда повелела бы дома строить, то они, конечно, употребили бы водяной камень, каковым я называю лед. Я полагаю, из водяного камня на Неве следует возвести ледяной дворец для шутовской свадьбы.

— Главный командир Академии ваше усердие без внимания не оставит.

— А вы слышали? — понизил голос Крафт. — Все чаще поговаривают, что у нас вместо главного командира снова будет в Академии президент, и даже уверяют, что им станет пребывающий сейчас во Франции камергер, знания и достоинства которого нам хорошо ведомы.

Вдаваться в рассуждения на эту тему Шумахер счел неблагоразумным. Но, оставшись один, извлек из канцелярских залежей рукопись Фонтенелева «Разговора о множестве миров» в переводе Антиоха Кантемира.

Служитель доложил о прибытии ее светлости княжны Марьи Кантемир. Академический советник наскоро прикрыл Кантемирову рукопись бумагами и распорядился:

— Проси!

Марья Дмитриевна объяснила Шумахеру, что приехала в Петербург из Москвы на празднество по случаю заключения мира с Турцией.

— Ваш брат много содействовал прекращению вой-

ны,—сказал Шумахер.—У него тонкий ум, редкие дипломатические способности. Между нами, академики поговаривают, что некий высокообразованный человек может стать президентом нашей Академии.

— Князь Антиох, вы правы, действительно много содействовал заключению мира с Турцией,—сдержанно сказала княжна Марья.

— Вы не предполагаете, что он может совершенно неожиданно оказаться в Петербурге?

— О нет, он в Россию не собирается. Антиох нашел бы способ меня предупредить.

— Вы твердо уверены?

— Какие могут быть сомнения! Если бы мне что было известно, разве таила бы я от вас! В доме человека, который столь высоко ценит моего брата, нельзя лукавить. Я вам плачу откровенностью за откровенность. Впрочем, если потребуют обстоятельства, Антиох способен появиться в Петербурге столь же неожиданно, как это произошло в Париже.

— Когда будете писать князю, прошу выразить ему глубокую признательность за книги и астрономические инструменты, присылаемые им из Парижа. И особливо — за белый атлас! Профессор поэзии Готлиб Фридрих Вильгельм Юнкер по случаю избрания обер-камергера Бирона в курляндские герцоги сочинил торжественную похвальную оду на немецком языке. Мы ее напечатали на великолепном белом атласе, украсив оранжево-голубым гербом его светлости. Подношение было милостиво принято. Повелением ее императорского величества Готлиб Юнкер произведен в надворные советники и надзиратели крымских соляных заводов.

— Спорить с баловнями судьбы — поэтами могут лишь придворные шуты, оберегающие царственных левреток,—сказала княжна Марья.

— Посоветуйте Антиоху Дмитриевичу воспеть герцога Бирона одою на русском языке.

— Камергеры не пишут од, — покачала головой сестра дипломата.

— А вашей светлости известно, что способствовало барону Корфу стать командиром Академии наук? Его надгробная речь на могиле Карла Бирона, отца нашего обер-камергера. Барон Корф вопросил: «Можно ли рассуждать о похвальных качествах достойного отца, не касаясь заслуг его великого сына?» И восхитил герцога своим блестящим ответом: «Великий сын увенчивает славу почившего отца, придавая такой блеск моей речи, какого я только в состоянии желать! И я счастлив, что могу окончить свою речь горячим пожеланием высокочтимому обер-камергеру крепкого здоровья и воскликнуть: лучи его славы согревают нас, верных его рабов!..» Ваш брат любит поэзию — это хорошо. Ваш брат переводит сатиры Горация — это неплохо. А если ваш брат воспоет в звучной оде великие заслуги великого герцога — это будет прекрасно!

— Я с вами согласна: сатиры не ценятся при дворе.

— Разрешите вам возразить. Квинтус Гораций Флакк, автор многих сатир, известен своими одами, славившими Августа и Мецената.

По уходе Марьи Дмитриевны Шумахер Кантемиров перевод Фонтенелевой книги переложил со стола на ближнюю полку.

В Петербурге заканчивались последние приготовления к празднеству по случаю заключения мира с Портой. К городу приближался батальон Густава Бирона, брата фаворита императрицы. Навстречу батальону спешно везли два с половиной пуда пудры и веники лавровых веток для деланья «кукардов» к шляпам по образцам древних римлян.

На невском льду воздвигался огромный ледяной чертог — Ледяной дом. Академик Георг Вольфганг Крафт, ежась от дьявольской стужи, дивился тому, как легко, словно играючи, русские мужики пилили ледяные глыбы,

ворочали и ловко поднимали лебедкой. Какой-то мужик с озорными глазами пожалел: «Замерзнет немец!» — и предложил погреться в баньке. Но банька оказалась ледяной, с ледяными кадушками да ледяными ковшами, согреться там можно было, лишь ворочая ледяные глыбы.

Академический егерь обрадовался, приметив у ледяных глыб академика Крафта. Родичу Шумахера не терпелось с кем-либо поделиться известием о жестокой казни: обезглавлены князья Долгорукие... Но академик Крафт словно пребывал не на Земле, а на Сатурне — от стужи стучал зубами.

Морозным утром брат курляндского герцога генерал-адъютант Густав Бирон верхом, с двумя пешковыми скороходами по бокам и верховыми пажами и егерями позади, въехал на Невскую перспективу и проследовал ко дворцу. Нижние чины внесли во дворец знамена. Штаб- и обер-офицеры выслушали монаршее слово и были жалованы венгерским вином по бокалу на брата.

Были объявлены превеликие торжества. Тех, кто недоумевал — чему тут радоваться, если в южных степях уложено сто тысяч русских солдат, а русские крепости будут снесены и сровнены с землей? — препровождали в ушаковский застенок, калечили дыбой, терзали кнутом, горящими вениками и раскаленным железом.

Слухи о Ледяном дворце дошли до Парижа, воспалив любопытство королевского семейства, дипломатического корпуса и придворных. Русский посол при королевском дворе должен был рассказывать о шутовской свадьбе в Ледяном доме, затеянной царедворцами для увеселения российской императрицы.

Молодые — шут Квасник, получивший свое имя от любимого напитка государыни, и шутиха Буженинова, названная так в честь ее любимого кушанья, — из Потешной залы были по морозу в железной клетке доставлены на слоне в Ледяной дом. Размеры сего сооружения весьма внушительные: восемь сажен в длину, две с половиной — в ширину и три — в высоту. Чтобы его величеству были понятны русские меры, Антиох напомнил, что саженного роста был Петр Великий.

Русский посол входил в подробности, занимавшие французского короля и придворных. В покоях Ледяного дома была воздвигнута ледяная постель с ледяной periной и ледяными же подушками. У ледяного стола — тонкие, резной работы, стулья, тоже, понятно, — ледяные. В ледяном поставце красовалась ледяная посуда, стаканы, графины, рюмки. На ледяных блюдах дразнили аппетит раскрашенные искусной рукой кушанья изо льда.

Живого слона, пришагавшего к Ледяному дому, приветствовал трубным сигналом огромный, в натуральную величину, ледяной слон. Трубач, укрытый в слоновьей утробе, издавал на потеху императрице «слоновий крик». Днем ледяное чудище извергало высокий фонтан воды, ночью — фонтан огня.

Российский посол предпочел не распространяться о наградах, воспоследовавших за мирным договором с Турцией. Курляндскому герцогу Эрнсту Иоганну Бирону был поднесен золотой бокал и пятьсот тысяч рублей — по пяти рублей за каждого погибшего русского солдата. Грабителям поменьше были даны и награды поменьше.

Русский посол не рассказывал о том, как государыня Анна Иоанновна со знатными особами веселиться изволила смотрением из окон дворца на кровавые побоища возле водочного фонтана и зажаренных быков с позолоченными рогами. Особливое внимание императрицы привлекли кровавые драки у сугробов, куда герольды в

одежде попугайской раскраски метали серебряные и золотые жетоны.

Умолчал Кантемир и о том, что министр Волынский на Слоновом дворе раскровенил лицо стихотворцу Василию Тредиаковскому.

Жестоко избитый Василий Кириллович утром заковылял к Бирону, чтобы пасть ему в ноги, взывая о помощи и защите. Обрадовался, увидев в герцогской приемной академика Крафта — учителя герцогских детей. Ждал, что вот распахнутся двери и выйдет Бирон в ниспадающем на плечи напудренном парике, в черных латах с оранжевыми рукавами либо в камзоле золотой парчи и кафтане алого бархата, непременно с андреевской орденской лентой и накинутой на плечо малиновой герцогской мантией.

Распахнулись двери, и... свершилось худшее из всего, чего мог ожидать Тредиаковский: в приемную герцога вошел Артемий Волынский.

— Ты зачем здесь? — накинулся Волынский на несчастного поэта и стал бить его по лицу.

На другой день, прикрыв окровавленное лицо маской, с трудом стоя на ногах, Тредиаковский, к восторгу государыни и гогочущих придворных, прочел свои шутовские стихи на шутовскую свадьбу, — с поэтическим шутом надо ли церемониться?!

Императрица вглядывалась в обрюзгшее лицо своего фаворита. Если герцог был задумчив, императрица хмурилась. Когда хмурился герцог, императрица мрачнела. Если мрачнел герцог — императрица чувствовала себя на краю могилы. Но последнее время она все чаще недомогала, и теперь уже герцог весь почернел от размышлений: что его ждет, если императрица отойдет к праотцам?

Бирон и бироновщина были ненавистны России. Злейшим врагом Бирона стал Артемий Волынский, занимавший при Анне Иоанновне высокие посты генерал-адъютанта, обер-егермейстера и — «за особливые заслуги» — кабинет-министра. За «особливые заслуги» бивал его некогда Петр своей беспощадной дубинкой, но при дворе Анны Иоанновны никто не поставил бы ему это в укор. Однако Волынский и его друзья не скрывали своей ненависти к Бирону. Об императрице отзывались с беспощадной прямотой: государыня у нас дура...

Артемий Волынский был обвинен в измене. «Генеральное собрание» определило Волынскому мучительную казнь: посадить на кол. В виде особой милости он, как и его сторонники, был четвертован и обезглавлен.

В августе 1740 года у Анны Леопольдовны, племянницы императрицы, родился сын. Петербургским академикам было приказано составить по небесным светилам гороскоп младенца Иоанна. Звездочеты, очевидно, смотрели не на звезды, а на курляндского герцога, и гороскоп младенца оказался ужасным. Чтобы не напугать императрицу, пришлось предначертания планет и звезд перекрасить в розовый цвет. Вскоре академики убедились, что звезды благосконны к Иоанну Антоновичу, — императрица назначила его своим наследником.

В октябре Анна Иоанновна слегла.

— Застарелая подагра, а также каменная болезнь, — придворные шепотом передавали смертный приговор, вынесенный императрице петербургскими лейб-медиками.

Шестнадцатого октября императрица лебяжьим пером с трудом нацарапала «Анна», тем самым утвердив назначение своего фаворита Бирона регентом при императоре Иоанне Антоновиче, еще сопевшем в колыбели. При живом отце, Антоне Ульрихе Брауншвейгском, вроде

было неудобно назначать регентом курляндского герцога, но Остерман и другие придворные объявили:

— Кроме его светлости, некому быть регентом, он велик заслугами и в российских делах искусен.

— Вы, господа, поступили как римляне, — похвалил Бирон князя Черкасского, генерал-палача Ушакова, графа Остермана и других своих клевретов. Очевидно, об идеалах и законах Древнего Рима Бирон имел свое понятие. Примером для всевластного герцога мог послужить Калигула, повелевший кормить в цирке львов, пантер и других хищных зверей заключенными. Для императора Вителия наслаждением было казнить кого угодно и за что угодно. Присутствуя при казнях, он говорил: «Хочу насытить взгляд!..» Нерон злодеяниями превзошел всех своих предшественников — сжег Рим!

Достойный конец Калигуле, Вителию, Нерону и другим им подобным уготовили настоящие римляне. Калигула был убит ударом меча. Вителия в разодранной одежде, с петлей на шее пригнали на форум. Казнили и крюком уволокли в Тибр. Нерона сенат приговорил к казни «по обычаю предков», когда преступника раздевают донага, зажимают голову колодкой и голого засекают насмерть. Страшась казни, Нерон тогда покончил с собой...

Глава двадцать четвертая
РЕСКРИПТЫ ИМПЕРАТОРА-МЛАДЕНЦА

Хранить старайся духа спокойствие
Во дни напасти; в дни же счастливые
Не опьяняйся ликованием.

Гораций, Книга II, Ода III

Из Петербурга в Париж, по дороге загнав нескольких лошадей, прибыл курьер с ожидаемыми со дня на день, с часу на час депешами. Русский посол незамедлительно довел до сведения французского короля, кардинала и статс-секретаря, что дщерь царя Иоанна Алексе-

евича и Прасковьи Федоровны из дома бояр Салтыковых умерла от каменной болезни, имея от роду сорок шесть лет, восемь месяцев и девятнадцать дней. Императором провозглашен Иоанн Антонович, регентом назначен курляндский герцог Бирон.

Ее величество французская королева была в претензии на Кантемира: почему русский посол не сообщил лично ей о многом, что удалось выведать от других дипломатов. Остерман, говорят, был принесен во дворец в кресле, столь тяжело заболел. Говорят, Анна Леопольдовна высокого роста, а ее супруг малорослый. Покойная императрица плохо почувствовала себя за обедом, обедала она, как обычно, в полдень в своих покоях с курляндским герцогом и его семейством: под балдахином на троне она обедала только по высокоторжественным дням.

Французскую королеву можно было успокоить обещанием, что впредь русский посол будет неотложно и подробно сообщать ее величеству о петербургских дворцовых новостях. Мудреней было решить другую дипломатическую задачу. Генрих Гросс, озабоченный и встревоженный, напомнил Кантемиру: надлежит безотлагательно поздравить курляндского герцога с вступлением в регентство.

— Напишите поздравление и покажите мне, — предложил Антиох. У самого Кантемира не поднималась рука писать славословие человеку, которого ненавидит вся Россия. Никого не обманет герцогский манифест о строгом соблюдении законов и уменьшении подушной подати на семнадцать копеек. Манифестом освобождены от наказания все осужденные, кроме воров, смертных убийц и похитителей многой казны государевой. Но как раз воры, смертные убийцы и похитители многой казны с великим герцогом во главе чувствуют себя вольготно и привольно, а наказанию как злейшие преступники подлежат те, кто страдает от их преступлений.

Вскоре секретарь посольства принес сочиненное им поздравление Бирону.

— Вот вам записка моему родственнику Никите Трубецкому в Петербург, — сказал Кантемир, — отправьте ее вместе с пакетом. В записке я прошу Трубецкого поздравление герцогу передать только в том случае, если духовная императрицы к тому времени останется в силе. А если произойдут перемены — три недели большой срок! — пакет надлежит предать огню. Думается, за три недели, пока наш курьер скачет из Парижа в Петербург, потребность в поздравлении отпадет.

Вечером шестого ноября фельдмаршал Миних пожелал регенту Бирону спокойной ночи. Девка-турчанка Катерина и девка-арапка Софья помогли супруге Бирона герцогине Беттине Готлибе фон дер Тротт фон Трейден приготовиться ко сну. Величавые лакеи Илья и Александр сняли с герцога величавый парик, после чего, по словам очевидцев, голая голова его высочества стала удивительно похожа на желто-зеленую тыкву.

Ничто не предвещало падения герцога. С достолюбезными мыслями о недремлющей лейб-гвардии и неусыпной Тайной канцелярии регент погрузился в сон. Как регент он может самовластно править семнадцать лет — до совершеннолетия Иоанна Антоновича. А там его высочество Эрнст Иоганн Бирон возведет на императорский престол одного из своих сыновей — Петра или Карла, и Россией будет править династия Биронов.

Ночью в герцогской спальне появился долговязый адъютант фельдмаршала Миниха Манштейн с потайным фонарем в левой руке. Правой рукой ночной гость раздвинул голубой бархатный занавес, подбитый желтым атласом и расшитый гербами курляндского герцога. Громогласно, как на плацу, полковник объявил, что желает говорить с герцогом. Проворней ящерицы Бирон вы-

скользнул из-под одеяла и скатился под кровать. Пронзительно завизжала Беттина Готлиба фон дер Тротт фон Трейден.

Здоровенный солдат-преображенец оторвал клок занавеса и гербом заткнул герцогу рот. Эрнста Иоганна закатали в солдатскую шинель и в карете фельдмаршала Миниха повезли в Зимний дворец. Вскоре туда же доставили взятого в постели его брата Густава Бирона и всех членов герцогского семейства.

Младенец император, лежавший в колыбели в Зимнем дворце, был разбужен громкими кликами, возвещавшими о полном успехе дворцового переворота. Секретарь русского посольства в Париже Генрих Гросс должен был признать: Бирон пробыл регентом неполные три недели.

Русский посол поведал королю и королеве: в Париж эстафетой только что доставлен манифест императора-младенца. Иоанн Антонович повелел до его совершеннолетия правительницей быть его вселюбезнейшей матери Анне Леопольдовне. Недавнего регента Бирона Иоанн Антонович повелел за лукавство лишить всех постов, всех наград и заключить в Шлиссельбургскую крепость.

Усталый и больной вернулся Кантемир из Версаля: ужаснейшая дорога и ненасытное королевское любопытство готовы были забрать у него последние силы. Но Генрих Гросс не дал послу отдышаться. Из России поступили новые вести. Фельдмаршал Миних — более не фельдмаршал, не член Тайного кабинета, не генерал-директор над фортификациями, короче говоря, отрешен от всех дел и всех постов. Герцогу Бирону грозит смертная казнь на эшафоте. При дворе, как в колоде карт, идет перетасовка.

— А что ждет нас? — тревожно вопрошал секретарь посольства.

— Об этом мы узнаем из рескрипта императора.

— Российский государь еще не умеет ни ползать, ни лепетать.

— Дорогой мой Генрих! Английский и французский короли умеют держать в руке перо, но не многим отличаются от российского императора — они ставят свою подпись под чужими мыслями.

Кантемир отправил в Петербург реляцию, в которой просил известить его, останется ли он в Париже или будет отозван в Петербург.

В очередной депеше Кантемир вновь напомнил императору Иоанну Антоновичу:

«В заключение своей покорной реляции смелость приемлю еще всеподданнейше упомянуть о моих нестерпимых нуждах, о которых я хоть часто докучал, никакой всемилостивейшей резолюции не получил и в отчаяние прихожу».

И совершилось необычайное: младенец император отозвался на реляцию русского посла в Париже. Кто-то — может быть, князь Черкасский — сообразил, что в недалеком будущем императору понадобится умный, талантливый воспитатель, человек, заслуживший признание и уважение Лондона и Парижа. Его следует вызвать в Петербург, приблизить ко двору. Кстати, пост президента Академии наук никем не занят. Карл Бреверн, пресмыкавшийся перед Бироном, из президентов Академии отчислен, а новый не назначен.

В своем рескрипте государь император указал, что дипломатической деятельностью русского посла при французском дворе он доволен, подтвердил полученное Кантемиром звание камергера и пожаловал чин тайного советника. А сверх того повелел уплатить долги русского посольства. Антиох писал княжне Марье, что вместо просимой отзывной грамоты получил деньги и высокий чин, с проклятыми долгами разделался, но все равно тоскует при дворе, который, по словам француза Лабрюйера, похож на мраморное здание: состоит из усердно отшлифованных придворных. Насмешливый Лабрюйер вопрошал: «Кто пребывает в большем рабстве, нежели усерд-

ный царедворец?» И давал ответ: «Разве еще более усердный царедворец!»

До Антиоха дошла весть о намерении Анны Леопольдовны сделать его воспитателем Иоанна Антоновича. Нет, эта высокая придворная должность, заманчивая для других, его не прельщала, он ее почитал гробницей своей свободы.

Забот у русского посла во Франции было «с залишком». Кардинал и статс-секретарь заверяли его в своих лучших чувствах, а сами рыли для него волчьи ямы при содействии французского посла в Санкт-Петербурге маркиза Шетарди.

Шетарди, плодовитый на выдумки, вознамерился привести русский и французский дворы к разрыву. Маркизу, очевидно, наскучило жить в Петербурге, и для развлечения он потребовал официальной аудиенции у российского государя императора. Возможно, маркиз воспылал желанием своими глазами взглянуть на младенца, который, еще не умея стоять на ногах, сваливает с ног царедворцев, смещает и назначает министров, казнит и милует, решает государственные дела.

Неугомонному Шетарди сообщили, что он в Санкт-Петербурге может партикулярно приезжать ко двору и забавлять себя во дворцовых покоях разговорами и игрой в карты, как это принято и при французском дворе. Маркиз ответил, что немецкого и русского языков он не знает, а по-французски никто в Петербурге, кроме князя Куракина и Елизаветы Петровны, изъясняться не может. И вновь потребовал аудиенции у императора-младенца.

Тогда через посла Кантемира младенец император возвал к французскому королю:

«Затруднение не в том имеется, можно ли государю, будучи в малолетстве, аудиенции давать, дело в том состоит, что сущее и первое младенчество, в котором мы находимся, весьма нам препятствует чужестранного ми-

нистра к аудиенции к себе допустить и яко во всех историях никакой пример не сыщется, который применить к сему случаю возможно было».

Статс-секретарь отверг резонные доводы Санкт-Петербурга, кардинал присоединился к мнению статс-секретаря.

Спор затянулся на многие месяцы.

— Кажется, французский маркиз давно уже вышел из младенческого возраста, а капризничает, забавляя нянек, — говорил Антиох.

После долгой дипломатической баталии маркиз де Шетарди добился победы — его допустили к российскому императору. Венценосца держала на руках Анна Леопольдовна, по сему случаю умытая и причесанная, что само по себе являлось редким событием, — обычно она второпях накидывала платок на свои темно-каштановые волосы и в таком виде ходила даже к обедне. Церемонии причесывания она не признавала.

Правительница Анна Леопольдовна у власти удержалась недолго — произошел новый дворцовый переворот. Русский посол вручил кардиналу де Флери и статс-секретарю доставленный «штафетом» высочайший рескрипт императрицы Елизаветы Петровны: «По всеобщему и единогласному наших верноподданных и государства нашего чинов, особливо же наших полков желанию и прошению мы за благо рассудили императорский престол принять».

Анна Леопольдовна со своим супругом была сослана в Холмогоры, где у них впоследствии появилось еще четверо детей — косноязычных, кривобоких, горбатых.

Низложенный император Иоанн Антонович бесследно исчез — был пожизненно упрятан в секретный каземат Шлиссельбургской крепости-тюрьмы, где узник терял все, даже имя.

Глава двадцать пятая

ДЩЕРЬ ПЕТРОВА

> ...Храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни.
>
> *Д. И. Фонвизин*

Пушкари — громом пушек, звонари — колокольным трезвоном возвестили о въезде в Москву золотой колесницы — на торжество коронации прибыла государыня Елизавета Петровна. В знак превеликой радости последовали превеликие награждения. Лейб-компанцы, «по желанию и прошению» которых дщерь Петрова восприяла царский престол, были щедро награждены чинами, землями и мужиками. Фаворит Елизаветы Петровны Алексей Григорьевич Разумовский, недавний певчий и бандурист, был пожалован высоким придворным званием обер-егермейстера и бессчетными деревнями и селами из бывших Миниховых вотчин в вечное потомственное владение «со людьми и со крестьяне, с пашнею, землею, с леса и сенными покосы и с заводы всякого звания, с мельницами, с лошадьми, со скотом и со всеми тем слободам и деревням принадлежностями».

Варенька Черкасская по случаю коронации была пожалована в камер-фрейлины, а княгиня Черкасская утверждена в звании статс-дамы.

Поэт Тредиаковский остался без награждения, хоть и поспешил восславить всепресветлейшую государыню похвальной одой. Ода была принята холодно, что огорчило поэта и развеселило царедворцев. У Василия Кирилловича еще не зарубцевались раны, полученные при Бироне, но дщерь Петрова и ее придворные пренебрежительно посматривали на незадачливого поэта и насмешками встречали его трудночитаемые стихи. Его дерзновенный замысел перевести на русский язык тридцать

томов «Древней истории», «Римской истории» и «Истории римских императоров» — огромнейший труд! — сочли шутовской затеей. Дескать, где ему, он и за четверть века не управится с переводом!

В пронемецкой Санкт-Петербургской императорской Академии наук по приказу господина Шумахера сбрасывали со стен портреты высочайших и сиятельных особ, ненавистных новой императрице. Безжалостно уничтожали книги, пестревшие именами недавнего государя императора Иоанна Антоновича и его родителя Антона Ульриха.

На тысячу клочьев господин Шумахер растерзал недавно вышедший номер «Санкт-Петербургских ведомостей», где по его повелению восхвалялась изданная его усердием книга «Палаты Санкт-Петербургской императорской Академии наук» с посвящением — дьявол ее подери! — Анне Леопольдовне, отправленной из пышного дворца в пожизненную ссылку.

Христиан Гросс, близкий графу Остерману, покончил с собой выстрелом из пистолета. Причиной его отчаянного поступка, полагал академик Крафт, была густота крови, потому что по всем признакам Христиан Гросс был бы скоро из-под караула освобожден. Императрица, сообщают, дала клятву никого не казнить смертью.

Но почему тогда глашатаи на всех площадях читают под барабанный бой сенатское распоряжение о предстоящем колесовании Остермана, Левенвольда, Миниха, «обыкновенной смерти» их сообщников? Извещалось, что экзекуция будет чинена в десятом часу на Васильевском острове напротив здания Коллегий. Раньше всех к эшафоту явился академический егерь Иоганн, старавшийся не пропустить ни одной казни. Возвратился разочарованный: Остерману, Миниху, Левенвольду и другим при-

говоренным объявили на эшафоте указ о замене смертной казни пожизненной ссылкой.

Низвергнутые царедворцы были отвезены в Петропавловскую крепость под крепкий караул. Ночью Остермана вынесли на постели из каземата и погрузили в сани, хотя его подагра была не притворной. Обросший косматой бородой, похожий на нищего граф Левенвольд на себе почувствовал, каково приходится обвиненным в злочинстве и лукавстве.

Эхо пистолетного выстрела, прогремевшего в Петербурге, дошло до Парижа в виде высочайшего рескрипта от девятого генваря 1742 года:

«А обретающегося при Вас секретаря Генриха Гросса, выдав ему заслуженное жалованье, повелеваем отпустить со службы, пересмотрев прежде его письма, не было ли между ним и его братом (академиком) какой переписки о делах нашего двора...»

— За что? — расплакался Гросс. — Никакой вины за мной нет!..

— Не хнычьте, секретарь посольства!

Кантемир принялся за ответ. Написал. Расписался. Присыпал бумагу мелким песком из песочницы. Предложил Генриху:

— Прочтите.

С горьким вздохом прочел Генрих сообщение посла о том, что высочайший рескрипт получен и высочайшее повеление исполнено, то есть Генриху Гроссу объявлено об отставке.

— Читайте дальше!

А дальше Кантемир писал, что за шесть лет службы Генрих Гросс показал верность делу, ревность к службе, дипломатическое искусство, много прилежности, а высочайшее повеление об отставке принял с жестокой горестью и со слезами. Письма к Генриху от его брата, сообщал посол, приходили в пакете на его, Кантемира, имя,

и почти всегда он, Кантемир, их распечатывал. Чрезвычайный и полномочный посол просил императрицу по ее сродному великодушию иметь милостивое соболезнование о несчастье Генриха Гросса и оставить его на посту секретаря посольства. Всю ответственность Антиох принимал на себя.

— Ваш ответ может вызвать неудовольствие государыни, — предупредил Генрих.

— Поезжайте в Штутгарт, к себе на родину, — спокойно сказал Кантемир. — Да запаситесь месяца на три терпением!..

Вызвал Якоба Жансона:

— Уплатите, будьте добры, жалованье отбывающему господину Гроссу.

— Сполна, сэр? — спросил Якоб Жансон. Во взгляде его читалось: «А что у нас останется на руках? Прикажете одолжаться у банкира под зверские проценты?» И с полувзгляда Жансон понял: все это Антиоху Дмитриевичу хорошо известно.

Расстроганный Генрих направился укладывать пожитки.

Посол посоветовал:

— Возьмите лишь самое необходимое.

— Вы уверены, что я вернусь?

— Генрих, вы напоминаете петербургскую погоду: лишь повысохли лужицы, снова — дождь?

Явившийся с обычным визитом врач ужаснулся, когда Антиох сообщил, что велел верному Легриму выкинуть все лекарства за окошко, потому что не видит в них никакой цельбы.

— А чем вы думаете лечить?

— Существует старое верное средство. Надлежит взять шестнадцать золотников мостового белого стуку.

— Белого стуку? Как понимать ваши слова?

— Добавить шесть золотников светлого весеннего конского топу.

— Весеннего топу?

— Мелкого! Да один золотник тележного скрипу. Смешать. Растолочь. Отварить. Встряхнуть. Принимать по три дня на морозе, пока тело не станет от стужи вишневым.

— Мой бог! Вам необходим отдых, лучше всего в Италии. Поезжайте месяца на три.

— Почтеннейший мой целитель, у вас на уме только шутки. Три месяца! — засмеялся Кантемир. — Да кто меня освободит на столь длинный срок? Окончилась война с турками, но вновь идет война со шведами. До отдыха ли дипломату?

— Поезжайте в Россию, — предложил врач. — Я охотно стал бы вашим спутником. Вместе ехать приятнее и дешевле. Кстати, правда ли, что немецкий язык при санкт-петербургском дворе перестает быть главенствующим?

— Я хочу, чтоб в России главенствовал русский язык. Когда-то я сочинил на себя эпиграмму: «Кто я таков — не скажу, а вот моя примета: не русак, дик именем, млады мои лета». А когда я стал постарше да пожил за границей, вдали от России, сердцем понял — я для России не чужестранец. Россия — моя Родина. Я по своим мыслям — русский. Россия — моя жизнь!

Антиох заставил Иностранную коллегию и русский двор считаться с его мнением. Из России в Париж пришел высочайший рескрипт:

«Принимая во внимание поданное вами свидетельство об искусстве Генриха Гросса и годности к нашей службе и по нашему императорскому великодушию всемилостивейше объявляем, чтобы вы опять приняли его в вашу канцелярию».

И вот Генрих снова в русском посольстве. Его радостно встречает Антиох Кантемир.

— Не удивляйтесь, что от меня пахнет розами, — говорит русский посол. — По приглашению Сеид-паши, турецкого посла во Франции, я нанес ему визит и был принят со многой учтивостью. Сам Сеид-паша встретил меня в первой передней, посадил в кресло по правую руку, предложил кофе, шербет и по турецкому обычаю в знак особого уважения опрыскал розовой водой. И теперь я все вижу в розовом свете.

Глаза Кантемира сияли.

Но не шербет же и розовая вода были тому причиной!

Может быть, статс-секретарь Амело перестал хитрить, и кардинал де Флери на старости лет решил говорить только правду? Нет! Кантемир показал Генриху копию своей недавней реляции в Петербург:

«Сами французы говорят, что кардинал отложил всякий стыд и не боится божьего наказания, он, по общему мнению, и в бога не верит, несмотря на то, что в своих разговорах всегда призывает имя божие».

Господин Амело был достойным сподвижником кардинала.

Так может быть, успокоился французский посол в России, капризный маркиз Шетарди? Нет, ему кружат голову не только тысячи бутылок вина, привезенные им в Россию. Вспыльчивый посол успел поссориться и подраться на шпагах даже со своим коллегой — французским дипломатом. Готовя неприятности русскому послу в Париже, Шетарди намерен покинуть Россию, он в обиде на русских. Настойчивый до дурости, Шетарди не столь давно переспорил императора-младенца, но его самого перехитрила, как младенца, русская императрица Елизавета Петровна.

Может быть, перестал хитрить русский двор? Нет, Бестужев-Рюмин, пришедший на смену двуличному Ос-

терману, не уступает своему предшественнику в каверзах и обманах. Русскому послу во Франции по-прежнему приходится разгадывать тайные замыслы и умыслы французского и российского дворов.

Но, может быть, дщерь Петрова вняла просьбам посла и повелела перевести деньги хотя бы за прошлый год? Нет, Кантемир при всей своей бережливости задолжал банкиру Верные и торговцам пятнадцать тысяч рублей и вынужден вновь и вновь взывать к ее императорскому величеству, умоляя выдать всю надлежащую сумму за год идущий и год минувший. Долги растут. А в партикулярном письме Кантемира предупредили о предстоящем резком сокращении его жалованья, отчего при французском дворе к нему произойдет крайняя остуда.

Так почему же у Антиоха сияют глаза? Может быть, сатирические стихи Кантемира наконец-то вырвались из беспросветного плена и попали на печатный стан?

Нет, как мифический Сизиф, Кантемир, не щадя сил, поднимает и катит в гору тяжеленные камни. И снова они срываются и катятся с горы. Упрямый смехотвор хочет во что бы то ни стало напечатать свои сатиры, но они существуют лишь в рукописном виде. Антиох намерен послать их русской императрице. Только вряд ли им обрадуется дщерь Петрова. Сатира не ода, как ни причесывай строки, не причешешь и не пригладишь ежовые иглы!

Так может быть, Кантемир-просветитель радуется успеху своих переводов? Он намерен познакомить русских читателей с избранными произведениями лучших авторов Франции. Появление Кантемировых переводов будет крупным событием, они помогут в России торжеству ума! Антиох уверен, на Руси появятся книги, достойные перевода на европейские языки. Нет, русский посол во Франции вынужден скрывать от царедворцев свою причастность к литературе, свои литературные за-

нятия, свое близкое знакомство с лучшими писателями Франции.

Утром секретарь посольства отправлял в Россию донесение Кантемира о парижских делах. Бумага заканчивалась словами:

«Сколько могу прилежнее о том прошу, чтобы в наступающем году меня от здешнего двора отозвать в отечество».

Глава двадцать шестая

ДУХ ЗАКОНОВ

Иногда молчание бывает выразительнее всяких речей.

Шарль-Луи Монтескье

Переставляя книги на полке, Легрим похлопывал ладонью по переплетам.

— Справедливо говорят, что у книжек своя судьба, — пытался он втянуть в разговор Якоба Жансона. — Вот из-за такого томика не столь давно шел смертный бой — на шпагах в книжной лавке! Побежденный, к счастью, отделался легкой раной. Победитель завоевал книгу, последний экземпляр! А эта книга, я полагаю, послужит ее автору патентом на звание одного из сорока бессмертных французских академиков. Мой друг Якоб, вы не сделаете ошибки, если скажете, что бессмертие уготовано многим томам и томикам, стоящим на почтеннейшей полке.

— Вполне возможно, — отозвался Жансон.

— Снимите любую книгу с полки. Золотое созвездие талантов! Надо ли называть имена?

— А почему бы и не назвать! — сказал Якоб.

— Друг мой, вы сами их знаете. Разве вам не известен мудрый француз, знаменитый сатирик? Разве не запомнились вам ироническая улыбка на его тонких губах и проницательный взгляд?

— Вольтер?

— По-своему вы правы, — согласился Легрим. — Сказанное мною можно отнести и к Вольтеру. Но я подразумевал автора «Персидских писем» господина Монтескье. Кстати, я слышу стук колес — не его ли карета остановилась у наших дверей?

Сам Кантемир вышел встречать желанного гостя, осторожно ступая по хлюпающему настилу.

— Не поскользнитесь! — предостерег он. — По милости Сены мы в посольстве живем, как праотец Ной после потопа, — в моих комнатах до сих пор еще стоит вода, хотя река и вошла в русло.

— Наша Сена, как видно, решила потягаться с вашей Невой.

— С нашей северной красавицей капризная француженка не сравнится, — сказал Антиох. — Побывали бы вы, государь мой, на невских берегах белой ночью! Чтобы видеть наше северное диво — белую ночь, — надо оказаться на Неве в ту пору, когда весна празднует встречу с летом. Ни один парижский художник не рискнет изобразить ночь белокурой, белокурую ночь надо видеть! Как мне хочется возвратиться в Россию!

— Неужели вас не покорил веселый, шумный, праздничный Париж?

— Свет так устроен, что нигде не обретешь полного блаженства. Проходят дни, и самое удивительное становится привычным. Ваш соотечественник сказал, что приедается даже божественный нектар на Олимпе! С юных лет я мечтал побывать в Париже, посетить Версаль, Фонтенбло. Теперь я живу в столице Франции, пользуюсь всеми богатствами жизни и... с нетерпением жду, когда же отсюда выберусь. Жизнь посла при королевском дворе, пожалуй, самая приятная, какую можно вести, — не будь тут короля, придворных, окаянной суеты и неотвязных кредиторов. В Фонтенбло я приезжаю по обязанности, трачу время, теряю здоровье.

— Да, сегодня у вас утомленный вид. Но я приехал поблагодарить вас за сведения о турецких султанах.

— В меру моих скромных сил и познаний всегда готов вам служить! И очень прошу внять предупреждению: автора «Персидских писем» я так просто не отпущу. Вы мне очень нужны. Я вчитываюсь в ваши строки и словно воочию вижу самых разных людей: толстяка проповедника, и поэта, которого загнал к вельможе голод, и старого вояку: он не оставил службу, она его оставила, и приезжего, покупающего чужой ум; и грамматиков, толкователей, комментаторов — они обходятся без здравого смысла, но их творения от этого не делаются хуже; и вашего волшебника короля, чья власть простирается даже на мысли подданных. Вот я и прикидываю: как все это воспроизвести в русском переводе?

— «Пренебрежительно отвергая любую хвалу, мы проявляем своего рода грубость». Увидеть свою книгу в России в переводе поэта-сатирика будет для меня лестно и приятно. Кстати, наш досточтимый Октавиан Гуаско, с вашей помощью изучающий русский язык, хвалил мне ваши депеши — умные, изящные, дельные.

— Ныне они теряют свою секретность.

— А долго ли будут «секретными», недоступными для читателей ваши сатиры? Я слышал, Октавиан Гуаско намерен перевести их со всеми вашими примечаниями на французский язык, прозой.

— При клокочущей энергии Октавиана парижане получат книгу моих сатир раньше, чем россияне.

— Боюсь, я причинил вам боль?

— Понемногу я приучил себя не печалиться от многих моих печалей.

— Думается, вы их загнали вглубь!..

Уходя по настланным доскам, гость недобрым словом помянул разгульную Сену. Кантемир усмехнулся. За одну любезно оказанную услугу он благодарен реке и непо-

годе: на какое-то время избавился от агента тайной полиции, наблюдавшего за каждым его шагом.

— Не сомневаюсь, — сказал Кантемир, — когда простуженный, измокший господин фискал откашляется, отчихается, отфыркается, — он вернется на свой пост. Опасаюсь, что он и вас приметил.

— Мой дорогой посол, вы шутите с огнем — содействуете мне в написании книги «О духе законов» и намерены перевести ее на русский. Страшно подумать: посол деспотической власти набирается во Франции крамольных мыслей и хочет распространять эти мысли в России!..

Вечером в русское посольство заглянул Октавиан Гуаско.

— А что, если в ожидании посла немного перекусить? — спросил итальянец. — Любезный Якоб, принеси что-нибудь из того, чем питается русский посол в Париже.

— На завтрак — молоко.

— Пропустим завтрак.

— На обед — молоко.

— Пропустим обед. А что на ужин?

— Молоко.

— Нет, мне принеси что-нибудь поплотнее, чем питаетесь вы с Легримом. Вот это другое дело! — похвалил Октавиан плотный ужин.

Вскоре вернулся Кантемир.

— Очень хорошо, что пришли, друг мой, — сказал он Октавиану. — Предстоит серьезный разговор.

— О чем? — видно было, что итальянец приготовился к самому худшему.

— Я должен познакомить вас с «Письмом Харитона Макентина».

— О чем же письмо?

— О поэзии, точней — о русском стихосложении.

— Харитона вежливо попросим обождать, — со вздо-

хом облегчения сказал Гуаско. — Вначале ответьте: почему у вас введен, с вашего позволения, телячий рацион?

— Мне предписана легкая пища. Но о моем здоровье не тревожьтесь. Прочтите мое письмо к сестре, оно еще не запечатано. Вот строки, которые относятся и к вам: «Умоляю Вас раз и навсегда не беспокоиться о моем здоровье, так как никогда не оставлю Вас в неизвестности. Если будет что-то серьезное, при моей должности протрубят об этом в газетах».

— Разговор с Макентином доверьте мне. Если этот господин навязчивый, ткну ему банкой микстуры в нос!

— Остановитесь! — шутливо попятился Антиох. — Замахнетесь на Харитона — попадете в меня.

— Кто же такой Харитон Макентин? Откуда он взялся?

— Харитон — распространенное в России имя. По-гречески оно, как вам известно, означает: привлекательный, любезный, радостный. Мы с ним оба любители поэзии, и наши взгляды на поэзию полностью совпадают. Имена — тоже, то есть составлены из одних и тех же букв. Только у Харитона — одна лишняя.

— Я в вашем распоряжении! — сказал итальянец.

— Я вам рассказывал, как Василия Тредиаковского, ученого и поэта, при Анне Иоанновне решили превратить в жалкого придворного шута, и, чем горше были его страдания, тем громче улюлюкали и веселились при дворе. Но разговор не об этом. Тредиаковский, первый на Руси, написал и напечатал книжку о российском стихосложении. Свой труд он предоставил рассмотрению, испытанию и исправлению всех, кто интересуется русской поэзией, каковым и оказался мой любезный соотечественник Харитон Макентин. Впрочем, по правде говоря, любезность оставляет Харитона, когда он слышит высокомерные суждения о стихотворстве. Он говорит: «Кто не отведал еще стихи сочинять, почитает, что нетрудное дело несколько

слогов вместить в одну строку...» И что «...легко, на одной стоя ноге, много их намарать может...».

— Не очень кстати Харитон Макентин ворвался к вам в кабинет. У вас — посольские дела, всегда серьезные и неотложные. У вас — переписка и встречи с учеными. У вас — перевод французских книг. Перевод на итальянский книги вашего отца. Откуда же возьмете вы время?

— Полюбуйтесь на песочные часы — это сокровище принес мне Легрим. Тонкой светлой струйкой бежит мелкий песок. За пятнадцать минут он весь, до последней песчинки, сбежит вниз. Человеческая жизнь коротка, и впрямь кажется, что у человека, исполняющего какую-либо должность, не имеется лишних часов. А я считаю, что при желании и старании из суток всегда можно выкроить четверть часа, а то и побольше. Нужно немного укоротить время обеда, ужина, сна, нужно быстрей приступать к каждому делу и всякий день сберечь хотя бы пятнадцать минут. А если сбереженное время отдать перу, за год может возникнуть книга. Песок моих часов поистине можно назвать золотым. Предупреждаю: в «Письме Харитона Макентина» восемьдесят три параграфа, так что будем почаще поглядывать на тонкую струйку. С Василием Кирилловичем, принявшим на себя почему-то роль предводителя стихотворцев, я далеко не всегда согласен.

— Вижу, ваш Макентин основательно потрудился.

— Я требовал от него краткости и точности. Как и любые законы, должны быть лаконичными, ясными и законы поэзии.

...Когда дошли до двадцать третьего параграфа, Октавиан вспылил. По мнению итальянца, за непрошеное исправление первой строки первой Кантемировой сатиры Тредиаковского надо вызвать на дуэль!

— У Харитона Макентина сказано достаточно резко и убедительно, — возразил Кантемир. — «Частое повторе-

ние тех же согласных в одном и том же стихе весьма уху досаждает, и потому должно того убегать».

— Вы и в поэзии дипломатически вежливы, — гремел Октавиан, — беспредельно учтивы! ..

— Если я буду кричать, что чьи-то стихи досаждают моим ушам, мне могут возразить: «Ваш крик досаждает больше! ..» Истина рождается в споре, а не в крике.

— Все же надо было сказать резче!

Параграф за параграфом, главку за главкой обсуждали Антиох с Октавианом. Сравнивали русский язык с французским, итальянским, английским, гишпанским и находили в русском громаднейшие, еще не ведомые поэтам, богатства. Чувствовалось, что Антиох над каждой строкой долго и вдумчиво трудился, что помогали ему вдохновение поэта, многолетний труд дипломата, острый глаз и тонкий слух переводчика. Однако у «Письма Харитона Макентина» были уязвимые места. Антиох Кантемир остался верен силлабическому, то есть слоговому стихосложению, правда, с оговоркой: «. . .нужно наблюдать, чтоб во всяком стихе на некоторых двух слогах лежало ударение голоса». Силлабо-тонического стихосложения Кантемир так и не принял. Много лет живя среди иностранцев, Антиох утратил живую связь с русской поэзией. Его «второе я», Харитон Макентин рассуждал, как обрусевший грек или, может быть, француз. . . Антиох и его друзья не уловили главного — русская поэзия должна пойти своей дорогой.

Харитон Макентин согласился с Тредиаковским, что тринадцатисложник, которым Кантемир писал все свои сатиры, впредь надлежит делить на два «полстишия», первое из семи слогов, второе — из шести. Причем сам Макентин потребовал, чтобы или седьмой, или пятый слог полустишия был долгий, в последнем случае шестой и седьмой должны быть короткими. Во втором полустишии должен всегда быть долгим предпоследний слог. Тредиаковский потребовал мерять тринадцатисложник

стопами, а не слогами, с насмешкою добавив: «...как доныне наши многие стихотворцы поступают, а особливо веселые бандуристы и нестройный полк песнописцев».

Когда Октавиан и Антиох от правил тринадцатисложного стиха перешли к правилам эндекасиллаба катуллианского, вошел доктор и застучал тяжелой тростью:

— Именем Гиппократа повелеваю остановиться! — и покачал головой: слишком плохо выглядит Кантемир.

Глава двадцать седьмая

ТРИ КИТА

Малой человек и на горе мал; исполин велик и в яме.

М. В. Ломоносов,
«Краткое руководство к красноречию»

Императрица Елизавета Петровна более всего боялась нечистой силы, разговоров о смерти, пожаров и, наконец, мышей. А зловредные мыши расплодились во всех дворцовых покоях да настолько обнаглели, что ее величества кабинету пришлось позадуматься: как быть? Спасибо, императорская Академия наук навела на ум: лучшие коты, удобные к ловлению мышей, обитают в Казанском уезде и близких к нему провинциях. И тогда казанской губернской канцелярии от имени императрицы было указано немедленно сыскать тридцать казанских усачей, знаменитых своим пышным мехом, воинственным характером и острыми когтями, и без промедления отправить к санкт-петербургскому двору.

Сыскание означенных мышеловов и доставка этого беспокойного груза была поручена мастеру на все руки Кузьме. Поговаривали, что он знал петушиное слово, посему любое дело у него спорилось: кому — помеха, ему — потеха! И впрямь, чего только не делал Кузьма на своем веку: запрягал медведей в сани, управлял свиной упряжкой, у Ледяного дома погонял тройкой винторогих козлов,

возил из-за моря коротколапых такс. И на сей раз он благополучно доставил своих подопечных с волжских на невские берега. Правда, три кота дорогой сдохли, а два — сбежали, но неунывающий Кузьма восполнил убыль котами санкт-петербургскими и даже получил в награду от милостивого начальства похвалу, из которой, конечно, шубу не сошьешь, но на душе теплей.

Вечером Кузьма шагал по Большой Першпективной, там, вблизи молодого сада, именуемого «огородом», жили его знакомые.

— Господин Юнкер! — подошел Кузьма к упитанному, хорошо одетому немцу. — Не боитесь ходить в одиночку? Здесь в поздний час пошаливают!..

— О! Меня в Петербурге многие узнавать имеют! — откликнулся Готлиб Юнкер, академик по кафедре поэзии. — Я иду к господину Михайле Ломоносову, который служит в Академии наук.

Господин Юнкер вряд ли снизошел бы до разговора с мужиком, кабы не боялся остаться в темень один.

— Он — мой земляк, мы из Куростровской волости. Здесь он живет рядом — в деревянном доме на каменном фундаменте.

— Знаю, где живет, да не знаю, как примет.

— Осмелюсь, господин Юнкер, спросить: вы по соляному делу или со стихами?

— У Михайлы Васильевича светлая голова, даже самая светлая — сказал о нем наш знаменитый Вольф. Колодец знаний! Так не говорят? Вспомнил: кладезь! А какая разница — колодец или кладезь?

— Михайлу Васильевича об этом лучше не спрашивать.

— Я тоже так думаю, — поежился академик по кафедре поэзии. — Крутой характер!.. Но кто, кроме Ломоносова, переведет торжественную оду, сочиненную мною по случаю из Москвы в Петербург ее величества Елизавет-Петровна счастливого прибытия?..

Юнкер свернул к ломоносовскому крыльцу. Кузьма усмехнулся: однажды ему довелось услышать отзыв Ломоносова о стихах Готлиба Юнкера. «Нет в них ни складу, ни ладу, и весьма досадно такую глупость переводить на русский язык», — сказал земляк.

Через несколько дней императрица Елизавета Петровна с придворными кавалерами и знатными мужского и женского пола персонами прибыла в Петербург.

Немцы-стихотворцы Готлиб Юнкер и Яков Штелин при встрече наперебой похвалялись содеянным для прославления императрицы. Штелин на праздниках играл на флейте, рисовал эскизы костюмов для придворных маскарадов да еще исправно содержал придворный журнал, внося обстоятельные артикулы в ведомости, с коих артикулов во всех европейских газетах печатались копии. За все это ему обещан чин надворного советника. В свою очередь Готлиб объявил, что его немецкую оду слово в слово перевел на русский язык Ломоносов.

Юнкер и Штелин горячо пожелали друг другу достойной награды за усердные труды. Но пожелание это не сбылось.

Очень скоро Готлиб Юнкер и Яков Штелин снова встретились в Академии наук, торопясь выплакать горести и обиды.

— Вы слышали? — шептал Штелин. — Наш академический секретарь господин Шумахер под строгим арестом! Назначено следствие.

— Чудовищно! — вторил Якову Готлиб.

— У него и у его друзей опечатано имущество! — ахал Штелин. — У самого академического советника, у контролера Гофмана, книгопродавца Прейсера и канцеляриста Паули! Какой ужас! И обещанный чин надворного советника мне не дали!

Готлиб клял Михайлу Ломоносова:

— Химик сочинил свою собственную оду — она и удостоилась похвалы!

— А чью-то другую, слышал я, отдали фрейлинам на завивку локонов. Не вашу ли? Не может быть!

Издали увидев Андрея Константиновича Нартова, Юнкер и Штелин отвесили ему почтительнейший поклон. До назначения нового президента Академии наук Нартову поручили все академические дела.

— Так что же, мои бравые стихотворцы, русская пословица гласит: назвался груздем — полезай в кузов, — усмехнулся Нартов. — В переводе это будет означать: назвался стихотворцем и стихи твои пошли на завертку в лавке — не кипятись! Кажется, так учили сатирики в древности? А грубоватый Марциал говаривал, помнится, резче: «От поэтов навязчивых в нужник спасаться беги!» — Нартов громко засмеялся, вынужденно подхихикнули собеседники.

— А на вас я сердит, — сказал Нартов Юнкеру. — Вы что же такое, сударь мой, нацарапали в своей «Записке»? По вашему свидетельству, честнейший Шумахер никогда не брал не только казенного рубля — на копейку не зарился, ни гроша не трогал, ни полушки! А Шумахер повинился, что на руку нечист, тащил все, что плохо лежало. И что хорошо лежало — тоже тащил!

Милостивая судьба в это время направила к Нартову поэта Тредиаковского, и немцы-стихотворцы поторопились откланяться.

— Василий Кириллович, не начать ли и мне сочинять стихи? Мы с вами, почитай, родственники!

— Как так? — удивился Василий Кириллович.

— Не кажется ли вам, что умелый токарь должен быть похож на умелого стихотворца, а искусный стихотворец должен быть искусным токарем?

— Не кажется.

— Искусный токарь своим резцом что угодно выто-

чит умно и красно, а стихотворец своим пером отточит каждую мысль в строчку.

— Нет, нет! — воспротивился Василий Кириллович. — Разве можно, Андрей Константинович, равнять токаря и поэта!

— Я вам назову Ломоносова — искусен в любом деле!

— Ломоносов? Пожалуйста, пусть точит, рубит и пилит! Спорить не стану! ..

Василий Кириллович был зол на Ломоносова. Василий Кириллович считал себя провозвестником, открывателем, зачинщиком новой русской поэзии. Никто не может отрицать, что он в своей знаменательной книжке «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» первый в России возвестил: силлабические, сиречь слоговые вирши не свойственны русскому языку — и предрек им скорую кончину. А кто провозгласил: почти главная сладость российских стихов состоит в рифме с ударением на предпоследнем слове? Тредиаковский!

Сочетание женской и мужской рифмы ужасало предводителя стихотворцев, каким считал себя Василий Кириллович, словно кто наипоклоняемую, наинежную и самым цветом молодости сияющую красавицу выдал бы за дряхлого, черного и девяносто лет имеющего арапа. В своих суждениях он был непреклонен, уничижительно отзывался о ямбе, горячо восхвалял хорей.

А Ломоносов первый на Руси — с ним сроднилась слава первопроходца и первооткрывателя — написал звучным ямбом блистательную оду, затмившую все стихи предводителя стихотворцев. Поэтическую победу Ломоносова Василий Кириллович воспринял как предерзостную обиду, нанесенную ему, Тредиаковскому.

Еще огорчительней для Василия Кирилловича было письмо Ломоносова Российскому собранию профессоров и адъюнктов. В предерзостном письме Тредиаковский назван не был, но в него метила ломоносовская насмешка: дескать, тому, кто употребляет лишь одни женские риф-

мы, странным кажется сочетание мужских, женских и даже трегласных рифм. Но если бы он к сему применился, ему бы никогда мужская рифма девяностолетним арапом не показалась.

Кабы не болезненное самолюбие Василия Кирилловича, столь нещадно растревоженное острым пером Михайлы Ломоносова, стоило бы ему согласиться с автором письма: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а то, что ему весьма не свойственно, из других языков не вносить. С Ломоносовым похвалил бы он доброхотную природу, которая с другими сокровищами дала России неисчерпаемое богатство языка. Вместе с Ломоносовым сказал бы: «Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не только бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но подобно оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может».

— Любезный Василий Кириллович, — сказал Нартов. — Когда я был маленьким, меня учили, что Земля держится на трех китах.

— Вы это к чему?

— Верите или не верите, российская поэзия точно держится на трех китах. Вас, по справедливости, надлежало бы величать не Василием Кирилловичем, а Китом Китовичем!

Польщенный Кит Китович согласился: и впрямь лишь киту под силу подобная тяжесть! И разошлись бы они, довольные друг другом, да Нартов решил уточнить имена достославных поэтических силачей:

— Вас трое: Ломоносов, Кантемир и Тредиаковский!

И тут Василий Кириллович осерчал: а почему он на третьем месте? Его, автора первой оды, его, автора первой книги о поэзии, его, открывателя нового способа сочинения русских стихов, хотят откинуть на третье место! Круглый год он страдает от несправедливости. Только

в феврале ему меньше обид, и то лишь затем, что в нем, в феврале, и в самый високосный год меньше дней значится!..

— Помогите! Защитите от Ломоносова! — раздался крик, и в комнату ворвался академический садовник Штурм.

— Постойте, Василий Кириллович! Да не маши руками, Адам Адамович!.. Размахался, что мельница на косогоре!..

Штурм стал жаловаться. У него в горнице шумно и весело пировали гости. Внезапно в горницу вломился господин Ломоносов. Хозяина и гостей обозвал нечестивыми словами.

— Хорош ваш кит! — пожал плечами Василий Кириллович.

— И тогда, — приободрясь, продолжал садовник, — один из гостей, уважаемый лекарь Брашке, запротестовал и сказал Ломоносову, что при честных людях нельзя говорить непотребно!.. Ломоносов ответил, что честным людям ничего не будет, и схватил болван, на котором парики вешают.

— Если честным ничего не будет, чего же бояться? — спросил Нартов.

— А епанча? — вопросом ответил Штурм. — Если у господина Ломоносова пропала епанча, разве его урезонишь! Гостей разогнал, вино пролил!

— А что за вино? Из академических запасов? Дармовое? — заинтересовался Нартов. — Да как же вы, судари мои, пили, не закусывая?

— Была закуска! — академический садовник похлопал себя по животу.

— Не та! — сказал Нартов. — Блаженной памяти Петр Великий, будь он жив, предложил бы к уворованному вину другую закуску! — Нартов похлопал садовника по спине. — Свою крепкую дубинку, чтобы впредь не воровал! Хаживала она по спинам ворюг!

— Пусть Брашке поставит к синякам и ссадинам примочки, — посоветовал Василий Кириллович.

— И себе, и гостям! — добавил Нартов. — А епанчу, будьте ласковы, без задержки верните владельцу. Уходи, Адам Адамович, подобру-поздорову! .. А с вами, Василий Кириллович, мне надо посоветоваться. Прошу!

Нартов пригласил Тредиаковского в канцелярию. Придвинул стул.

— Вы каких лет?

— Ровесник Петербурга.

— Третьего года сего века! А я прихватил семь годков века минувшего. Петербург вырос на моих глазах. Хорошо вами сказано: «О! Прежде дебрь, се коль населена!» Но я скажу вам, академические дебри разрослись пуще. Не знаю, если вдуматься, что было бы лучше для дела: Академия наук с президентом либо Академия наук без президента? Когда вместо хозяина пустое место — плохо! А когда хозяин — пустое место — еще хуже!

— Вы что-то ищете?

— Покойный Христиан Гросс передал Шумахеру для напечатания в типографии Академии наук стихотворные переводы сочинений Горация, сделанные в Париже некоторым охотником до стихотворства. Вероятно, догадываетесь, о ком говорю?

— Антиох Дмитриевич Кантемир — наш первейший сатирописец, — отозвался Василий Кириллович. — К обиде и досаде, пока что его сатиры ходят лишь по рукам в списках, а надо бы их оттиснуть на печатном стане. Вы согласны?

— Блаженной памяти государь Петр Алексеевич сказал бы: сатира вроде дубинки на голову — не любезна, да полезна! Пока что наша Академия президента не имеет, и никому не ведомо, когда его Академии наук даруют; решать приходится нам самим. Кто скажет, нужен ли Гораций нашей Академии наук, Петербургу, России?

— Не понимаю вопроса.

— Жил Петербург без Академии наук, проживет Академия без Горация!

— Так рассуждать может лишь невежда из Кантемировой сатиры! — вспылил Тредиаковский.

— Погодите, Василий Кириллович! Я не поэт, а механик и ваятель, но теперь о Горации кое-что знаю, спросите для проверки! Не хотите? Сам спрошу и отвечу. Когда родился? Семнадцать веков назад. Где? В городе Венузий Апулийского уезда. Кто его отец? Вольноотпущенник, или, по Кантемиру, — свобожденник. Чем славен Гораций? До нас дошли пять книг его песен, две книги сатир, две книги посланий и «Наука стихотворства». В беседах он был весел, вроде меня, в пище умерен, вроде вас, особливо когда вы обучались в Спасских школах. Первейший стихотворец древности.

— Вы все это узнали из рукописи?

— Наскоро перелистал и запомнил толковые примечания и умное содержательное «Житие». Прочел некоторые стихи Горация с пояснениями Кантемира, и предо мною предстал Квинтус Гораций Флакк.

— Андрей Константинович! У вас в руках величайшее сокровище!

— Переводчик уповает, что со временем другие, искуснейшие люди не только довершат перевод всех сочинений Горация на русский язык, но ознакомят наш народ с лучшими произведениями лучших писателей древности, отчего произойдет немалая польза к распространению наук в нашем отечестве.

— Но вы, Андрей Константинович, не стихотворец. Поручите рукопись мне, — взмолился Тредиаковский.

— Это еще не все, — продолжал Нартов. — В канцелярию, над которой я теперь начальствую, поступило, тоже из Парижа, Письмо о сложении русских стихов.

— От Антиоха Дмитриевича?

— Нет, от Харитона Макентина.

— Остроумно придумано! — восхитился Василий Кириллович.

— Я велю «Письмо Харитона Макентина» напечатать вместе со стихами Горация в переводе нашего парижского посла.

— А мне поручите корректировать.

— Я как раз и хотел об этом вас просить.

Как-то утром Кузьма заглянул к знакомым батырщикам в типографию Академии наук.

— Со мной ничего не делается, жив-здоров, кормлю комаров! А вы чем заняты?

— Сидим с ложкой у миски, ждем горячих щей, да печь не топлена. Кузя, не пойдешь ли к нам в Академию президентом?

— Пойду, только чистую рубаху надену — загрызут! Вы лучше скажите, не знает ли кто, где найти два глобуса, что были у покойного Ивана Ильинского? И может быть, видели, еще была у него старая Библия и портрет князя Кантемира? Его сестра, княжна Марья, дорого заплатит.

— Поздно спохватился, — сказали батырщики. — От Ильинского только и уцелело: кривая кадушка, надтреснутый ковшик да оленьи рога, приколоченные к стене. А княжну Марью ждет радость — набираем две книжки ее брата, выйдут под одним переплетом.

— Вы что? — озлился Кузьма. — Не посмотрю, что вас четверо, расшвыряю!.. А ведь верно! — он признал знакомый красивый почерк. — Земной вам поклон! А я думал — смеетесь, дразните.

Кузьма повеселел, словно увидел зазеленевшую веточку — вестницу долгожданной весны. Надо передать добрую весть княжне Марье. Пусть напишет в Париж брату или отправит его гонцом.

«Нет, — передумал Кузьма, — торопиться не след. Столько было неудач. Раскроются почки, а по ним мороз грянет! Лучше обождать».

Глава двадцать восьмая

К СТИХАМ СВОИМ

Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок.

М. Е. Салтыков-Щедрин, «Мелочи жизни»

Якоб Жансон подвел Легрима к окну и показал на подъезжающую карету.

— Что вы скажете, мой дорогой друг?

Легрим определил мгновенно и безошибочно:

— Какой-то бездельник. Пожаловал из России. С деньгами. Никогда в Париже не был. Недавно приближен ко двору, не знает, куда деть руки, как ступить и куда глядеть.

Жансон нахмурился:

— Боюсь, он отнимет много времени у посла.

— Будьте добры, проведите его к большому зеркалу, остальное предоставьте мне, — распорядился Легрим.

И вот в русское посольство с гордо поднятой головой вошел пухлощекий господин Ефимовский — должны понимать и чтить! — родственник ее величества Елизаветы Петровны, в дни коронации удостоенный графского титула. А через минуту-другую Легрим вертел свежеиспеченного графа перед зеркалом, обучая его изысканным парижским манерам. Граф, повторяя каждое движение Легрима, расшаркивался перед зеркалом, кланялся каминным часам, отвешивал глубокие поклоны креслу, полупоклоны стульям. Через четверть часа, за-

служив одобрение строгого наставника, направился к послу.

— Как я вам завидую,— сказал граф Ефимовский Кантемиру,— у вас редкостный слуга! Окажите превеликую любезность — уступите мне месье Легрима. Я подарю вам оркестр, или лучшую свору гончих, или перстень с руки — любое на выбор!

— Легрим меня не покинет.

— Мой перстень почти не уступает перстню с бриллиантом, ценой в двадцать пять тысяч рублей, пожалованному государыней Елизаветой Петровной маркизу де Шетарди при прощальной аудиенции. Маркизу можно позавидовать: он отхватил в России золотую табакерку, осыпанную драгоценными камнями,— это еще тридцать тысяч целковых. Да еще Андреевский орден со звездой — это пятьдесят тысяч.

— Все, что могу ожидать я,— это — портрет короля, оправленный бриллиантами, ценой до четырех тысяч рублей.

— Странно, очень странно,— развел руками граф Ефимовский.— Вас не наградили ни в Париже, ни в России. И даже некоторым образом понизили.

— Маркиз де Шетарди отбыл из Петербурга. И мне было указано: французский министр при санкт-петербургском дворе с некоторого времени не имеет посольского ранга, посему и вы сложите посольский ранг, оставшись полномочным министром.

— Разве нельзя было оставить вам звание посла?

— Отношения между Россией и Францией должны улучшаться, и, стало быть, лучше сохранить посольский уровень. Но не буду входить в обсуждение действий господ министров.

— А что за бумага лежит у вас на столе?

— Стихи Горация, моего наставника и советника, жил семнадцать веков назад.

— Вы — превеликий шутник, — расплылся в улыбке граф Ефимовский.

— Я перевел послание Горация «К своей книге».

— Ах вот как? Но простите, мне надо ехать — дела! ..

— Понимаю, — согласился Кантемир. — Срочные дела. И нельзя их отодвинуть хотя бы на денек-другой?

— Нельзя!

— Как жаль! А я хотел денька на два отпустить к вам Легрима. Он немного говорит по-русски.

— Безмерно благодарен! А мои дела? Какие там дела! Но чем, скажите, я отплачу вам за бесценную услугу? Я ваш вечный должник!

Нет, неверно сказал Кантемир графу Ефимовскому, что Гораций жил много-много веков назад. Гораций — соратник, наставник и оракул, у которого в трудный час можно испросить мудрого совета. Пожалуй, Антиох нисколько бы не удивился, если бы перед ним внезапно предстал знаменитейший римский поэт со свитком пергамента, искусно склеенного лист к листу.

«Я обратился с посланием к своим стихам, — сказал бы Гораций. — Моим стихам хочется быть выставленными в лавке славнейших книгопродавцев — братьев Сосиев. Беги, моя книга, куда влечет тебя твоя воля! ..»

С посланием к своим стихам обратился и Антиох, должен ведь он кому-то поведать о своих тревогах и муках. Пусть это будут его рукописи.

> Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых
> Где вы лет тоскуете в тени за ключами!
> Жадно воли просите...

Его сатиры в лондонском и парижском заточении протомились больше десяти лет. Когда же они вырвутся на волю?

— Стихи мои, — обратился к своим сатирам Анти-

ох. — Вы сами себе льстите, если ждете, что всякий вас весело примет как желанных гостей. Когда пойдете из рук в руки, раскаетесь, жадность славы многим носы поразбивала.

«Увидят ли свет мои стихи?» — размышлял Антиох. Опасался он грубого окрика царедворцев: не приличествует-де министру, тайному советнику и камергеру быть сатириком-смехотвором! А завистники обвинят: автор окрал древних творцов! Так ли это? Пусть сличат Кантемировы стихи с первоначальником, увидят, что Кантемир не голо перевел, его сатиры написаны по-русски, а не по-галльски и не по-латыни. Он написал сатиры на врагов просвещения, на злонравных дворян, высмеял ненасытных временщиков и всесвятейших мракобесов. Ни Гораций, ни Буало не говорили о русских мужиках, жиреющих на мякине, о петербургских щеголях, вздернувших на пальцы целые деревни. Не потому ли его сатиры существуют только в рукописях и не могут дойти до печатного стана?

Жак Иохим Тротти маркиз де ла Шетарди своим отъездом из России причинил много неприятностей и бед русскому посольству во Франции. Антиох писал княжне Марье, что чувствует себя униженным: ведь отсутствующие всегда бывают виноваты.

«Вместе с Вашим письмом я получил приказ сложить звание посла и продолжать здесь пребывать в качестве полномочного министра. Не сомневаюсь, что такое распоряжение последовало вследствие того, что французский двор не имеет больше посла при нашем дворе. Господа министры не очень-то мне услужили в данном случае, они отлично могли бы оставить меня в прежнем звании».

Кантемир хотел, чтобы его наградили орденом. От графа Ефимовского он слышал, что при коронации Ели-

заветы Петровны было роздано много наград неизвестно кому и неизвестно за что. А для дипломата награждение было бы признанием, что он не находится в опале и что, вопреки проискам вздурившего французского маркиза, улучшение франко-русских отношений будет продолжаться.

Антиох просил сестру узнать в Петербурге, когда же русскому посольству будут переданы деньги за прошлый год и год текущий. «Если произойдет изменение в моем жалованье после перемены, происшедшей в моем звании, для исправления подобной несправедливости прошу прибегнуть к придворным друзьям и самой государыне», — писал сестре Антиох.

Но придворных друзей у Антиоха не было. А когда и где могла княжна Марья обратиться со всепокорнейшей мольбой к государыне? Императрица мчалась с бала на богомолье, с богомолья на маскарад — на кадрили с персонами в белых с золотою выкладкой или в рудожелтых с серебряной выкладкой «домино», с маскарада — за город на соколиную охоту, пировать в белом шатре. За сверкавшей золотой каретой ее императорского величества поспешали богатые экипажи с так называемым букетом на запятках: напудренный лакей в богатой ливрее цвета герба владельца, рослый гайдук в красном камзоле и арапчонок в белой чалме.

Куда бы ни изволила направить свой путь императрица, льстецы славили ее мудрость, небесную красоту, великие щедроты и приход в Россию сладчайшего века для наук и поэзии.

— Как я вам завидую! — пришел к Антиоху граф Ефимовский. — Какой приятной должна быть жизнь дипломата! Вас не томит скука: то спешите на королевскую охоту, то играете с ее величеством в карты, то при-

сутствуете на утреннем одевании короля и беседуете с ним запросто, как я с вами...

— Давайте меняться, — предложил Кантемир. — Вы займете мой пост, а я вместо вас вернусь в Россию.

— Нет, нет! — испугался граф. — Даже страшно подумать! Кардинал и статс-секретарь сделают меня посмешищем Парижа. А вы заставили французский двор считаться с вашим мнением. Когда полицейский караульный обход без оснований задержал вашего кондитера Занини, вы поскакали в Версаль.

— Допустим.

— Со всей учтивостью умеряя слова, вы потребовали от статс-секретаря освободить вашего кондитера-венецианца.

— Примерно так.

— Вы вторично обратились к статс-секретарю господину Амело, на сей раз с письмом, которое доставил кто-то из вашего посольства. Статс-секретарь и кардинал пообещали распорядиться и палец о палец не ударили. Следующее письмо господину Амело доставил ваш конюх.

— В дальнейшем я предполагал доставку письма поручить козлу, который живет при нашей конюшне, да тут кондитера выпустили. А мне новая забота — в тюрьму бросили тех, кто арестовал моего венецианца, пришлось прилежно просить, чтобы простили перестаравшихся гвардейцев.

— Генерал-полицеймейстер дважды приезжал к вам с извинением. Об этом говорит весь Париж! Нет! — воскликнул граф Ефимовский. — Отослать письмо с конюхом! Надо ж было придумать. Нет, заменить я вас не могу!

— Вы бы знали, как мне хочется вернуться в Россию!

— Десять лет вы не были в Петербурге! Боже мой! Теперь городская граница проходит по Фонтанке, по Тринадцатой линии Васильевского острова и по Карпов-

ке на Петербургской стороне. Вышло повеление на набережных Невы строить только каменные дома и не меньше, чем двухэтажные. А на Фонтанке — непременно на каменном фундаменте! Когда вернетесь в Петербург, побывайте в опере. Представления украшены декорациями лесов, площадей, облаков, преизрядным пением и всякими танцами. Да, хорош Петербург, но Париж лучше... А у меня беда — запамятовал, что надо привезти из Парижа. Завязал на платках узелки, а вспомнить не могу.

— Попытаемся развязать ваши узелки!

Антиох пригласил Легрима. Тот без запинки перечислил: по заказу санкт-петербургского двора и придворных из Парижа в Россию везут маскарадные костюмы, любые, кроме пилигримских, арлекинских и грубопейзанских, шампанское, парчу, шелк, часы, собачонок, попугаев, цирюльников, модных портных, которые при необходимости могут служить гувернерами, учителями и камердинерами.

— Вы меня спасли! — развеселился Ефимовский. — Я при дворе ненатасканная борзая! Чем могу вас отблагодарить? Чем?

— Есть у меня просьба, — сказал Кантемир. — Надо отвезти в Петербург шкатулку. Отдать ее можно лишь в собственные руки графу Воронцову. Вы его знаете?

— Как же, как же! Михайло Ларионыч после Разумовского — первая скрипка в оркестре, первый пес в своре, главней всех других.

— Я решил доверить вам самое для меня дорогое, — сказал Антиох. — Давно ищу человека, на которого можно положиться.

— Клянусь, поручение ваше исполню с честью. Безмерно благодарю за доверие!..

В глубокой тишине Кантемир подошел к столу красного дерева.

Достал ключ. Неторопливо вставил в замочную скважину.

Дважды повернул ключ.

Выдвинул ящик.

Достал шкатулку.

Граф Ефимовский вытянул шею. Ничего особенного не увидел, самая обыкновенная шкатулка. Его мастеровые куда искусней! Но в шкатулке укрыто что-то необыкновенное! Граф Ефимовский затаил дыхание. Глянул, и его толстые щеки затряслись от смеха. Заколыхался от смеха живот. На глазах от смеха показались слезы. Дипломат-шутник удивил царедворца.

В шкатулке не сверкали драгоценные камни, не хранились золотые безделушки. В шкатулке лежала рукопись с четко написанным названием: «Сатиры и другие стихотворные сочинения князя Антиоха Кантемира». И только!

— Скажите графу Михаилу Илларионовичу, что я прошу его передать мою рукопись государыне императрице для милостивого повеления печатать в академической типографии в Петербурге. Но это еще не все. Убедительно прошу зайти к моему родственнику Никите Юрьевичу Трубецкому. Скажите ему от моего имени: если мои стихи напечатаны не будут, пусть он отдаст их переплетчику. Другой такой исправной рукописи у меня, к сожалению, не осталось.

— Передам! Передам! В собственные руки.

— Еще просьба. Завяжите на платке крепкий узелок на память: о моей шкатулке нигде, ни с кем никаких разговоров не вести.

— Все будет, как вы сказали. Но кто мне поверит, что тайный советник и камергер — превеликий шутник!

И снова графские щеки затряслись от смеха, снова от смеха заколыхался живот и на глазах показались слезы... Утирая их, Ефимовский сказал:

— Не беспокойтесь! Со мной от смеха ничего не бу-

дет. Я могу помереть только от зависти к Шереметеву. Слыхали, он женится на княжне Варваре Алексеевне Черкасской и получает приданое, которому позавидует если не французский король, то, по крайней мере, кардинал.

— Его величество король Франции женат, кардиналу жениться невместно! — невесело пошутил Кантемир.

— Что с вами? — встревожился граф. — Я огорчил вас своим известием? Княжна Черкасская богата, даже чрезмерно богата, но по летам ей давно полагалось бы стать статс-дамой.

— Мне жаль расставаться со своими сатирами.

— Какая же тут печаль? — удивился царедворец.

— Не знаю, станут ли мои стихи книжкой, или им суждено забвение, я с ними сроднился!

Граф Ефимовский почувствовал, что Кантемир не хитрит, и проникся к дипломату уважением, даже на переводы стихов Горация стал смотреть как на трудное и полезное, хотя ему и не понятное занятие.

Гордый доверием Кантемира, Ефимовский по приезде в Петербург незамедлительно передал графу Воронцову заветную шкатулку и рукопись — сатиры, песни, эпиграммы, басни и другие малые «творенийцы» Кантемира, много раз переделанные взыскательным автором, собранные вместе и снабженные примечаниями.

— Хорошо, я прочту, — сказал Ефимовскому Воронцов. — Не задерживаю, вам надо готовиться к балу. Вы одолжили юбку? Разве не слышали, сегодняшний вторник особенный, высочайше предложено дамам явиться на маскарад в придворных мужских костюмах, а мужчинам — в дамских нарядах. Императрица будет в гвардейском мундире.

— Ей к лицу!

Откланявшись по всем правилам придворного этике-

та, как в Париже учил его Легрим, граф Ефимовский удалился. Пожалуй, он не ко времени попал к Михаилу Илларионовичу. Было бы лучше обратиться к его брату Роману Илларионовичу. «Роман — большой карман» берет больше, зато и платит больше услугой. Но у князя Кантемира нет ни денег, ни желания смазывать скрипучие ворота.

Своим сатирам и переводам Антиох предпослал стихотворное посвящение императрице Елизавете Петровне. «Словоприношение» начиналось громким восклицанием:

Отрасль Петра Первого, его же сердцами
Великим и отцом звал больше, чем устами,
Народ твой.

В сноске поэт пояснял: «Уста могут со страху либо в надежде какой приносить хвалу; внутреннее почтение основано на одной любви к добродетели хвалимого лица». Как раз «внутреннего почтения» у Антиоха не было ни к почившей в бозе императрице Анне Иоанновне, ни к возведенной лейб-компанцами на трон Елизавете Петровне. «Словоприношение» Елизавете Петровне Кантемир наскоро перекроил из написанной им когда-то, но не отосланной «Речи к благочестивейшей государыне Анне Иоанновне»...

Чрезвычайный посланник при французском дворе Антиох Кантемир всеподданнейше просил императрицу Елизавету Петровну дозволить ему поехать в Италию лечиться, как того требуют врачи. Он тяжело болен, каждая малая поездка в Версаль стоит ему всегда на два или три дня болей во всем теле. Зимнее время для него всего тягчее. Кантемир всеподданнейше умолял почтить его ответом возможно скорее, хотя бы в двух строках, чтобы вывести его из неизвестности.

Граф Бестужев-Рюмин рукой одного из подчиненных ответил, что имел удовольствием получить почтенней-

шие письма князя Кантемира и просил извинить, что ныне никакой резолюции от ее величества объявить не в состоянии, «понеже не мог улучить время по многодельствии об оном ее величеству доложить».

Глава двадцать девятая

ПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ

Живопись — это немая поэзия, а поэзия — говорящая живопись.

Изречение древних

В русском посольстве на улице св. Доминика говорили обычно негромко, а ковры, расстеленные в коридорах, приглушали шум шагов. Но когда Антиоха Кантемира навещал его друг Октавиан Гуаско со своими соотечественниками, дом наполнялся громкими голосами.

На сей раз в дружеском кругу шел разговор о долголетии живописи. Конечно, мастер должен заботиться о том, чтобы краски не жухли, то есть не делались от времени темными и глухими. Конечно, мастер должен знать возможности мягкой беличьей, барсуковой, хорьковой, козьей кисти и свойства кабаньей щетины. Но тайна долголетия картины, и особенно портрета, в другом — надо на полотно перенести мысль, в краски вдохнуть душу, как это делали Веласкес, Рембрандт, Ван-Дейк и другие великие.

— Смягчите ваши сердца, — сказал Антиох, — не будьте слишком строги к портретистам. Портреты бывают всякие. Меня веселит мой портрет, который по памяти сделала в Петербурге моя сестра. Она шутливо предупредила, что относится к тем художникам, чьи произведения не каждому понятны и заставляют глубоко задуматься. Поэтому она на каждом своем эскизе пишет точное определение: кошка, табуретка, стол, коз-

ленок. На моем портрете в уголке она написала: «Антиох».

— Веселая у вас сестра, а у вашей сестры веселый брат! — отозвался Гуаско. — Но скажите, наш друг, почему вы не закажете свой портрет настоящему художнику в Париже?

— Клянусь Гераклом, на подобный подвиг я не способен.

— Портрет нужен! Да и что вас страшит? Разве нет во французской столице настоящих художников? Разве нет у вас друзей, всегда готовых помочь?

Но тут общим вниманием завладела новая книга Луиджи Риккобони о реформе театра. Автор требует, чтобы театр, внушая отвращение к порокам и развивая вкус к добродетели, стал школою для тех людей, которые не ходят в школу. А те, для кого предпочтительней прежний аристократический театр, не отмолят свои грехи и в чистилище!

Упоминание чистилища вовлекло друзей в теологический спор о древнегреческих и римских мыслителях. Как язычники, они обречены на вечные муки в аду. Но трижды прав частый гость русского посольства Шарль Монтескье, еще в юности объявивший, что древние философы не будут гореть в адском пламени.

А затем Антиох стал знакомить друзей со своим переводом с латинского на итальянский отцовской книги «История Оттоманской империи» и заслужил одобрение строгих судей. Октавиан Гуаско в свой черед поведал, каких успехов достиг он в изучении русского языка. Кантемировы сатиры переводить стихами он не рискнет, ибо переводчику сказанное Кантемиром втиснуть в стихотворные строки потруднее, чем щеголю Нарциссу из Кантемировой сатиры втиснуть ногу в модный узкий башмак. Нарцисс долго и сильно стучит по полу подошвой. Чтобы нога не скользила, много мелу стерто под башмак. А ногу в башмак не впихнуть!..

О портретной живописи в этот вечер больше не вспоминали.

В конце недели к Антиоху мягкой кошачьей походкой пришел банкир Исаак Вернье. С улыбкой поведал, что явился он не за деньгами, но и не с деньгами. Пожалел, что петербургский двор терзает своего дипломата придирками и безденежьем.

— Для меня все это выгодно, — признался банкир. — Иначе нам не довелось бы познакомиться. Вы — мой лучший должник, и я не только ваш заимодавец, но и доброжелатель. Теперь о причине моего визита. Поговаривают, что русский дипломат высказал желание заказать парижскому художнику свой портрет. Так ли это?

— Молва, как волна, — сказал Антиох, — разбегается быстро.

— Я хотел бы услышать твердый ответ.

— Тогда, советую, спрашивайте не меня, а Версальский двор, только ему ведомо, будет ли у меня хоть единый день без тревог и опасений. Спрашивайте мои болезни: дадут ли они мне хоть короткую передышку. Спрашивайте вице-канцлера Бестужева-Рюмина: когда же наконец определится мое положение во Франции, когда же соблаговолят прислать мне жалованье за прошлый год? Пока что нет у меня ни желания, ни лишнего времени, ни лишних ливров.

— К счастью, это не совсем так. Возьму на себя смелость напомнить вам слова Цицерона: «Слава и дружба — высшие блага жизни». Слава у вас европейская, а друзья — пожелать каждому! Насколько мне известно, ваши друзья сейчас ищут достойного парижского художника, и нисколько не сомневаюсь, в ближайшие дни найдут.

— Я им не поручал.

— Не буду пророком, но, вероятно, не ошибусь, если скажу, что это будет венецианец, писавший портрет царя Петра. Не удивляйтесь моей осведомленности. Кре-

дитор, как мифический Линкей, должен видеть сквозь камни. Мы с вами чтим Аполлона. Вы — бога поэзии, я — покровителя прорицателей.

— Каким же будет ваше прорицание о портрете?

— Не обременяйте себя новыми долгами. Портретистов в Париже много, а прославленный русский министр — один. Для художника большая удача и высокая честь получить столь редкостный заказ. А следуемые деньги он получит в надлежащее время. Ваше слово — верное. Если угодно, могу поручиться: ни вы, ни я не сбежим! Вместо денег вы получите от меня добрый совет.

— А если до лучших времен я воздержусь от заказа?

— Это вызовет в Париже нежелательные толки. Наперекор маркизу Шетарди вам следует поддерживать все то, что помогает блеску русского посольства. Закажите парадный портрет, с него можно сделать недорогие копии, отошлите их друзьям. Пусть о вас заговорит Париж.

— А почему бы и не другие столицы? — улыбнулся Кантемир. — Как стихотворец я имею право на аллегорический портрет. Я попрошу художника изобразить меня верхом на крылатом коне, из ноздрей которого бьет пламя!

— Вас отзовут в Петербург.

— Возьму на себя смелость напомнить слова Цицерона: «Выгодами нынешнего дня пренебрежем, грядущей славе послужим».

— Вас немедленно отзовут в Петербург, и я лишусь одолженных вам пятнадцати тысяч рублей. В переводе на франки это что-то ужасное!.. Что ж, придется вам дать ливры на парадный портрет под необременительные проценты... Как вы напугали меня своей шуткой, — сказал, прощаясь, банкир. — Человек вы бесхитростный, но хотел бы я видеть хитреца, который сумел бы перехитрить дипломата Кантемира!

Вскоре пришел Октавиан Гуаско.

— Задали вы мне скороговорку, — сказал он. — Никак не могу выговорить: пономарчонок нашего пономаря не перепономарит. А вторая задача оказалась еще мудреней. Был я у живописца. У него заказов — на три високосных года, к тому же собирается он в отъезд, намерен посетить Баварию, заглянуть в Швейцарию и еще куда-то!

— Благодарение небу! — воскликнул Антиох.— Кисть живописца мне не грозит! Позировать не надо! И болезни мои попритихли. И не нужно в ближайшие дни поспешать в Версаль!

— Как мало нужно для счастья человека! — позавидовал Октавиан.

Вечером в русское посольство пожаловал художник.

— Русское посольство — уголок России, — сказал он Кантемиру. — Но я никак не думал, что попаду в уголок книжного царства!

Антиоху с первого взгляда понравился этот венецианец — талантам чужды напыщенность и рисовка. Завязалась непринужденная беседа о благословенной Италии, подарившей миру великих мыслителей, художников и поэтов, о России, которая на глазах ошеломленной Европы стала великой державой. «Как мчится время!» — дивился венецианец. Когда он впервые взял кисть в руки, Петербург не существовал. А кисть ему доверили не сразу, сперва подметал, вытирал пыль, чистил обувь, получал тычки, колотушки и затрещины. Почувствовал себя на седьмом небе, когда ему поручили растирать краски на мраморной доске, ведь секрет приготовления красок художники хранят строже зашифрованной депеши!

— От Октавиана я узнал, — и это меня привлекло, — что вы пишете сатиры. Давно ли?

— С тех пор, когда служил в гвардии.

— Ваших стихов мне почему-то ни видеть, ни слышать не доводилось. Сколько же вы написали? Тысячу строк?

— Больше!

— Но я не видел ваших сатир, хоть часто торчу в книжных лавках.

— А вы спросите — сколько было напечатано.

— Тысяча строк? Пятьсот? Триста? Двести? Можно подумать, что вы напечатали всего лишь одну строку!

— Меньше, — сказал Антиох. — За все время напечатана лишь первая строка моей первой сатиры, да и та переправлена, так что ее нельзя считать целой строкой.

— Боже мой! И вы продолжаете писать! — ахнул художник. — Да я на вашем месте давно бы и чернильницу, и перо, и песочницу швырнул бы в Сену... Покажите хоть одну вашу рукопись. Да она у вас в таком виде — хоть сейчас отдавай в типографию.

— Для типографщиков у меня пометка — каждое примечание прошу печатать внизу каждой страницы под стихом, к которому оно принадлежит. Вот пример. В сатире о злонравных дворянах я пересказываю эзоповскую басню о Галке, уворовавшей нарядные перья у многоцветных птиц. Птицы скоро обнаружили наглое воровство и Галку начисто ощипали. В примечании я добавляю: дворянин без добродетели подобен басенной Галке. Имя, которое он гордо носит, — чужая украса. Или вот еще пример. Пишу я о дворянине с каменной душой. Из-за пустяка, а то и вовсе без причины он готов искровенить холопа. Примечание: «Жадность крови подобает лишь зверям. Сурового обличения достойна жестокость господ к бесправным людям, которые обороны от озлобленных не имеют».

— Гневное у вас перо! — сказал художник. — Теперь мне становится понятно, почему за десять лет у вас напечатано лишь полстроки.

Художник молча всматривался в Кантемира.

Узкое бледное лицо Антиоха с чрезмерно удлиненным подбородком походило на маску, обрамленную завитым, ниспадающим на плечи париком. Большие близко поставленные глаза смотрели твердо и в то же время печально. Их выражение противоречило маленькому пухлому рту, который казался то по-детски мягким, то горделиво-насмешливым.

Особые трудности портретисту доставит крупный, резко выделяющийся нос, придающий всему облику Кантемира недозволенную для парадного портрета странность.

Расставаясь, уже держа шляпу в руке, венецианец расспрашивал о Дмитрии Кантемире, о походе на Каспий, о первых академиках в Петербурге, о лондонской жизни, о каверзах кардинала.

— Да гоните же меня, гоните, сам не уйду! — спохватился художник. — Неужели время за полночь?

— Так-таки-так! — подтвердили величавые часы.

Утром, сразу после завтрака, художник направился в русское посольство. Позади шагал подмастерье с ящиком красок. Шествие замыкал слуга с подрамником и манекеном.

— Приступим! — возвестил художник. — Пока не напишу ваш портрет — никуда из Парижа!

— Благодарю за жертву! — поклонился Кантемир.

— Благодарить будете позже, когда отпущу живым с сеанса!

— Прошу вас, поведайте, что меня ждет!

— Хорошего мало, — улыбнулся художник. — Прикиньте сами: сперва надлежит наметать контуры. Овал головы, как принято в парадных портретах, поместим по центру. Шесть часов буду писать ваши губы. Часов

пять — один глаз! Часа четыре — другой! Часа три — лоб! Два часа подбородок!

— Пожалуйста, посоветуйте, как мне поступить с посольством?

— Во время сеанса к вам могут приходить ваши подчиненные, друзья и знакомые, принцы и короли, и пусть обращаются к вам и ко мне с любыми вопросами и говорят что душе угодно, мне это нисколько не помешает. Располагайтесь поудобней. Я должен удержать на холсте ваше лицо. А потом я вас помилую и отпущу — позировать мне будет раздвижной английский манекен в вашем парике и кафтане. Но что за растяпа ваш камердинер! На парадном портрете должны сверкать звезды! Где ваши награды? У вас их нет? Выходит, спокойней почивать на вулкане, чем быть русским послом при королевском дворе? Ну, хорошо! На вашем кафтане я помещу огромные пуговицы, сверкающие, как ордена! В руки вам дам бумагу. Может быть, это дипломатическая депеша, а может быть — ваша новая сатира о каменных душах. Глядите прямо на меня!

Глава тридцатая

ВОЛЧЬЯ ПЕЧЕНЬ

> ...счастье ко мне ласково и злобно бывало, больше в своей злобе постоянно.
>
> *Антиох Кантемир, «К музе своей»*

В Древнем Риме стихотворцев, как победителей, награждали лавровым венком. Какою же была награда первым русским поэтам за их великий подвиг?

Михайло Ломоносов, поэт и ученый, с весны 1743 года находился под арестом, пребывая в крайней скудости. В последний раз, еще до ареста, в феврале, он выпросил в Академии наук пять рублей в счет годового

жалованья. На эти деньги не пришьешь к кафтану, в подражание Алексею Григорьевичу Разумовскому, бриллиантовые пуговицы, не заведешь модную французскую карету «кю-де-санж» — «обезьяний хвост», — прозванную так за причудливо изогнутые рессоры. Ломоносова посадили под караул за то, что он бурно протестовал против немецкого засилья в Санкт-Петербургской Академии наук, подпевалам Шумахера высказал напрямик, что о них думает и чего они стоят. Шумахера публично назвал вором, что явилось для вора нестерпимой обидой. Профессору Винцгейму в ответ на его угрозу сделал весьма неприличным образом бесчестный и крайне поносный знак, поднеся к его носу дулю, фигу, шиш, или, говоря иначе, — кукиш. Ненавистники Ломоносова ожидали желанного для них часа, когда императрица будет не в духе, а еще лучше — в гневе, чтобы подсунуть жалобу, и тогда Ломоносов будет жестоко наказан плетьми либо батогами. А до той поры пусть поголодает да под караулом поостынет!

Василий Тредиаковский, поэт и академический переводчик, в счет годового жалованья получил из академической книжной лавки десять рублей, что воспринял как щедрый дар плешивого счастья, повернувшегося к нему лицом. Конечно, десять рублей деньги не столь уж большие, из нужды не вызволят! Но Василий Кириллович был рад, он же не фрейлина и не статс-дама, которым дано право гнать и беспошлинно продавать в год тысячу ведер водки, чтобы иметь деньги на булавки и другие мелкие расходы.

Антиох Кантемир все еще томился в почетной ссылке и всеподданнейше просил дозволить ему поехать на четыре месяца в Италию и пожаловать на эту поездку какую-либо денежную помощь, так как своих доходов у него не имеется, за двенадцать лет дипломатической службы он накопил лишь долги, а его весьма дряхлое

здоровье повседневно ослабевает и изнуряется, он терпит во все ночи жестокий жар и кашель.

Императрица и царедворцы были глухи к просьбам Кантемира.

Утром Антиох с трудом поднялся с постели. Верный Легрим накапал ядовито-горького лекарства и поставил стакан на письменный стол. О, если бы только разрешили поездку в страну Горация, Вергилия и Ювенала, настроение больного исправилось бы. Если бы уплатили жалованье за прошлый год и вернули звание чрезвычайного посла — исчезла бы половина болезней! А если бы пришло известие, что типография Санкт-Петербургской Академии наук будет набирать Кантемировы сатиры и они выйдут в свет — он стал бы совсем здоров!

Антиох поглядел на лекарство и молча отодвинул стакан. Легрим поморщился и выпил сам, а потом целый день плевался и чертыхался:

— Будь я французским королем, повелел бы лекарям и аптекарям самим глотать их ядовитые снадобья! Где еще найдешь подобную горечь! Ужасные люди, они торгуют в аптеках сушеными жабами, истолченными в порошок, волчьей печенью и волчьим сердцем. Впрочем, волчьи сердца — у петербургских вельмож!

Секретарь посольства принес петербургскую почту.

— Опять всякая дрянь! — полистав бумаги, сказал Кантемир. — Словно в Ноевом ковчеге, где, по описанию моего друга Монтескье, из помета слона родилась свинья, чихнула, из свиного пятачка выскочила крыса... Не эта ли крыса начихала нам запросы петербургских модников и модниц? Ответьте им, милый Легрим: нужен ли для парадной одежды бант на плечо, надо ли красить брови сажей по примеру древних гречанок или зеленой краской, подобно египтянкам.

Наступил 1744 год.

Михайло Ломоносов, к досаде его врагов, в январе по указу Сената был от наказания освобожден. При дворе и в Академии наук об этом говорили с бо́льшим удивлением, чем о появившейся над Петербургом комете с рудо-желтым хвостом.

Пятого января Кантемир отправил императрице Елизавете Петровне очередное прошение: «Всенижайше именем божиим и со слезами прошу, чтобы всемилостивейше мне пожаловали позволение ехать прямо в Италию и великодушно денежное награждение указать на ту поездку».

Через несколько дней Антиох продиктовал Генриху Гроссу письмо в Санкт-Петербург Никите Трубецкому:

«Причина, по которой чужой рукой пишу, есть плачевное состояние моего здоровья, которое с трудом сказывать сие письмо мне позволяет. Уже близ двух месяцев в ночи мучит меня жар, кашель и пот, а днем резь в желудке и кишках, как скоро кусок-другой к питанию проглочу. Все здешние доктора разными способами пытались мне пособить, но еще больше повредили. Потому напоследок приговорили, что спасение мое зависит от приличной диеты и от какой-нибудь приятной поездки для перемены воздуха».

Кантемир просил князя Трубецкого «быть стряпчим его домогательств» — напоминать и побуждать, а если высочайшая резолюция последует, поспешить с отправлением указа. Если прошение оставят без ответа, жестокость болезни прибавится и к апрелю, может быть, на тот свет его отошлет.

С напоминанием о духовной аптеке пришел к Антиоху Кантемиру франтоватый отец Егорий (парижские православные называли его Жоржем). Он поучал: «Листвие терпения, цвет смирения, семя кротости и молитвенные ветви смесив, свари в котле послушания и вложи в сито благих помыслов и тако всыпи в горнец совести, очисти

исповеданием и тако умали грехов своих множество...»
Самым страшным грехом Антиоха отец Жорж считал его сатиры, и особенно те строки, где говорится о ханжах, лицемерах, святошах.

— Мне утешение приносит листвие книг, — Антиох показал на сочинения Цицерона, Горация, Вергилия, Лабрюйера, Монтескье. — Цицерон учит, что люди, опираясь на разум, могут вести счастливую жизнь, не страшась своих злейших врагов, а именно, — перечислил Кантемир: — старости, боли и смерти.

Отец Жорж в философские рассуждения постарался не вдаваться. Антиоху напомнил: в соблюдаемые церковью посты ничего скоромного не есть. Послабления допустимы лишь с благословения Константинопольского патриарха, который, к примеру, по прошению императрицы дозволил вице-канцлеру Бестужеву-Рюмину питаться в пост не грибами.

— И держать язык за зубами, — добавил Антиох.

После ухода назойливого пастыря Антиох раскрыл латинский томик Марка Туллия Цицерона.

Неужели мы столь ничтожны духом, чтобы поверить, что с нами, не знавшими до нашего последнего дыхания ни покоя, ни досуга, все умрет? Если многие славные постарались оставить после себя статуи и изображения, передававшие не их душу, а их облик, то не должны ли мы предпочесть, чтобы после нас осталась картина наших помыслов?

Антиох отложил книгу. Достал из ящика письменного стола свою первую сатиру — «К уму своему» и стал читать гневные, прикрытые тонкой иронией строки.

Муза Поэзии, ты принесла Антиоху радость и муки творчества, восторг вдохновения и горечь сомнений, удалила из отчизны, навлекла опалу, научила глядеть правде в глаза.

В мифологии традиционно изображают божка любви с повязкой на глазах — любовь ослепляет! С плотной

повязкой на глазах изображали богиню правосудия, ее повязка — символ беспристрастия! С завязанными глазами можно изображать многих, но только не сатириков.

Своей четвертой сатире Антиох Кантемир неспроста дал название «Об опасности сатирических сочинений». Но если бы вновь пришлось выбирать жизненный путь, он выбрал бы путь патриота, поэта, сатирика — самый трудный и самый счастливый путь!

— Эй, прочь с дороги! Ожгу! — свистел кучерский кнут. Серебряные подковы царицыной упряжки грозили сбить, помять, покалечить каждого, кто не успеет отскочить в сторону. Государыня Елизавета Петровна с пышной свитой поспешала тешить беса и отмаливать грехи.

Шестого февраля императрица, оставив развлечения, занялась залежавшимися делами. Возможно, помогло вмешательство небесных сил — к началу февраля зловещая комета возросла до ужасающих размеров. Вице-канцлер Бестужев-Рюмин наконец доложил императрице о прошении Кантемира. С Кантемиром можно согласиться, русское посольство в Париже действительно испытывает серьезные денежные затруднения, но, может быть, еще большие денежные трудности испытывает санкт-петербургский двор. Если русское посольство при безденежье сумело год, полтора и больше просуществовать вполне благополучно, — это делает честь послу. И в то же время заставляет задуматься: не слишком ли щедра была Иностранная коллегия? Во всяком случае еще некоторое время обождать придется.

— Тяжелобольному Кантемиру следовало бы всемилостивейше дозволить выехать в Италию на четыре месяца, — изрек вице-канцлер.

Императрица нахмурилась. Молча глядела она на Бестужева-Рюмина, ожидая — сколько же он пожалует денег больному послу на лечение и путевые издержки?

Вице-канцлер не раскрывал уст, но его ответ был понятен:

— Нисколько!

Императрица была довольна: слово «Нисколько!» не прозвучало, разрешение на поездку дано.

Антиох всемилостивейшее дозволение выехать на лечение в Италию без предоставления ему какой-либо денежной помощи воспринял как жестокий и издевательский отказ.

— Волчья печень! — негодовал Легрим. — Истолочь бы бестыжих Рюмина, Воронцова и Трубецкого в одной ступе с императрицей!

Антиох в учтивой форме отверг оказанную ему милость:

«По весьма слабому и дряхлому моему нынешнему состоянию, я не надеюсь, чтоб тем Вашего императорского величия великодушием в дозволении мог пользоваться». Кантемир писал, что парижская зима для него смертельна, и молил другой высочайшей милости: «Прошу сколько могу прилежнее меня от здешнего двора отозвать в отечество».

Ранней весной Кантемир понял, что в Италии ему не бывать, нельзя думать и о возвращении в Россию. Легриму велел скакать за банкиром господином Вернье и министром дюка Гвастальского господином Карлом де Борио. Их вместе с Генрихом Гроссом, секретарем посольства, Антиох просил быть его душеприказчиками.

Все свое имущество Антиох завещал сестре Марье Дмитриевне и братьям Матвею и Сергею (Сербану). Третий брат для Антиоха и княжны Марьи давно стал чужим.

Оказалось, что завещатель должен Исааку Вернье и служителям посольства десять тысяч франков, а Иностранная коллегия должна завещателю за наем дома в течение трех лет, а также жалованье за прошлый год

и за треть текущего года с января по май шестнадцать тысяч семьсот десять рублей сорок три копейки.

— Мы уверены, что вы будете жить долгие годы, — сказал банкир. — Но раз уж нам поручены печальные обязанности, мы, душеприказчики, не должны ничего упустить. Как поступить, если его величество французский король, по обыкновению, по кончине иностранного посла пошлет его родственникам свой портрет?

— Портрет продать!

— А деньги? — спросил секретарь посольства.

— Отдать бедному госпиталю в Москве, — распорядился Антиох. Было видно, что французский король уважением Кантемира не пользуется.

— А не будет ли такое распоряжение несколько необдуманным? — обеспокоился Генрих Гросс.

— Как оно будет воспринято, я не знаю и никогда не узнаю, — сказал Кантемир. — Скорее всего, с неудовольствием. Монархи имеют достаточно возможностей отправлять людей на тот свет, но воскрешать им не дано.

Октавиан Гуаско терпеливо ждал, когда закончится составление завещания. Он сочинял биографию Кантемира, и ему хотелось бы еще раз расспросить поэта о его отце, об Иване Ильинском, о первых сатирах. Октавиан хотел получить разрешение Кантемира смягчить в переводе на французский резкие высказывания сатирика о лицемерах-святошах. Но Кантемир был слишком утомлен.

Собравшись с силами, Антиох отправил письмо сестре:

«Государыня моя сестрица Марья Дмитриевна!

Будучи я весьма слаб, а наипаче сегодня, не в состоянии много писать, для того ответствую по-русски на любезнейшее Ваше письмо и на приложенное письмо брата князь-Сергея».

Обычно Антиох писал сестре на итальянском языке. Тяжелая болезнь повымотала силы, и ему легче было

выражать свои мысли по-русски — на языке его отечества, языке его поэзии, языке его души.

«О том Вас прилежно прошу, чтобы мне никогда не упоминать о монастыре и пострижении Вашем, я чернецов весьма гнушаюсь и никогда не стерплю, чтобы Вы вступали в такой гнусный чин, или буде то против моей воли учините, то я век уж Вас больше не увижу.

Я желаю, чтоб по приезде моем в отечество Вы прожили всю жизнь со мной, чтоб собирали и потчевали гостей, одним словом, чтоб были мне увеселением и помощницей. . .»

Письмо заканчивалось, как всегда:

«Остаюсь непременно Ваш государыне моей покорный слуга и верный брат князь Антиох Кантемир».

Восьмого марта Марья Дмитриевна писала:

«Дорогой и милейший брат! Друзья очень огорчены вашей болезнью, но еще ничего не знают о Вашем возвращении, враги холодны, как лед».

В апреле княжна Марья писала брату, что много пролила слез над его последним письмом.

«Я ездила во дворец справляться, получен ли Вами отпуск в Италию, чтоб использовать последнее средство для восстановления здоровья. Когда же Вы наконец получите это разрешение, то прошу меня известить двумя-тремя словами о Вашем здоровье, чего я ожидаю с беспокойством. Отпуск будет подписан графом Бестужевым.

Если желаете, я приеду к Вам в Италию, мне ни у кого не надо просить разрешения.

Не кажется ли Вам странным, что я не боюсь такого дальнего пути, тогда как меня пугает поездка в Петербург. Да, но поездка в Петербург была связана для меня с разными неприятностями, а собираясь в Италию, я пренебрегаю всеми неудобствами в надежде на свидание с дорогим братом».

Но этих писем Антиоху прочесть уже не довелось.

Глава тридцать первая

«ДВА БРАТА»

> Тело мое будет переслано к наследникам моим морем и будет похоронено в Москве безо всякой церемонии ночью.
>
> *Из завещания Антиоха Кантемира*

Первого апреля, для придворных кругов — день незатейливых шуток и веселых обманов, секретарь русского посольства Генрих Гросс отправил из Парижа в Санкт-Петербург короткое сообщение:

«Вашего императорского величества тайный советник и полномочный министр князь Антиох Дмитриевич по долговременной жесточайшей болезни, сначала в желудке, а потом в груди, напоследок вчерась, 31 марта (11 апреля) в вечеру в восьмом часу времени переменил свое временное житие с вечным блаженством. Ваше императорское величество подлинно изволили в нем потерять верного раба и весьма искусного ученого и министра...»

Генрих Гросс не осмелился написать, что покойный Кантемир был не только талантливым искусным дипломатом, не только крупным ученым, горячим патриотом России, но и большим поэтом, автором первых на Руси стихотворных сатир, замечательным переводчиком с латыни, греческого, французского и других языков. Всякое упоминание об этом было бы сочтено недопустимой предерзостью.

«Здесь таким обще все его почитали, — сообщал секретарь посольства, — и понеже к превосходным качествам ума присовокупил гораздо приятное обхождение со всеми людьми, а особливо со своими друзьями. Обще же в городе при дворе сожалеют о преждевременной его смерти...»

Вновь Генрих Гросс умолчал: за все время длительной, тяжелой болезни французский король Людовик XV не соизволил хотя бы раз прислать кого-либо в русское посольство со словом участия.

Зато на второй день по кончине Антиоха Кантемира в русское посольство явились королевские советники и потребовали предъявить им завещание покойного.

— Простите, — учтиво, но твердо ответили душеприказчики, — русский дипломат французским законам не подвластен.

Парижские власти при жизни Кантемира не дерзали ущемлять права кого-либо из русского посольства, слишком памятен был урок, преподанный Кантемиром генерал-полицеймейстеру Марвилю после незаконного ареста и избиения кондитера Занини. Теперь королевские советники решили отомстить мертвому русскому дипломату, и в этом им содействовала российская императрица со своими царедворцами.

Всемилостивейшая государыня Елизавета Петровна в уплате долгов Антиоха Кантемира и в отпуске полутора тысяч рублей для отправления покойного морем на родину отказала. Братья Матвей и Сербан принять на себя уплату долгов Антиоха сочли «весьма не в состоянии». «Истинный и давний друг» князь Никита Юрьевич Трубецкой, который в завещании был определен исполнителем в России последней воли Кантемира, от всяких забот уклонился. В посольстве душеприказчики обнаружили наличными тысячу пятьсот франков, коронационные медали императрицы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны и серебряный рубль.

Начался долгий и постыдный торг между российскими вельможами и французскими королевскими советниками.

Душеприказчики — немец Гросс, заступивший на пост Антиоха Кантемира, швейцарец Исаак Вернье и португалец Карл де Борио продали посольский выезд,

мебель, библиотеку, оловянную и медную посуду, и все равно денег на уплату долгов не хватило.

Осенью в русское посольство в дорожном платье пришел Легрим.

— Уезжаю в Лондон, — сказал он Генриху Гроссу. — Примите мое глубокое сожаление, я не смог быть на проводах останков князя Кантемира. Но почему до сих пор не отправлены в Россию его портрет, бумаги, любимые книги?

— Тело усопшего посла все еще находится здесь.

— Варварство! Кощунство! — возмутился Легрим. — Неужели забальзамированное тело служит залогом окончательной уплаты?

— Кроме уплаты кредиторам нужно где-то выискать полторы тысячи рублей на последние дорожные расходы.

— Как не совестно вам, человеку, которого Кантемир спас, защитил, обучил! Как не совестно дипломатическому корпусу! Как не стыдно вашей императрице!

— Убедительно прошу...

— У господина Борио ветер свищет в карманах. Господин Вернье скорее удавится, чем поступится хоть сантимом ростовщических процентов. Но вы, Генрих, не можете быть соучастником кощунства! Честнейший Антиох Дмитриевич глубоко залез в долги — ему надо было платить жалованье вам, и мне, и другим. Ваша пляшущая императрица не терпела правдолюбца живого, боится его мертвого.

— Прощайте! — сказал Генрих Гросс.

— Одну минуту! А вы не пытались пойти с шапкой по кругу? Если воззвать о помощи, добросердечные люди откликнутся.

— Нет! Это было бы неблагоприятно принято русским и французским дворами.

— Я оставляю вам двадцать луидоров — больше у меня нет.

— Позвольте! — пересчитывая, сказал секретарь посольства. — Здесь только девятнадцать.

— До двадцати пусть добавят французский король с вашей государыней. Адью! — распрощался с Генрихом Легрим.

Княжна Марья много пролила слез, много претерпела мук. Денег у нее не было — в дни болезни Антиоха она много пожертвовала в монастырь, большой убыток ей причинил пожар дома. Сколько она выслушала отказов, никому не известно. Но, хоть и с большим опозданием, деньги были собраны.

Первого января 1745 года княжна Марья отправила в Париж тысячу шестьсот рублей — на последние путевые расходы.

Осенью 1745 года, через полтора года после кончины Антиоха Кантемира, его тело было отправлено в Россию на голландском паруснике «Два брата».

Фомушка Спасский, вечный неудачник, в конце концов обрел пропитание при Николаевском греческом монастыре, который когда-то назывался Никола Старый — Большая Глава. Просвирня кума Ефимия с истинно бесовским любопытством допытывалась у Фомушки: а почему монастырь греческий? а какой царь какому греческому архимандриту дал грамоту на всегдашнее владение монастырем? Алексей Михайлович? или Годунов? Все же Фомушка кое-что знал. Хорошо были ему знакомы все монастырские ходы и лазейки. Фомушка поведал Ефимии, что при Петре храмостроителями были Кантемиры и в монастырской земле находили они вечное успокоение. А этой ночью в монастыре будет погребен князь Антиох Кантемир, тело которого привезли в Россию морем.

— Почему хоронят ночью?

— Скромен он был, очень скромен, другого такого

не найдешь! Его последняя воля была — похоронить в Греческом монастыре ночью безо всякой церемонии, был он в отца, не терпел суесловия, вечная ему память!

На похоронах Ефимия все толкала Фомушку в бок и шептала на ухо:

— Двенадцать лет не виделась сестра с братом, и вот где довелось повстречаться! В мундирах — братья, Сергей и Матвей. Говорят, один из них собирает перстни и табакерки. А это что за мужик?

— Да это ж Кузьма.

Сербан и Матвей хотели отстранить Кузьму, но он уже отдал княжне Марье книжку — венок петербургских типографов на могилу Антиоха.

— Антиох! Твоя книга вышла! — княжна Марья крепко сжала драгоценный подарок. — Квинта Горация Флакка десять посланий первой книги. Переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов.

Немного не дожил Антиох до выхода желанной книги! Как бы он порадовался! Только жаль, не сказано, кто переводчик посланий, и нет пояснения, что Харитон Макентин — Антиох, «охотник до стихотворства».

— Обещаю, дорогой брат, твои сатиры будут тоже напечатаны!..

Недвижным черным изваянием застыла у гроба княжна Марья с горящей свечой в одной руке и книгой брата в другой.

Из содержимого одиннадцати ящиков, доставленных из Парижа, княжна Марья оставила себе портрет брата, его рукописи, некоторые книги, стенные часы, безделушки. Остальное увезли братья.

Теперь она, как с живым, делилась с портретом брата сокровенными мыслями. Хвалила за искусный пере-

вод Горация, как в подлиннике — без рифм. Читала вслух переводы брата, и ей казалось, что Антиох с иронической улыбкой говорит о Петербурге. Сообщала, что в своем завещании она дает волю всем своим дворовым и завещает полгода их всех кормить.

В 1749 году заграничные друзья порадовали княжну Марью дорогим подарком — книгой сатир ее брата, напечатанной в Лондоне по-французски: Октавиан Гуаско перевел их прозой. Издания Кантемировых сатир в России Марья Дмитриевна так и не дождалась: она умерла в 1757 году. Возможно, что ускорили ее кончину брадатые в черных клобуках члены святейшего Синода; они прокляли книгу еретика Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», переведенную вольнодумцем Кантемиром. Святые отцы признали, что Фонтенелева книга — сатанинская, что, противореча Священному писанию, она тешит бесов. Будь Галилей прав, его не заточили бы в темницу; не будь Бруно еретиком — его не сожгли бы на костре! Посему было определено: перевод подлежит отобранию и уничтожению.

У книги нашелся защитник — Ломоносов; прибегнул он к самому острому оружию — насмешке. Он сложил сатирический «Гимн бороде» — «непотребное сочинение, богомерзкий пашквиль». И этот «пашквиль» не только читали, но и напевали чуть ли не в Синоде!

Как было не яриться воинственным невеждам, если в бесовском гимне объявлялось: «борода глазам замена». Но какая замена?

Дураки, врали, проказы
Были бы без ней безглазы,
Им в глаза плевал бы всяк!..

Санкт-Петербургский архиепископ обратился к императрице со смиренной просьбой издать высочайший указ

с повелением соблазнительные и ругательные пасквили истребить и под виселицей рукою палача сжечь, а Ломоносова для надлежащего увещевания направить в Синод. Однако за Ломоносова заступился фаворит императрицы Елизаветы Петровны Иван Иванович Шувалов, и жалоба архиепископа была оставлена без последствий. Больше того, Шувалов посоветовал сделать Ломоносова советником академической канцелярии.

Михаил Васильевич посмеивался: густая тень страшит людей пужливых. Сам Михаил Васильевич никогда «пужливым» не был и в схватке со священным Синодом победил. Будь жив Антиох Кантемир, переводчик «Разговоры о множестве миров», порадовался бы он ломоносовской победе. Теперь воинственный Михайло хотел добиться издания Кантемировых сатир. Задача оказалась непростой даже для Ломоносова.

Глава тридцать вторая

ВЗЛЕТИ ПРЕВЫШЕ МОЛНИЙ, МУЗА!

> В российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общею апробациею приняты.
>
> *М. В. Ломоносов*

Старая пословица утверждает, что попытка — не пытка, а спрос — не беда! Вопреки пословице, каждая из четырех попыток Антиоха издать свои сатиры была для него злейшей пыткой.

В первый раз, еще до отъезда в «чужие края», в 1731 году вознамерился он напечатать пять сатир, а именно: «На хулящих учение», «На зависть и гордость дворян злонравных», «О различии страстей в человецех», «К музе своей» и «На человека». Вскоре лейб-гвардии поручик уразумел, что его сатирические стихи и при верховниках, и без верховников, при всех переме-

нах цариц и фаворитов — вольнодумны, предерзостны, опасны и посему нетерпимы.

Прошло почти десять лет, томительных и тяжелых. Кантемировы сатиры по-прежнему оставались в рукописях, что было для него изощренной пыткой.

В мае 1740 года Антиох Кантемир, уже не фендрик и не резидент, а чрезвычайный и полномочный посол с высоким придворным званием камергера, предпринял вторую попытку издать свои сатиры. Надеясь получить высочайшее одобрение и напечатать свои стихи в типографии Академии наук, Кантемир отослал рукопись в Петербург. Отослал с оговорками, что он обык писать стихи низким стилем и не смеет сочинять панегирики, для которых требуется высокий стиль, и что пересмешка злонравия есть лучший путь к исправлению, и что он всегда готов упражняться в занятиях, предписанных должностью, уделяя стихам лишь редкие часы досуга.

Осенью того же года Кантемир получил известие о смерти императрицы и сразу же предпринял новую, третью попытку напечатать свои сатиры. Он перебелил рукопись и с ближайшей почтой отослал в Петербург, как он полагал, в верные руки.

И третья попытка успеха не имела.

В 1743 году, уже при Елизавете Петровне, милостью лейб-гвардии занявшей российский трон, тяжелобольной Антиох Кантемир отправил в Санкт-Петербург восемь своих сатир: «На хулящих учение», «На зависть и гордость дворян злонравных», «О различии страстей в человецех», «О опасности сатирических произведений», «На человеческие злонравия вообще», «Об истинном блаженстве», «О воспитании», «На бесстыдную нахальчивость».

Четвертая попытка тоже оказалась безрезультатной. Это отягчило болезнь Антиоха и ускорило его смерть.

Много лет спустя Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в «Благонамеренных речах» привел слова не-

коего господина, словно вырубленного из ноздреватого известкового камня:

«Жить у нас, сударь, всякому можно, и даже сатирами заниматься никто не препятствует. Вот только касаться — этого, действительно, нельзя...»

Подобные и преподобные каменные глыбы в придворных кафтанах и рясах поучали и Антиоха:

— Будь сатириком, да не касайся!

Антиох же дерзостно «касался» — гневно высмеивал дворян, опятнанных злонравием, врагов просвещения, потомственных душегубов. Сатирик высмеял невежду Критона с четками в руках, щеголя Медора, которому печатные страницы нужны, чтобы завернуть при завивке кудри, льстеца Клита, который кланяется мухам, допущенным в покои временщика, лицемера Фабия, которого величают солнцем, а он — грязная лужа, Нарциза, полагающего, что все люди — скоты и только он пригож да учен. Высмеял Созима с ядовитыми устами, и временщика Макара, и знатного грабителя государственной казны Хирона, и дворянина-прихлебателя Менандра. Под незнакомыми именами легко узнавались невымышленные фигуры. Немудрено, что высокопоставленные злочинцы возложили на сатирические произведения Кантемира свою каменную длань.

Господин Шумахер и его зять Иоганн Тауберт сошлись воззрениями и характерами. Зять в ужасе глядел на русских студентов:

— Разве нам десять Ломоносовых нужно? Нам и один в тягость!

Стареющий тесть сокрушенно вздыхал:

— Я великую ошибку в своей политике совершил, когда допустил Ломоносова в профессоры!..

Так ли? Справедливость требует сказать: Шумахер сделал все возможное и невозможное, чтобы возмутите-

ля спокойствия в профессоры не допустить, да не в силах Шумахера было противодействовать воле академиков и Сената.

В 1757 году президент Академии наук Кирилл Разумовский предложил Ломоносову, с которым он считался как с ученым, и Тауберту, который всегда перед глазами вертелся, «присутствовать в академической канцелярии». Ломоносов согласился, «не для того, чтобы начальствовать, а чтобы не быть под начальством у Тауберта».

Весной следующего года обязанности Ломоносова, Тауберта и Шумахера были уточнены. Профессору химии, физики, истории и словесности Михайле Ломоносову было предоставлено наблюдение за ученой и учебной частью Академии наук.

Якову Штелину, который изобретал медали, рисовал виньетки для академических изданий и придумывал аллегории для праздничных фейерверков, был поручен надзор за художествами.

Иоганн Тауберт принял на себя мастерские, типографию, книжную лавку и все другое, связанное с хозяйством и деньгами.

Мнения резко разошлись, когда стали определять, кому ведать библиотекой.

— Кому отдать предпочтение: людям или шкафам? — спрашивал Ломоносов и отвечал: — Мое мнение — людям! Академическая канцелярия чувствует повседневное скучание ученых и служителей, требующих уплаты заслуженного жалованья. Пока они без денег, нельзя украшать библиотеку и Кунсткамеру позолоченными шкафами. Истинное украшение библиотеки и Кунсткамеры состоит во множестве редких и нужных книг и вещей, любопытства достойных.

Предприимчивый зять смекалистого тестя побаивался открыто выступать против Ломоносова, предпочитая действовать тишком, по-воровски. Шумахер давно на-

учил Тауберта ценные книги и рукописи переименовывать в малоценные и приобретать их по дешевке. Приметив в канцелярии Кантемирову рукопись, Тауберт стал прикидывать: а нельзя ли прибрать ее к рукам? Как это сделать?

По просьбе проныры зятя Шумахер подсчитал с пером в руках: расходы на издание сочинений Кантемира своим коштом составят рублей пятьсот или немного менее. Книгу быстро раскупят, сомневаться не надо, и адъюнкт Тауберт получит годовой оклад академика, а то и более!

— Ах я старый пень! — вздыхал Шумахер. — Сколько лет на виду лежал бесценный клад, а я отпихивал его ногой! Давно пора было издать Кантемира!

— Что ж, — соглашался Михайло Ломоносов. — Пусть так и будет — издать! И чем скорее, тем лучше!

«На свой кошт» книги издавала вторая типография, ее создал и полным в ней хозяином был Тауберт. Он сам выбирал для издания «верные» книги, сам находил авторов и переводчиков. Сам был цензором. «На свой кошт» печатал модные немецкие и французские романы, исторические книги, такие, как «История падения древнего града Трои» и другие сочинения, сулившие хорошую прибыль.

При встрече с президентом Академии наук Ломоносов напомнил сиятельному графу, что произведения Кантемира известны всей просвещенной Европе. Его сатиры, переведенные на французский язык, вышли...

— В Париже! — решил блеснуть своей осведомленностью Кирилл Разумовский.

— В Лондоне, ваше сиятельство, — поправил Ломоносов. — Напечатаны на французском языке в Лондоне. С французского они переведены на немецкий и напечатаны...

— В Берлине, — неуверенно сказал президент Академии наук.

— В Берлине! — подтвердил Михайло Ломоносов. — А Петербургу приходится довольствоваться рукописными списками; что ни список — букет ошибок! Презрев злобу зоилов, давно бы надлежало сочинения Кантемира напечатать на русском языке в Петербурге.

Сиятельный граф обещал подумать.

При новой встрече Ломоносов вновь учтиво напомнил сиятельному графу, что сатиры покойного Антиоха Кантемира надлежит издать. Не ждать же нам на Руси, когда их напечатают во всех европейских столицах!

Граф вновь обещал подумать.

Говоря откровенно, мысли Кирилла Разумовского были устремлены не к европейским столицам, а к городам Батурину и Почепу и к волостям Бакланской и Шептаковской. Со слезной мольбой обратился он к императрице Елизавете Петровне. Кажется, уж не столь давно он женат, но у него пять сыновей и пять дочерей. И все они, как нынешние, так и те, которыми и впредь бог его благословит, «будут испытывать недостаток к житию. Всемилостивейшая государыня, сотвори свою величайшую и благоутробную милость пожалованием мне в вечное владение с потомством хоть части деревень, которые в вечном владении у Меншикова были».

Разумовский по скромности своей умолчал о том, сколько им прижито детей внебрачных. Императрица Елизавета Петровна, однако, все это учла и просьбу графа уважила.

Просиял граф, еще более просиял Тауберт. В феврале 1761 года Кирилл Разумовский, не читая, подмахнул бумагу, поданную ему на подпись:

«Представлял мне словесно канцелярский советник г. Тауберт, что имеет он у себя исправный манускрипт всех покойного князя Антиоха сатир с примечаниями, присланными сюда от самого автора к некоторому его приятелю, и просил, чтоб дозволено было оные напечатать на его коште за указанную плату, как от других

печатаются на их кошт всякие книги. А понеже упомянутые Кантемировы сочинения на разных языках уже давно в свет изданы, а российские любители наук поныне вынуждены оные один у другого списывать, того ради ему, канцелярии советнику Тауберту, в печатании на его коште оных Кантемировых сочинений сим дозволяется».

— Дорогой мой зять! — спохватился Шумахер. — Отложи, приморозь, задержи! Думается, Ломоносов обвел тебя вокруг пальца.

— Задержать академический оклад? — изумился зять.

Придержать издание Кантемировой книги Шумахеру было не суждено — летом он умер.

Иоганн Тауберт, готовя надгробную речь, стал составлять перечень достоинств покойного статского советника, в заслугу ему поставил даже издание Фонтенелевой книги и намерение издать Кантемировы сатиры. В это время слепцы за окном запели Лазаря. Тауберт с пером в руке слушал бесхитростные слова: умер бедный, голодный, босой Лазарь. Господь прислал за его душенькой своих ангелов, повелев:

Выньте его душеньку и честно, и хвально,
И честно, и хвально сквозь сахарны уста.

Тауберт расчувствовался и стал рыться в карманах в поисках мелких монет. А слепцы в это время запели о смерти другого Лазаря — богача. Свое богатство нажил он, преступая божию заповедь «Не укради!». Посему за его душой явились дьяволы, которым господь повелел:

Выньте его душеньку чрез левое ребро,
Положите душеньку на острое копье,
Поднимите душеньку вверх высоко
И бросьте его душеньку в тартарары!..

Тауберт, озлясь, приказал служителям и писцам гнать слепцов в три шеи.

Двадцать пятого декабря 1761 года отбыла в тартарары душенька императрицы Елизаветы Петровны. В придворных кругах говорили, что апостол Петр, стоящий на страже у райских врат, ее величество Елизавету Петровну в райские ворота пропустить отказался по той причине, что она российский трон завещала своему племяннику Карлу Петру Ульриху, сыну гольштейн-готторпского герцога, ставшему теперь императором Петром Третьим. Новый царь преклонялся перед прусским королем Фридрихом Вторым, принимая его повеления за волю божью.

Царедворцы-немцы ликовали: при русском дворе будут заведены прусские порядки.

— Разрешите с вами порадоваться! — поспешил Иоганн Тауберт с горячим поздравлением к Якову Штелину. — Вы удостоены великой чести быть историографом его императорского величества Петра Третьего. Какими словами выразить мой восторг! Могу ли я задать вам один вопрос как книгоиздатель? Вы были библиотекариусом великого князя, ныне императора. Не можете ли сказать: как его величество посмотрит на издание сочинений Кантемира?

— Могу засвидетельствовать, — ответил бывший библиотекариус, — что в книжном шкафу великого князя были только книги о разбойниках и пиратах да молитвенники. Конечно, если недоброжелатели донесут императору, что злокозненные сатиры на Руси печатаются впервые... Да не бойтесь, я шучу, — успокоил своего соотечественника Штелин. — Император к Академии наук расположен благоприятно, ведь брат нашего президента, их сиятельство Алексей Григорьевич преподнес его величеству трость, украшенную драгоценными камнями, и миллион рублей.

Двадцать третьего февраля 1762 года Яков Штелин гордо вошел в академическую канцелярию.

— Свершилось долгожданное — я статский советник.

— Не меньше вашей моя радость, — сказал Михаил Васильевич Ломоносов.

— И вы пожалованы государем?

— Нет, я по-прежнему коллежский советник.

— С чем же вас поздравить?

— Свершилось долгожданное — наша канцелярия сегодня дает приказание типографии издать книгу первого российского сатирика князя Антиоха Кантемира, сатиры которого в российском народе с общею апробацией, то есть одобрением, приняты.

Ломоносов подал Штелину «Приказание», под которым уже стояла его, Ломоносова подпись.

— Будьте добры, распишитесь, — и, видя, что Штелин медлит, добавил: — Впервые как статский советник.

Новоиспеченный статский советник долго и старательно выводил каждую букву, потом осторожненько присыпал их мелким песком и торжественно отдал Ломоносову.

На этот раз капризное Счастье оказалось милостивым к сочинениям Антиоха Кантемира — санкт-петербургскому двору было не до его сатир.

Неизвестно, что сталось бы с Кантемировой книгой, если бы восторженный поклонник прусского короля Петр Третий дольше продержался на троне. Но он процарствовал лишь полгода. В июне 1762 года он был с ведома супруги задушен в Ропше (по официальной версии — умер от геморроидальных колик).

Екатерина Вторая, ступив на трон через труп мужа, стремилась предстать перед зарубежными просветителями гуманной монархиней, светильником просвещения, покровительницей искусства и наук. В дальнейшем, а процарствовала она тридцать четыре года, императрица

жестоко расправилась с русскими сатириками — опалой, ссылкой, заточением в каменный мешок крепости.

Книге Кантемира посчастливилось — она вышла из печати осенью 1762 года, впервые на русском языке и с обозначением имени автора. Ее тираж по тем временам был огромным — одна тысяча двести экземпляров — и весь разошелся.

Новой улыбки Счастья сочинениям Кантемира пришлось ждать очень долго, ибо у сатирика Антиоха Кантемира было много врагов при жизни и после смерти.

В царствование Екатерины Второй его книга не переиздавалась. Только в конце первой половины следующего века, в 1847 году, сочинения Антиоха Кантемира вышли в издании известного книготорговца Александра Смирдина. Ранее, в 1836 году, были напечатаны всего лишь четыре тетради Кантемировых стихов в серии «Русские классики».

Короткой была жизнь Антиоха Кантемира, трудным и славным — его путь. Никогда не умолкнет его слава зельного стихотворца, мудрого дипломата, горячего патриота России, отважного рыцаря просвещения, грозного бичевателя пороков — первого российского поэта-сатирика.

Владимир Михайлович Иванов

ПОВЕСТЬ ОБ АНТИОХЕ КАНТЕМИРЕ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1983, 248 стр.
План выпуска 1983 г. № 40

Редактор *С. А. Лурье*
Худож. редактор *А. С. Орлов*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *Е. А. Омельяненко*

ИБ № 3672

Сдано в набор 21.12.82. Подписано к печати 29.03.83. М 35037. Формат 70×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 10,92. Тираж 30 000 экз. Заказ № 877. Цена 1 руб. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр. Красная ул., 1/3.

